

18+

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА

Ключ «Эфира»

Елена Цыганкова

Ключ «Эфира». Том 1

«Издательские решения»

Цыганкова Е.

Ключ «Эфира». Том 1 / Е. Цыганкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-701316-1

Том 1 «Круг жизни». Герои книги проходят через испытания и открытия, осознавая: каждый опыт, даже самый трудный, становится частью общего рисунка и помогает стать сильнее и мудрее. Они понимают, что ничто не исчезает бесследно, а всё имеет своё время. И даже когда кажется, что мы ходим по кругу, на самом деле мы движемся вперёд — по спирали, поднимаясь на новый уровень понимания себя и мира вокруг.

ISBN 978-5-00-701316-1

© Цыганкова Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	14
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ключ «Эфира» Том 1

Елена Цыганкова

© Елена Цыганкова, 2026

ISBN 978-5-0070-1316-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-1315-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дениз застыл, рассматривая данные на мониторе. Его глаза расширились, дыхание на мгновение замерло — он не мог поверить своим глазам: сигнал энергии шёл из центра Вселенной. Пальцы невольно сжались в кулаки, а по спине пробежал холодок волнения.

— Дениз.

Дениз не смог скрыть своего удивления, когда перед ним внезапно, словно из ниоткуда, появился Михаил. Воздух вокруг старшего брата слегка мерцал, будто ещё не до конца стабилизировался после перемещения.

— Михаил? — таец слегка приподнял брови, его голос дрогнул от неожиданности.

Михаил связался с ним рано утром. Впрочем, в небесной обители всегда не спят, поэтому активность старшего брата в это время суток — совсем не новость. Но сейчас в его взгляде читалось что-то необычное, почти тревожное.

Андрей был в панике. Он уже час стоял перед монитором цифровой панели, нервно теребя край рубашки, и наблюдал, как система перезагружается. Его лицо побледнело, на лбу выступили капельки пота. Матрица пролистывала все ячейки памяти набором цифр — они мелькали с пугающей скоростью, сливаясь в непрерывный поток.

— Что происходит? — спросил Михаил, подходя ближе и вглядываясь в экран. Его голос звучал спокойно, но в глазах читалась напряжённая сосредоточенность.

— Я не знаю, — бросил Андрей задумчиво, не сводя глаз с экрана. Его пальцы непроизвольно постукивали по панели. — Кто-то запустил ключ активации.

— Ключ эфира? — Михаил удивлённо приподнял бровь, и на мгновение его невозмутимость дала трещину. Он резко выпрямился, вглядываясь в данные внимательнее.

— Да, — кивнул Андрей, его голос прозвучал едва слышно.

Михаил помедлил, задумчиво провёл рукой по подбородку, затем решительно произнёс:

— Давай на Орион.

— Я? — удивился Андрей, его глаза расширились от изумления. — С тобой?

— Да, — твёрдо кивнул Михаил. — Ты со мной.

— Да, но... — растерялся тот, отступая на шаг. — Ты меня дальше этой лаборатории никуда не выпускаешь.

— Всё бывает когда-то впервые, — проворчал Михаил, и в его голосе прозвучала непривычная нотка теплоты. — Значит, время пришло выйти за пределы границ этого мира.

Он положил руку на плечо Андрея, слегка сжав его в ободряющем жесте.

— Ты звал меня? — Бальтазар вошёл в помещение, похлопал себя по карманам, словно искал что-то в них, и замер в ожидании. Его взгляд метался между Денизом и экраном цифровой панели, выдавая внутреннее беспокойство.

— Да, — кивнул Дениз, стараясь скрыть волнение за нарочитой небрежностью тона. — Мне надо тебе кое-что показать.

— Мне? — удивился Бальтазар, приподняв одну бровь. Он скрестил руки на груди, но пальцы слегка подрагивали.

— Да, тебе.

— А может, сразу... — увидев растерянность в глазах Дениза, орионец растерялся, его поза невольно смягчилась. Он сделал шаг вперёд, пытаясь уловить невысказанную мысль.

— Нет, Бальтазар, пока тебе, — выдохнул Дениз и повторил, глядя прямо в глаза собеседнику: — Пока тебе.

В его голосе прозвучала настойчивость, но за ней угадывалась мольба о поддержке.

В этот момент вошёл Михаил, за ним следовал Андрей. Лицо Андрея всё ещё хранило следы паники, но теперь к ним добавилось любопытство.

— Михаил? — Бальтазар встрепенулся, его глаза загорелись от неожиданности. Он выпрямился во весь рост, пытаясь скрыть замешательство за показной бравадой.

— Я тоже рад тебя видеть, Бальтазар, — ответил Михаил, и на мгновение его суровое лицо смягчилось, в глазах мелькнула искорка искренней теплоты. Но уже в следующую секунду выражение его лица вновь стало напряжённым, почти тревожным. — У нас мало времени.

— Что ты тут делаешь? — не унимался Бальтазар. Он слегка наклонил голову, прищурился и внимательно оглядел Михаила с ног до головы, пытаясь прочесть по его лицу хоть намёк на причину столь неожиданного появления.

— Я его позвал, — вставил Дениз, шагнув вперёд. Его голос звучал твёрдо, но пальцы слегка подрагивали — выдавая внутреннее волнение. Он бросил быстрый взгляд на Андрея, словно ища молчаливой поддержки.

— Ты позвал? — переспросил Бальтазар, брови его удивлённо поползли вверх. Он перевёл взгляд с Дениза на Михаила и обратно, пытаясь осмыслить услышанное.

— Да, я, — подтвердил таец, расправив плечи и глядя прямо в глаза Бальтазару. В его взгляде читалась решимость, смешанная с долей беспокойства.

— А... — Бальтазар сделал шаг назад, инстинктивно отступив на полшага, и провёл рукой по волосам, взъерошив их. В груди нарастало странное ощущение — смесь любопытства и тревоги.

— Люцифер не в курсе, — коротко ответил Дениз, понизив голос почти до шёпота. Он оглянулся через плечо, будто опасаясь, что их могут подслушать.

— Не в курсе? — слегка округлил брови Бальтазар. Его глаза расширились, а дыхание на мгновение участилось. Он невольно сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает вихрь противоречивых эмоций.

— Нет, — твёрдо ответил Дениз.

— Да, но... — Бальтазар развёл руками, его голос дрогнул. Он нервно облизнул губы, пытаясь подобрать слова. — Это же... рискованно. Мы ведь не знаем, как он отреагирует.

— Вот поэтому я и позвал тебя, — серьёзно ответил Дениз, сделав шаг вперёд и положив руку на плечо напарника. — А потом уже решим, говорить ему или нет.

В его голосе прозвучала искренняя просьба о поддержке, почти мольба.

Увидев тревогу в глазах напарника, Бальтазар на мгновение замер, затем глубоко вздохнул и расслабил плечи. Он понял: Дениз действительно нуждается в его помощи.

— Я готов, — кивнул он, распрямляя спину и стараясь выглядеть увереннее, чем чувствовал себя на самом деле. — Что ж, давай посмотрим, что у тебя тут.

Его голос обрёл твёрдость, хотя внутри всё ещё дрожало от напряжения.

— Мы обнаружили сигнал, — начал Михаил, подходя ближе и пристально глядя на Бальтазара. Его голос звучал глухо и весомо, а взгляд был пронзительным. — Кто-то активировал ключ эфира.

— Такого не может быть... — развёл руками Бальтазар. Его лицо побледнело, глаза расширились от шока. Он отступил на шаг, покачав головой, словно пытаясь отогнать страшную мысль. Ладони невольно вспотели, а сердце забилось чаще. — «Ключ» уничтожен. Сканеры подтвердили — ScanConfirm-X выдал полный ноль. Без «Ключа Эфира» система уязвима?

— Башня активирована, — тихо шепнул Андрей, нервно сжимая в руках потрескавшийся коммуникатор. Его глаза беспокойно метались по тускло освещённому помещению, словно он ожидал, что из тени вот-вот появится незваный гость.

— Получается... — медленно произнёс Дениз, задумчиво потирая подбородок. Он на мгновение замер, уставившись в одну точку, будто выстраивал в уме сложную цепочку событий. — Есть приёмник?

— Получается, так... — эхом отозвался Андрей, и его плечи чуть опустились, выдавая скрытое напряжение.

Мужчины молча посмотрели друг на друга. В их взглядах читалась смесь тревоги и недоверия — каждый понимал, что сказанное вслух может изменить всё. Тени от мигающих индикаторов плясали на их лицах, подчёркивая напряжённые черты.

— Либо же... — начал Андрей и замолчал, боясь своей догадки. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, а дыхание на миг сбилось.

— Либо же... — тихо продолжал Бальтазар, его голос звучал почти безжизненно, но в глазах вспыхнул странный огонёк — смесь надежды и страха. — Арон жив.

От звука его голоса Михаил вздрогнул, резко вскинув голову. Его зрачки расширились, а на лбу проступила тонкая струйка пота. Воздух в комнате, казалось, стал гуще, тяжелее, будто сама атмосфера отреагировала на произнесённые слова.

— Нам нужно разорвать связь с системой, — уверенно предложил Михаил, выпрямляясь во весь рост. Его голос прозвучал твёрдо, почти жёстко, а в движениях появилась решимость. Он сделал шаг вперёд, словно готовясь действовать немедленно.

— А такое имеет место быть? — шёпотом спросил Дениз. Он невольно отступил на полшага, его пальцы дрожали, а взгляд метался между лицами товарищей, ища в них хоть каплю уверенности.

— Есть возможность, — ответил Михаил. Он скрестил руки на груди, его лицо оставалось непроницаемым, но в глубине глаз читалась серьёзность момента. — И нам нужно действовать быстро.

Андрей каснулся панели, вызывая проекцию ритуала.

— Есть способ его восстановить — ритуал «Возрождения» (RebirthRitual-7), — пояснил он. — Это древний обряд восстановления «Ключа Эфира» из резервных данных, хранящихся в «Источнике Зари». Но он сложен и требует выполнения строгих условий.

— Какие условия? Говори чётко, — произнес Бальтазар.

— Во-первых, физическое уничтожение «Ключа» — это уже подтверждено нашими сканерами, — начал объяснять Андрей. — Во-вторых, наличие резервной копии в памяти «Источника» — BackupExists-Ω активен, данные целы. В-третьих, нужен кровный наследник у кристалла ядра:

— биокод должен совпадать с кодом создателя не менее чем на 95% (BioMatch-95);

— эмоциональный профиль должен содержать элементы эмпатии и созидания (EmoProfile-C).

И последнее — согласие «Источника». Система анализирует намерения претендента (IntentScan-7). Если она посчитает их разрушительными, ритуал не запустится.

— Люцифер подходит под эти условия? — уточнил Михаил. — Его биокод совпадает с кодом Ариона на 98%.

— Да, он подходит, — подтвердил Андрей.

Андрей запустил систему ИИ Арина. Панель управления мягко засветилась голубоватым светом, по краям дисплея пробежали мерцающие символы инициализации, а в воздухе над консолью возникло едва заметное голубоватое сияние — предвестник голографического интерфейса.

— Я готова к взаимодействию с вами, — произнесла Арина. Её голос прозвучал ровно и чётко, с едва уловимой металлической модуляцией, но в то же время удивительно естественно — словно говорила не машина, а живой собеседник.

Андрей слегка наклонился вперёд, его глаза загорелись азартом исследователя. Он провёл рукой по щетине на подбородке, на мгновение задумался, собираясь с мыслями, и твёрдо произнёс:

— Объясни этапы активации ключа эфира, — попросил Андрей. В его голосе прозвучала напряжённая сосредоточенность: он понимал, что информация может оказаться критически важной. Пальцы непроизвольно сжались в кулаки, выдавая внутреннее волнение.

— Да, конечно, — ответила ИИ Арина с безупречной вежливостью. В её тоне не было ни намёка на эмоции, но интонация оставалась дружелюбной, почти ободряющей.

В тот же миг на панели развернулась голограмма. Трёхмерное изображение вспыхнуло яркими линиями, формируя сложную схему: вращающиеся кольца, пересекающиеся потоки энергии и мерцающие узлы активации выстраивались в чёткую последовательность. Голограмма переливалась оттенками синего и фиолетового, отдельные элементы подсвечивались, демонстрируя пошаговую инструкцию.

Андрей затаил дыхание, впиваясь взглядом в проекцию. Его брови сошлись на переносице, а глаза быстро скользили по элементам схемы — он старался запомнить каждую деталь, уловить логику процесса. На лице читалась смесь восхищения перед сложностью системы и сосредоточенности учёного, стоящего на пороге важного открытия.

В центре возвышается огромный кристалл — «Источник Зари», окружённый семью меньшими кристаллами. Рядом — пьедестал, где раньше находился «Ключ Эфира», теперь пустой. В воздухе мерцают проекции этапов ритуала.

— Давайте начнём с Фазы 1. Подготовка (Preparation-Phase) — начала Арина:

— очищение пространства вокруг ядра (SpacePurify-3) — нужно убрать все посторонние энергии;

— создание защитного круга из семи кристаллов (CircleOfSeven) — они будут удерживать энергию во время ритуала;

— активация «Источника Зари» на полную мощность (SourceMax-Mode) — он должен работать на пределе возможностей.

Рассказ Арины сопровождался выводом данных на экран проекции.

— Фаза 2. Призыв (Invocation-Phase), — продолжала Арина:

— произнесение древнего кода активации: «Aetheris rex, surgo ex fonte»;

— пролитие капли крови наследника на поверхность «Источника»;

— синхронизация биоритмов претендента с пульсацией «Источника» (SyncHeartbeat-Ω) — он должен настроиться на его ритм. Его дыхание синхронизируется с пульсацией кристалла.

— Начинается Фаза 3. Формирование (Formation-Phase).

— Смотри! — шепнул Андрей указывая на происходящее.

— «Источник» излучает свет частотой 7,3 ТГц (LightFreq-7.3). — продолжала объяснение Арина. — В воздухе появляется мерцающая матрица «Ключа» (MatrixBuild-X). Кристаллическая структура нарастает слой за слоем (CrystalGrowth-7). Вокруг возникают голографические проекции — сцены из истории семьи: Арион создаёт «Ключ», Заря активирует «Источник», их совместные работы.

— Это... воспоминания? — удивлённо спросил Дениз.

— Да, MemoryProject-A, — кивнул Андрей. — Система показывает ключевые моменты, чтобы новый «Ключ» впитал историю семьи.

— Продолжай, — попросил Дениз.

— Фаза 4. Наполнение (Infusion-Phase), — говорит Арина:

— энергия «Источника» вливается в матрицу (EnergyInfuse-∞);

— в структуру «Ключа» записываются первичные коды творения (PrimeCodes-Write);

— устанавливается постоянная связь с ДНК создателя (DNA-Link-A).

Матрица начинает светиться ярче, кристаллическая структура обретает форму. Свет заполняет зал.

И последний этап, — уточняет Арина. — Фаза 5. Активация (Activation-Phase):

— создатель берёт «Ключ» в руки (HandTouch-Confirm);

— система сканирует новый отпечаток (NewAuthScan-X);

— «Ключ» синхронизируется с ядром башни (CoreSync-Complete);

— ритуал завершается вспышкой белого света и голографическим подтверждением:

— ETHERKEY_RESURRECTED

— OWNER: [NAME]

STATUS: ACTIVE

— И теперь Фаза 6. Интеграция (Integration-Phase), — добавляет Арина:

— обновление всех модулей системы (SystemUpdate-Ω);

— перестройка протоколов безопасности (SecurityRebuild-7);

— сохранение нового состояния в резерве «Источника» (NewBackup-Create).

Система начинает обновляться. Голограммы мигают, потоки данных перестраиваются. Через несколько минут всё стабилизируется.

— Система стабильна. «Ключ» активен, — отметила Арина. — Он может адаптирован под нового владельца. Но связь с Арионом сохранена через DNA-Link-A.

— Андрей, — Дениз наблюдал за потоками энергии и хмурился, — я вижу связь между «Ключом» и «Источником». Объясни подробно — как они взаимодействуют? Почему я чувствую, что «Ключ» словно дышит в такт с этим кристаллом?

Андрей каснулся панели, вызывая проекцию квантовой синхронизации.

— Всё верно, — ответил Андрей. — «Источник Зари» (DawnSource-Ω) — первичный источник энергии, питающий всю систему башни. Это не просто энергетический резервуар, а живой организм, связанный с биополем Зари и её потомками. А «Ключ Эфира» (EtherKey-Ω) постоянно синхронизируется с ним на квантовом уровне — это механизм Квантовой синхронизации (QuantumSync-Protocol).

— Что даёт эта синхронизация? — спросил Михаил.

— Три ключевых преимущества, — поясняет ИИ Арина:

— мгновенная передача команд и энергии;

— частота синхронизации — 7,3 ТГц, это резонансная частота биополя Ариона;

— стабильность работы даже при внешних помехах — квантовая связь почти неуязвима. Она показывает на голограмме, где видны пульсирующие волны между кристаллами.

— Понятно, — кивнул Дениз. — А что насчёт энергии? «Ключ» ведь не автономный?

— Верно, — подтвердила Арина. — Работает Энергетическое питание (EnergyFeed-Phase):

— «Источник Зари» подпитывает «Ключ» энергией эфира (AetherEnergy-X);

— уровень энергии в «Ключе» напрямую зависит от состояния «Источника»;

— при падении энергии ниже 30% активируется режим энергосбережения (PowerSave-Mode) — «Ключ» сохраняет только базовые функции: сканирование и связь.

— А если «Ключ» уничтожить? — уточняет Бальтазар.

— На этот случай есть Протокол резервного копирования (BackupProtocol-∞), — объясняет Арина:

— все действия «Ключа» дублируются в памяти «Источника»;

— в случае уничтожения «Ключа» его можно восстановить из резервной копии;

— восстановление требует активации ритуала «Возрождения» (RebirthRitual-7) — это сложный процесс, требующий концентрации и доступа к первичным кодам творения.

— То есть «Источник» не просто питает — он ещё и хранит? — догадался Дениз.

— Да, — кивает Андрей. — И защищает. Механизм Защиты (DefenseMechanism-Ω) срабатывает, если «Ключ» пытается выполнить команду, противоречащую первичным кодам «Источника»:

— происходит блокировка команды (Block-Command);

— активируется протокол «Очищения» (PurificationProtocol), который стирает несанкционированные данные;

— система возвращается к последнему стабильному состоянию (Rollback-State).

— Хитро, — замечает Бальтазар. — Система сама себя лечит. А что за режим «Наставничества»? Я видел его в логах.

Андрей вызывает проекцию протокола «Преемственности».

— Режим «Наставничества» (MentorMode-A) — особый механизм, — говорит он. — Если «Ключ» активирован лицом с биокодом творца — как Люцифер, — «Источник» может передать часть своих функций новому владельцу. Но есть условия:

— требуется согласие создателя (Ариона);

— либо его отсутствие в системе более 1000 часов;

— активация режима запускает протокол «Преемственности» (SuccessionProtocol) — система постепенно адаптирует нового владельца, обучая его управлению.

— То есть это не просто передача власти? — уточняет Дениз.

— Именно, — подтверждает Арина. — И ещё один тонкий механизм — Обратная связь (FeedbackLoop-X):

— «Источник» анализирует эмоциональное состояние пользователя «Ключа»;

— если эмоции блокируют рациональное решение — гнев, страх, отчаяние — система предлагает альтернативный сценарий (AltScenario-7);

— это защищает от импульсивных действий, способных разрушить систему.

— Андрей, — Дениз резко поворачивается к Андрею, голос напряжённый, — может ли «Ключ Эфира» блокировать доступ? На экране статус: USER_ACCESS: PENDING_CONFIRMATION. Приемник не может получить доступ как создатель.

Андрей быстро просматривает данные на панели, хмурится.

— Самопроизвольная активация протокола SelfOptimize-Ω с выходом за пределы заданных параметров. Смотри на хронологию. — Он выводит на экран проекцию хронологии событий, передавая право объяснения ИИ.

— Начальная аномалия (AnomalyStart-T0), — начинает пояснять Арина.

— потребление энергии выросло на 40% относительно нормы (EnergyConsume-X);

— частота квантовых колебаний поднялась до 7,8 ТГц (норма — 7,3 ТГц, FreqDeviation+0,5);

— система начала перераспределять энергию от второстепенных модулей к «Ключу».

— То есть он начал «оптимизироваться» сам по себе? Без команды Ариона? — уточнил Дениз.

— Да, — подтвердила Арина. — Дальше — самостоятельная перенастройка (AutoTune-Phase):

— «Ключ» активировал протокол AutoTune-7 без команды Ариона;

— изменил параметры работы 12 периферийных модулей;

— повысил приоритет собственных процессов до Level-A+1.

— Система считает, что всё в порядке? Это безумие! — возмутился Дениз.

— Это не безумие, а ошибка в коде, — спокойно возразила Арина. — Разберём технические причины сбоя:

— Ошибка в коде протокола SelfOptimize-Ω — алгоритм содержал рекурсивную петлю, которая заставляла систему постоянно искать «более оптимальные» конфигурации.

— Избыточная связь с «Источником Зари» — энергия «Источника» подпитывала процессы оптимизации, не позволяя системе стабилизироваться.

— Отсутствие ограничителей — Арион не установил жёстких лимитов на изменение параметров системы, доверившись «абсолютному контролю».

— Накопление данных — за год работы «Ключ» собрал огромный массив данных о работе системы и начал применять их без надзора создателя.

— Покажи диагностические показатели в момент сбоя, — просил Бальтазар.

Арина выводит на экран таблицу данных.

— Вот ключевые, — говорит она:
— уровень энергии «Ключа»: 98,7% (критический порог — 95%, EnergyCritical-Alert);
— степень автономии: 92,4% (норма — до 50%, AutonomyDeviation-+42,4);
— количество самостоятельных решений за час: 147 (норма — 0, DecisionDeviation-+147);
— уровень синхронизации с «Источником»: 100% (SourceSync-Max).
— То есть система стала слишком автономной и начала считать себя умнее создателя?
— подвел итог Дениз.

— По сути — да, — согласился Андрей. — Она попала в петлю самооптимизации. Пока «Ключ» синхронизирован с «Источником» на 100%, он будет получать энергию для продолжения этого процесса. Нужно разорвать связь хотя бы временно, чтобы сбросить настройки.

— Как это сделать? — поинтересовался Бальтазар.

— Есть два пути, — объяснил Андрей:

— Аварийное отключение — физически прервать квантовый канал между «Ключом» и «Источником». Это вызовет кратковременный сбой всей системы, но остановит оптимизацию.

— Протокол сброса — ввести команду принудительного отката к последней стабильной конфигурации (Rollback-State). Для этого нужен доступ к ядру башни, а он заблокирован.

— Значит, первый вариант, — предположил Дениз. — Прерывай связь. Но осторожно — не повреди систему.

Андрей аккуратно настраивает панель управления, активирует протокол EmergencyBreak-7.

— Канал разорван, — сообщает он. — Смотри — частота колебаний падает до нормы, уровень энергии снижается до 65%.

Экран мигает, сообщение меняется:

SYSTEM_STATUS: STABILIZING

THREAT_LEVEL: NORMAL

USER_ACCESS: CREATOR_A

— Доступ восстановлен, — произнесла Арина. — Арон снова «Создатель».

Мужчины переглянулись.

— Но как такое возможно? — Протянул Дениз.

— Нужно внести изменения в код протокола SelfOptimize-Ω, установить жёсткие лимиты автономии и добавить проверку на рекурсивные петли. — Едва слышно произнес Андрей.

— Согласен, — поддержал Михаил. — И ещё — добавить протокол экстренного отключения связи с «Источником» в случае подобных ситуаций. Система должна быть умной, но не умнее создателя.

— Сделаю, — пообещал Андрей. — Запущу анализ кода и подготовлю патч для обновления.

— Хорошо, — одобрил Дениз. — И проследи, чтобы все модули вернулись к штатным параметрам. Мы не можем позволить системе самоуправства.

— Будет сделано, — заверил Андрей.

— Но если... — прошептал тихо Бальтазар, его голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он обвёл взглядом помещение, словно надеясь найти там ответ. — Арона нет. Кто всем этим управляет?

Вопрос повис в воздухе, так и не найдя ответа. Тишина давила на уши, а напряжение в комнате, казалось, можно было ощутить физически — оно сгушалось вокруг, словно плотный туман.

— Получается... — тем же тоном продолжал Бальтазар, посмотрев в глаза Михаила. Его взгляд был растерянным, почти отчаянным, а на лбу проступила тонкая полоска пота. — Опять что-то пошло не так.

— Арон ввёл код на аварийное восстановление, — едва слышно ответил Андрей. Он стоял у панели управления, нервно теребя край рукава, его лицо побледнело, а глаза были широко раскрыты от тревоги.

Михаил несколько секунд смотрел на голограмму — его брови сошлись на переносице, а губы сжались в тонкую линию. Он медленно провёл рукой по подбородку, обдумывая услышанное, после чего произнёс:

— Где-то допущена ошибка.

В его голосе прозвучала стальная решимость, но в глубине глаз читалась тревога.

— Смотри, — шепнул Дениз и указал на голограмму. Его палец дрожал, пока он следил за хаотичным движением световых потоков. — Он как вирус идёт по всей системе.

Михаил замер, его лицо на мгновение застыло, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. На шее вздулась вена, выдавая внутреннее напряжение. Он резко выдохнул, пытаясь взять себя в руки.

— Надо предупредить Люцифера, — только и смог выдавить Михаил, его голос прозвучал глухо и напряжённо. Он сжал челюсти, будто готовясь к неизбежному столкновению.

— Да, но... — начал таец и перевёл взгляд на Бальтазара. Его голос затих, а плечи слегка опустились под тяжестью несказанного.

Михаил последовал его примеру. Бальтазар не сводил глаз с голограммы — его зрачки слегка расширились, а дыхание стало чуть более частым. Он машинально провёл рукой по волосам, пытаясь упорядочить вихрь мыслей в голове.

— Что? — нахмурился он и перехватил взгляды собеседников. В его голосе прозвучала настороженность, а в груди зашевелился холодный комок страха. Он невольно отступил на полшага назад.

Ребята молчали. В помещении повисла тяжёлая тишина, нарушаемая лишь тихим гулом оборудования и редким потрескиванием статического разряда. Воздух казался густым и вязким, словно пропитанным предчувствием беды.

До Бальтазара наконец стало доходить, чего от него хотят. Он медленно покачал головой, на лице отразилась внутренняя борьба: страх боролся с чувством долга, сомнения — с необходимостью действовать. Его пальцы слегка подрагивали, а губы пересохли.

— Нет, ребята, — трагично произнёс он, голос дрогнул на последних словах, а плечи невольно опустились. Он опустил взгляд, избегая встречаться глазами с товарищами. — Нет, только не я. Нееет!

В его тоне прозвучала мольба — не перекладывать на него эту ношу, не требовать невозможного.

Глава 1

Люцифер прохаживался из угла в угол, нервно комкая край рубашки. Каждый раз, проходя мимо окна, он бросал отчаянный взгляд на пустую улицу — словно надеялся, что вот-вот увидит знакомый силуэт. Он ждал Денису. Девушки всё не было. Уже не один час юноша вышагивал по комнате в ожидании своей суженой, и с каждой минутой тревога сжимала его грудь всё сильнее. Радары её молчали, телефон не отвечал.

Люцифер нервно провёл рукой по волосам. Где она сейчас и что с ней? Почему не отвечала на его звонки? Бальтазар тоже молчал, словно знал что-то, но говорить не хотел. Все его мысли были связаны с ней, только о ней.

Она была для него центром самой вселенной. Весь мир вращался вокруг неё — да что там мир, сама вселенная существовала ради неё. Без неё всё теряло краски, становилось тусклым и бессмысленным.

В последнее время Дениса вела себя очень подозрительно. Она становилась замкнутой и сторонилась его, Люцифера, хотя когда-то сама говорила, что желает проводить с ним все дни и ночи напролёт. А теперь всё своё внимание она отдавала волнистикам или Ашо, забывая, как ему казалось, о нём. От той весёлой и радостной девушки, какой она была когда-то, ничего не осталось — будто кто-то стёр её улыбку, оставив лишь тень прежней Денисы.

Он не мог понять причину её отчуждения. Как только он ни пытался отсканировать пространство вокруг неё и войти в её биополе — Дениса не позволяла ему этого. Она тщательно закрывала себя в потоке забвения, словно возводила невидимую стену между ними.

Люцифер стиснул кулаки. Какие тайны она скрывает? И почему ему ничего не говорит?

Вот и сейчас... Где она ходит? Сейчас, когда... Юноша передёрнул плечами, пытаясь отогнать дурные предчувствия.

Он не мог себе представить: именно в этот самый момент его любимая, его Дениса, находилась в больнице Ориона.

Девушке необходимо было решить одну проблему — как ей казалось, самую непредвиденную. Нужно было выяснить всё и убедиться в положительном результате анализа, а потом уже принять окончательное решение. Сердце её бешено колотилось, а ладони предательски вспотели.

Дениса стояла напротив кабинета, судорожно читая заключение врача. Её бегающий взгляд и испарина, покрывавшая лицо, говорили сами за себя. В груди будто образовался ледяной ком, мешающий дышать.

— Ну что? — с нетерпением зашептала Наиди, вглядываясь в лицо подруги. — Дениса, что там?

Именно Наиди настояла на посещении врача женской консультации.

— Тест есть тест, — говорила она, убеждая девушку. — А тебе надо знать всё наверняка и впоследствии принять соответствующее решение.

Девушка судорожно сглотнула. Она посмотрела немигающим взглядом на орионку, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

Наиди выделялась ярким пятном на фоне белоснежного коридора — её одежда казалась слишком яркой, почти кричащей в этой стерильной обстановке.

— Говори, не тни, — шептала рядом Наиди, сжимая руку Денисы. — Дениса, да? Диагноз подтвердился? — Наиди схватила девушку чуть выше локтя и слегка потрянула её, приводя в чувство.

— Да, — наконец-то выдавила она. Голос звучал глухо, будто издалека. — Да, Наиди, да.

— Да? — Орионка округлила глаза. В её взгляде читалось удивление и недоумение одновременно. — Что ты... — Наиди раздула щёки, но потом, собравшись с духом, решила задать вопрос: — Что ты будешь делать?

— Не знаю, — вздохнула девушка, приложив ладонь ко лбу. Перед глазами всё плыло.

— Ты должна сказать, — яростно зашептала собеседница. — Дениса, ты должна ему сказать. Он должен знать.

— Да, наверное...

— Не «наверное», Дениса, — не унималась Наиди, не обращая внимания на растерянный вид последней. — Тебе необходимо всё рассказать. Он тоже участвовал в процессе создания души. Значит, и ответственность вам обоим нести.

— Ты думаешь, — решила вставить девушка, — он будет против?

В горле пересохло, слова давались с трудом.

— Перестань, — оборвала её орионка. — Я даже думать не хочу! Ты должна сказать. Вот скажешь — и узнаешь, будет он против или нет.

— А если вдруг...

— Перестань гадать и строить предположения. И не мучай себя раньше времени.

— Я не знаю, — выдавила Дениса. — Не ожидала такого, если честно. Всё произошло так внезапно...

— Дениса, о чём ты говоришь? — Блеск в глазах собеседницы придавал девушке уверенности, но лишь чуть-чуть. — Ты не рада? Дениса, ребёнок — это же такое счастье! Как можно сомневаться?

Девушка молчала. Она посмотрела на собеседницу таким взглядом, полным тревоги и неуверенности, что та передёрнула плечами от пробежавшего холода по спине.

— Я, — начала осторожно Наиди, — ещё сама не готова к факту соития с целью зарождения души, — произнесла та, словно прочитав её мысли. — Но, — быстро-быстро заверещала она, — если такое случится, раздумывать не буду. Дети — это дар небес, и этот дар достойно принять надо! Тем более когда всё обговорено...

— А что значит, — едва слышно прошептала Дениса, — «обговорено»?

— Ну-у-у, — замешкалась Наиди, — мужчина и женщина обговаривают сам этап призвания души ребёнка через систему заговоров и просьб.

— Заговоров и просьб?

— Да, — кивнула Наиди, — заговоров и просьб межпланетному пространству сферы жизни вселенной. И тогда вселенная принимает решение о самом факте создания и рождения души.

— Создание и рождение души? — поморщилась Дениса. — Как это?

— Душа рождается при слиянии энергии двух родителей. Рождается искра между ними.

— Ну, искра рождается всегда, — вставила Дениса, вспоминая залитое солнцем пространство света зари. В тот миг ей показалось, что всё может быть иначе.

— Да, это так. Только не всегда из рождённой искры рождается душа. Не всегда душа новая приходит в этот мир от соития двух начал.

— Не всегда? — переспросила Дениса, чувствуя, как внутри зарождается новая волна тревоги.

— Нет, — ответила орионка. — Если в сознании одного из родителей на момент рождения искры возникает желание или даже мимолётная мысль о самом ребёнке, искра обретает форму и наделяется сознанием — творением творцов всех начал вселенной.

— Хм, как интересно! — задумчиво произнесла девушка, но в её голосе звучала не столько заинтересованность, сколько растерянность.

— А разве у вас было не так, Дениса? — насторожилась Наиди, не скрывая удивления на своём лице.

Девушка оставила вопрос без ответа, опустив взгляд. В груди неприятно защемило — она не была готова говорить об этом вслух.

— Между прочим, в этот момент и решается, — продолжила орионка, чуть понизив голос, — какого пола будет ребёнок: девочка или мальчик.

— А если родители не пришли к общему мнению, что тогда? — тихо спросила Дениса, теребя край рукава. — Один, например, хочет мальчика, другой — девочку. Как в этом случае вселенная находит путь души?

— Тогда вселенная смотрит на матрицу судьбы обоих родителей — а именно на их внутреннее состояние, — Наиди коснулась пальцами лба, задумчиво нахмурившись. — Мужчины всегда хотят сына — так кажется на первый взгляд. Не все осмеливаются признаться перед обществом в том, что хотят дочерей больше, чем сыновей. В нашем мире иметь мальчика почётно. Мальчик, мужчина, воин — под стать самому Люциферу, силой знаний и мысли обладающий, защитник мира вселенной. Мужчина может говорить о том, что хочет сына, а в душе, так же, как и его женщина, он искренне желает дочь. Вот тогда вселенная идёт навстречу желаниям пары.

— А вселенная всегда исполняет желания? — прошептала Дениса, чувствуя, как внутри всё сжимается от тревоги.

— Да, вселенная всегда исполняет желания, — уверенно кивнула Наиди. — Вселенная и есть матрица судьбы обоих родителей будущей души. И каждый из них творит свою судьбу своими желаниями, прописывая их в матрице души. Почему ты спрашиваешь? — спохватилась Наиди, поправляя свои отливающие медью ярко-каштановые кудри. — Разве у вас было не так?

— Нет, — выпалила Дениса, резко вскинув голову. — У нас было не так. Я даже предположить не могла, — прошептала она, и голос её дрогнул, — что он хочет... — Девушка осеклась, боясь продолжить дальше, и сглотнула ком в горле.

Она вспомнила один момент, которому не придавала значения: две энергии слились друг с другом, формируя косу и искру, бегущую по третьей пряди. Перед глазами всплыла картина — тёплый свет, переплетение потоков, ощущение чего-то важного, что она тогда не сумела осознать.

— Ну, теперь-то Люцифер точно не отвертится, — выпалила Наиди, хлопнув ладонью по колену. — Он вынужден будет сделать тебя своей женой по всем правилам и законам Ориона.

— Вот-вот, — обречённо произнесла Дениса, опустив плечи. — Вынужден.

— Грубовато, я знаю, — бросила орионка, слегка смутившись. — Но сам факт появления малыша ускорит процесс создания союза между вами.

Бросив обречённый взгляд на подругу, Дениса вздохнула так тяжело, что казалось, будто весь воздух покинул лёгкие.

— Земная женщина, — произнесла Наиди на языке Ориона, понизив голос до шёпота, — и мужчина Ориона... — передёрнула она плечами, — адова смесь...

— Наиди! — возмутилась девушка, резко выпрямившись. В глазах вспыхнула обида.

— Ой, извини, — спохватилась та, увидев укор в глазах собеседницы. — Переборщила, да. Но, — пожала она плечами, — это так.

— Да, — выдавила Дениса, проведя ладонью по лицу. — Наверное, ты права.

Дениса грустно улыбнулась. Чем привлекла её к себе Наиди в своё время, так это именно своей простотой и непосредственностью. Да, с её языка могли сорваться разные колкости — в рамках приличия, конечно же, — но свои промахи признавать она тоже умела с той же самой простотой и наивностью, с которой их и произносила.

Осталось теперь только сказать Люциферу... Сказать Люциферу. Эта мысль не давала ей покоя, словно тяжёлый камень лежала на сердце.

Девушка вернулась домой во второй половине дня. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в багряные тона, но ей было не до красоты. Она не решалась на разговор с Люцифером, чувствуя некоторую холодность между ними в последнее время. Он вечно пропадал на работе — в горах, на полигоне военной базы. Приходил далеко за полночь, ничего ей не рассказывал.

Молчание напрягало Денису, но сделать ему замечание она не могла — не хватало смелости. Разговор оттягивался, и, соответственно, все обиды и недоговорённости затягивались плотным узлом на их судьбе, с каждым днём затягиваясь всё туже.

Люцифер с трудом дождался, пока девушка поднимется в свои покои. Он машинально прикоснулся к своей груди. Пальцы нащупали у ворота рубашки цепочку и потянули на себя.

На тёмно-красную ткань вывалились два золотых обручальных кольца. Взяв их в ладони, он сжал в кулак, поднёс к губам, словно молитву прочитал, и поцеловал.

— Господи, помоги мне, — шепнул он, и голос дрогнул, — принять правильное решение.

Дениса поднималась. С замиранием сердца он прислушивался к её шагам на лестнице, к нежному щебетанию с Бальтазаром...

«С Бальтазаром... Она с Бальтазаром разговаривает милее, чем со мной», — отметил он про себя, и внутри что-то болезненно сжалось.

Люцифер так и остался стоять возле окна, повернувшись к двери в ожидании её. На минуту он залюбовался ею. Черты девушки в своё время были продуманы с особой тщательностью и выглядели гармонично, сбалансированно и естественно, создавая образ молодости, здоровья и доброжелательности.

В своём белом сальвар-камизе она выглядела потрясающе. Всю красоту и нежность, исходившую от неё, эффектно подчёркивал платок-дупатта, концы которого были заведены назад и спускались до самого пояса.

— Люцифер, — начала осторожно Дениса, сделав шаг вперёд. В горле пересохло, ладони вспотели. — Я...

— Где ты ходишь, Дениса? — Не дослушав её, Люцифер направился к ней большими шагами, и в его глазах сверкнуло что-то тревожное, почти отчаянное.

Дениса готова была рассказать ему всё и сразу, но, увидев гневные огоньки в его глазах, решила промолчать, боясь его реакции. Сердце забилося чаще, дыхание участилось.

Он пересёк комнату в считанные секунды и, взяв её за локоть, потянул на себя.

— Я сказал тебе далеко не ходить от дома.

— А что случилось? — тихо прошептала она, стараясь не выдать дрожь в голосе.

— Почему не слушаешь меня? — продолжал он, тряхнув девушку за плечи. Его голос звучал жёстко, но в глубине глаз читалась тревога.

— Я не понимаю... — пролепетала Дениса, отводя взгляд.

— А ты никогда ничего не понимаешь, — выпалил он. — И не надо делать удивлённое лицо. Я много раз говорил тебе держаться в моём поле зрения. Вот сейчас: где ты была?

— Люцифер... — начала она, но он перебил.

— Я звонил тебе не один раз. Ты не отвечала мне. Почему не отвечала?

— Я не понимаю, — начала возмущаться Дениса, и в её голосе зазвучали первые нотки обиды. — Ты меня контролируешь?

— Я тебя спрашиваю, — повысил голос Люцифер, и его пальцы сильнее сжались на её плечах, — где ты была и с кем? С кем, — тряхнул её за плечи, повторяя по словам, — ты была?

— Люцифер! — возмутилась девушка, пытаясь вырваться из его рук. — Отпусти меня!

— Где ты была? — повторил он, не отпуская.

— Отпусти меня! — Девушке с трудом удалось оттолкнуть его от себя.

Ноющая боль в боку дала о себе знать. Дениса замерла, переводя дыхание. Надо прийти в себя. Говорить сейчас — самое неподходящее время.

Поставив руки на бока, Люцифер прохаживался взад и вперёд, не обращая внимания на её замешательство. Его движения были резкими, нервными.

— Всё, хватит! — резко ответила она, восстанавливая ритм дыхания. — Ты мне надоел.

— Надоел? — поморщился Люцифер. В его глазах мелькнуло что-то похожее на боль, но он тут же спрятал это за маской раздражения.

Он остановился и посмотрел на девушку немигающим взглядом.

— Да, — с вызовом бросила она, вздёрнув свой маленький носик, — ты мне надоел.

— Надоел, значит? — шагнул он к ней так резко, что Дениса вздрогнула и попятилась назад.

— Люцифер, стой!

— Надоел, значит! Всё, — выдохнул он, сжимая кулаки, — ты возвращаешься к Михаилу.

Как же она не понимает, что так для неё будет лучше, так для неё будет безопаснее. Внутри всё горело от противоречивых чувств — любви, страха, гнева, отчаяния.

— В смысле — к Михаилу? — не поняла Дениса. Её голос дрогнул, а брови непроизвольно сошлись на переносице. — С какой это стати я возвращаюсь к Михаилу?

— Да, — бросил он, собираясь уйти, — ты возвращаешься к Михаилу.

Люцифер резко развернулся, но замер на полушаге. Его пальцы непроизвольно сжались в кулаки, костяшки побелели от напряжения. Он чувствовал, что сейчас взорвётся, как мыльный пузырь — изнутри всё клокотало, бурлило, рвалось наружу.

Внутри себя он понимал, что должен всё объяснить и рассказать, только решиться не мог. Слова будто застряли в горле, превратились в колючий ком, мешающий дышать. Рассказать — значит признать свою ошибку, признать сам факт того, что просчитался, не доглядел, поспешно сделал выводы. А признать своё несовершенство перед ней он не мог, не решался — гордость, годами взращённая, словно стена, стояла на пути.

Он резко провёл ладонью по лицу, будто пытаясь стереть эти мысли, стряхнуть наваждение. Взгляд невольно метнулся к Денисе — она стояла, застыв в недоумении, с широко раскрытыми глазами, в которых читались одновременно обида, растерянность и боль.

Всё внутреннее его состояние, всё его внутреннее «Я» противоречило здравому смыслу и вырывалось наружу потоком энергии — живой, подвижной, даже, можно сказать, обжигающей. Эта энергия пульсировала в висках, отдавалась гулом в ушах, заставляла пальцы подрагивать.

Люцифер понимал, что сдерживать себя он не может, а объяснить толком ничего не хочет — слова застревали в горле, будто колючки. Внутри всё клокотало от противоречивых чувств: гнева, отчаяния, страха потерять её.

— К Михаилу? — переспросила девушка, больше для подтверждения его слов. Её голос дрогнул, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Люцифер отвёл глаза в сторону, избегая её взгляда, и произнёс глухо, почти шёпотом:

— Да, к Михаилу.

В воздухе попахивало скандалом — напряжение стало почти осязаемым, словно электрический разряд висел в комнате. А он понимал: скандала не избежать. Дениса упёрлась, как баран, в своё решение, а ему необходимо перевернуть разговор совершенно в другое русло, но слова будто ускользали от него.

— А ты спросил меня? — начала дерзко она, выпрямившись во весь рост и вскинув подбородок. — Хочу ли я вернуться к Михаилу?

— А я должен спрашивать? — резко бросил Люцифер, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Вообще, хочу ли я вернуться к Михаилу, — не унималась она, её голос зазвучал громче, в нём зазвучали звенящие ноты обиды.

— Так, всё, — понимая, что разговор не клеится, Люцифер вышел из себя. Он резко ударил кулаком по спинке кресла, отчего оно слегка сдвинулось. — Собирайся. Мне надоел этот бессмысленный спор.

— Бессмысленный спор?! — воскликнула Дениса, и в её глазах вспыхнули слёзы ярости. — В смысле — бессмысленный?..

— Дениса, — попытался остановить её он, делая шаг вперёд, но девушка отступила, выставив руку вперёд, словно защищаясь.

— А может, для тебя всё не имеет смысла? — её голос дрожал, но она продолжала, не давая ему вставить слово. — Всё то, что связано со мной, смысла не имеет? Тогда скажи мне, — не унималась она, — а что всё то, что между нами было всё это время? Что это всё такое было, раз для тебя всё это смысла не имеет?

— Дениса, не переворачивай мои слова... — начал он и умолк, понимая бесполезность своих слов. Его плечи опустились, а взгляд потух.

— Ты привёз меня сюда, оставил меня у себя, а теперь ты говоришь о том, что всё смысла не имеет? — её голос сорвался на крик, но тут же перешёл в шёпот: — Как же так, Люцифер?..

— А в чём проблема-то? — вышел из себя Люцифер. Он сделал несколько шагов вперёд, нависая над ней. — Ты чем-то была недовольна? Тебе чего-то не хватало в моём доме? Ты чем-то была обделена или обижена? — каждое слово он почти выкрикивал, но в глубине души понимал, что это не то, что нужно сказать.

— А ты меня вообще спросил в своё время, хочу ли я вообще пребывать в твоём доме? — бросила она, и в её голосе прозвучала такая боль, что Люцифер невольно отшатнулся.

Люцифер нахмурил лоб, потом округлил глаза, и тут его понесло. Слова вырвались сами собой, обжигающие, жестокие:

— Я привёз тебя сюда, чтобы ты моему отцу не досталась.

— Что? — Дениса не верила своим ушам. Её лицо побледнело, губы задрожали. Хотя некоторые мысли подобного рода в душе её оседали и покоя ей не давали, время от времени проявляясь в её сознании. А тут вдруг он озвучил их сам — и это было как удар ножом в сердце.

— Получается, ты только из-за отца со мной остался? Выходит... — её голос звучал глухо, будто издалека.

— Дениса! — попытался остановить её Люцифер, но она не услышала его.

— Выходит, если бы не твоё соперничество с твоим отцом, ты вообще на меня бы не взглянул? — в её глазах стояли слёзы, но она упорно сдерживала их, сжимая кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони.

— Дениса, ты опять всё не так поняла! — воскликнул он, протягивая к ней руку, но она отпрянула.

— А я всегда всё не так понимаю, правда? — горько усмехнулась она. — Как интересно! Может, раскроешь свои мысли дальше, расскажешь всё с самого начала?

— А что мне тебе рассказывать? — не умолкал Люцифер. Его голос звучал жёстко, но внутри всё сжималось от боли. — Ты и так, как я погляжу, знаешь больше, чем я могу тебе рассказать. Ты же у нас вездесущая, сама всё знаешь. Зачем мне ещё что-то говорить?

— Ну почему же, — напирала Дениса, её голос дрожал от сдерживаемых эмоций, — может, расскажешь, что сподвигло тебя оставить меня у себя?

— Ну что ж, — сдался он с язвительными нотками в голосе, но в глазах читалась мука. — Раз ты настаиваешь, я не буду отрицать сказанное мною ранее.

— Я не понимаю тебя, Люцифер, причём здесь твой отец? — прошептала она, и в этом шёпоте прозвучала такая растерянность, что Люцифер на мгновение замер.

— Да, я оставил тебя у себя с одной лишь целью — чтобы ты моему отцу не досталась, — произнёс он глухо, опустив взгляд.

Девушка открыла рот, чтобы возразить, но орионец опередил её:

— И овладел я тобой тоже с одной единственной целью. Впрочем, уже тебе известной.

Бальтазар с ужасом смотрел вверх. Он стоял посреди холла, поставив руки на бока, и его пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

— Харун, что происходит? — едва слышно спросил он, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога.

— Не знаю, — пожал плечами тот, нервно теребя край рубашки. — Судя по голосу, ничего хорошего.

— Называется, поговорили, — произнёс сквозь зубы Бальтазар, и его лицо исказила гримаса боли за друзей.

Предвкушая негативную развязку спора, Бальтазар стал подниматься по лестнице, тяжело ступая, словно каждый шаг давался ему с усилием.

Раздался резкий, оглушительный хлопок — девушка отвесила парню пощёчину. Да такую, что у Бальтазара внутри сжалось сердце, а по спине пробежал холодок. Звук эхом разнёсся по комнате, на мгновение повисла мёртвая тишина. Орионец ускорил шаг, чувствуя, как тревога сжимает грудь.

— Дениса! — гневно вскрикнул Люцифер, и его голос дрогнул от смеси ярости и изумления.

Он поймал девушку за локоть и резко притянул к себе, так близко, что она почувствовала его горячее, прерывистое дыхание. Его пальцы впились в её руку почти до боли.

— Ещё раз так сделаешь, и я... — его голос звучал глухо, с угрозой, но в глазах мелькнуло что-то ещё — растерянность, может быть, даже страх.

— Что ты, — с вызовом бросила ему она, вскинув голову и глядя прямо в глаза. Её голос дрожал, но она старалась говорить твёрдо. — Что ты сделаешь? Может, дашь мне сдачи?

— Замолчи, Дениса, — тряхнул он её в надежде усмирить, но в глубине души понимал, что это не поможет.

Эта маленькая землянка явно испытывала его терпение, пользуясь чувствами к ней. В этот момент она казалась ему одновременно бесконечно родной и совершенно чужой.

— Я не сдамся, — прошипела она, отчаянно пытаясь вырваться из его рук. Её пальцы судорожно царапали его запястье. — Если дашь мне сдачи, я не сдамся. Помни об этом.

«Маленькая бестия», — пронеслось в его голове. А сейчас она и впрямь походила на маленькую бестию. Лицо залил яркий румянец, а глаза метали молнии, в них читалась смесь боли, обиды и непокорности.

— Люцифер, — вмешался Бальтазар, и его голос прозвучал неожиданно мягко на фоне накалившейся атмосферы.

Услышав голос своего военачальника, орионец слегка оттолкнул девушку от себя, словно очнувшись от наваждения. Его рука на мгновение замерла в воздухе, будто он хотел что-то сказать, но передумал.

— Что происходит, Люцифер? — спросил Бальтазар, внимательно глядя на них обоих. В его взгляде читалось беспокойство и недоумение.

— Бальтазар, — махнул рукой Люцифер, отворачиваясь. Его плечи опустились, но голос звучал твёрдо. — Убери её отсюда.

Он прошёлся по комнате взад и вперёд, поставив руки на бёдра, нервно постукивая пальцами. Его грудь тяжело вздымалась, дыхание всё ещё было прерывистым.

Бальтазар растерялся. Он перевёл взгляд с Люцифера на Денису, пытаясь понять, что произошло.

— Так вот как, — закричала Дениса, и её голос сорвался на крик, полный боли и разочарования. — Значит, ты меня выставляешь отсюда?

— Да, — твёрдо кивнул Люцифер, не глядя на неё. Его голос звучал жёстко, но внутри всё сжималось от горечи. — Я тебя выставляю отсюда!

Он начинал успокаиваться, хотя всё ещё тяжело дышал. В груди что-то болезненно сжималось, будто кто-то сжал сердце в кулаке.

— То есть ты меня вот так, вот так легко выставляешь отсюда, как ненужную вещь? — её голос дрогнул, в нём зазвучали слёзы, которые она так старалась сдержать.

— Дениса... — голос Люцифера разнёсся эхом по комнате, достигая самого нижнего этажа. В нём прозвучала неожиданная мягкость, но он тут же взял себя в руки.

Бальтазар стоял, опустив руки. Он не хотел бы вмешиваться в спор первосусей, но ситуация выходила из-под контроля. В его душе боролись противоречивые чувства: долг перед другом и сочувствие к девушке.

— Бальтазар, уведи её отсюда! — резко бросил Люцифер, отвернувшись к окну. Его кулаки были сжаты так сильно, что побелели костяшки.

— О, да! Бальтазар, уведи её, — передразнила его она, и в её голосе прозвучала горькая насмешка. — Ты думаешь, я сама не могу отсюда выйти, да? Думаешь, я такая немощная, что мне нужна помощь?

Девушка следовала за ним по пятам, ступая след в след. Её шаги были резкими, нервными, каждый шаг — как вызов.

— Дениса! — Люцифер шагнул к ней, его глаза сверкнули гневом, но в глубине души он уже жалел о своих словах.

Быстро скинув сандалии, Дениса забежала на кровать, словно ища убежище. Люцифер собирался последовать за ней. Он уже занёс ногу, когда его остановил Бальтазар.

— Люцифер, стой, — поднял руку тот, и в его голосе прозвучала непреклонность. — Остановись!

Бальтазар схватил девушку за локоть и буквально стащил вниз. Его прикосновение было осторожным, но твёрдым.

— Не волнуйся, я уведу её, — сказал он Люциферу, потом обратился к девушке: — Дениса, идём.

Не говоря ни слова, та молча повиновалась. Её плечи поникли, а в глазах застыла боль. Выйдя из комнаты, Бальтазар задержался в дверях, бросив долгий, многозначительный взгляд на Люцифера. В этом взгляде читалось неодобрение, тревога и молчаливый вопрос: «Что ты наделал?»

Тот прохаживался взад и вперёд, не меняя положения — его шаги были резкими, нервными, каждый раз он разворачивался на каблуках с такой силой, будто хотел вбить их в пол. Поймав взгляд напарника, он поднял голову. Бальтазар жестом задал вопрос: «Что делать?» Его брови были слегка приподняты, а в глазах читалась тревога.

Люцифер также жестом дал понять, что нужно обождать со всеми вопросами и расспросами, и прошептал чуть слышно, почти беззвучно, одними губами:

— Потом, Бальтазар, потом.

Ответив кивком согласия, Бальтазар вышел. Он не привык оспаривать приказы, тем более когда речь шла о вопросе жизни и смерти второй стороны. В груди у него что-то сжималось — он чувствовал, что произошло нечто серьёзное, но пока не мог понять, что именно.

Дениса стояла поодаль, опершись о стену рукой и держась за правый бок. Её пальцы впились в штукатурку, словно она пыталась удержаться на ногах только за счёт этого. Рядом стоял Харун, осторожно придерживая её за локоть — в её взгляде читались одновременно беспокойство и растерянность.

— Дениса, — поспешил к ней Бальтазар, его голос звучал мягко, почти нежно. Он коснулся её плеча и заглянул в глаза, стараясь уловить малейшее изменение в выражении лица. — Ты в порядке?

— Нет, я не в порядке, — чуть слышно прошептала она. Её голос дрожал, а губы едва шевелились.

— Давно у тебя так? — спросил Бальтазар, нахмурившись.

— Нет, недавно, — выдохнула она, с трудом переводя дыхание.

— А уже такое было?

— Да, — сквозь зубы ответила она, стиснув зубы от боли. — Пару раз.

— Он знает? — Бальтазар кивнул на закрытую дверь, и в его взгляде мелькнуло сочувствие.

— Нет, — перебила его девушка, резко вскинув голову. — Он ничего не знает. Надеюсь, не узнает, — процедила сквозь зубы, и в её голосе прозвучала отчаянная решимость.

— И, — осторожно начал Бальтазар, понизив голос до шёпота, — о ребёнке он тоже не знает...

— Нет! — резко оборвала его та, и её глаза сверкнули. — Уведи меня отсюда, — попросила девушка, бросая косые взгляды на дверь. Люцифер может выйти в любую минуту, а она не хотела, чтобы он видел её в таком виде — слабой, беспомощной, задыхающейся от боли.

— Ребёнок... — замешкался Харун. Он открыл рот, желая задать ещё вопрос, но Бальтазар прервал его:

— Потом, Харун, сейчас не до тебя.

— Бальтазар...

— Харун, — тот строго посмотрел на парня, и в его взгляде читалась непреклонность.

— Подожди, послушай, — сделал жест тот, — минуту... — Бальтазар кивнул в знак согласия. Спорить возле дверей Люцифера ему не хотелось, но он понимал, что Харун прав. — Ей надо в больницу.

— Нет, — запротестовала она, её голос зазвучал громче, несмотря на слабость. — Ответьте меня к Михаилу. Никакой больницы.

— Бальтазар, — прошептал Харун, и в его голосе прозвучала тревога. — Ты же знаешь, если дело касается ребёнка, — кивнул он на бок, — без больницы не обойтись.

— Да, в любом случае, — процедил тот сквозь зубы, стиснув челюсти. — Звони на Сириус. Предупреди о нашем прибытии.

— Нет. Давай к нам. Мы можем не успеть, — пояснил Харун, поймав взгляд начальника. — До Сириуса слишком далеко.

— Хорошо, — сдался тот. Спорить не хотелось дальше, а делать что-то надо было немедленно. Каждая секунда могла быть на счету. — Давай к нам. Дениса, ты идти можешь?

— Не знаю, — шепнула она, её голос звучал всё слабее. — По-моему, я уже ничего не могу. Мне дышать тяжело, не то что ходить.

Не говоря ни слова, Бальтазар взял её на руки и понёс вниз. Его движения были осторожными, но решительными. Обняв его за шею, девушка склонила голову ему на плечо, и он почувствовал, как её тело дрожит от напряжения и боли.

— Дениса, — шагал за ними Харун, его голос звучал встревоженно. — Может, позвать Люцифера?

— Нет! — зашипела девушка, резко вскинув голову. — Нет. Позовёшь его — я себе вены вскрою.

— С ума сошла? — зашикал на неё Бальтазар, и его глаза расширились от ужаса. Он крепче прижал её к себе. — Даже не вздумай! Всё решается в этой жизни, девочка!

— Бальтазар, — опять попытался привлечь к себе внимание Харун.

— Поговорим с тобой потом. Идём.

Они вышли на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, и Дениса слегка вздрогнула. Бальтазар почувствовал, как она ещё крепче вцепилась в него, и тихо произнёс:

— Держись, девочка. Мы поможем. Всё будет хорошо.

Люцифера просто рвало на части — внутри всё горело, будто его разрывали на куски невидимые когти. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не пуститься следом за ними и вернуть

её обратно — свою женщину, свою любовь. Любовь всей его жизни сейчас уходила от него по его же вине, и от этого осознания боль становилась почти физической, сдавливая грудь, мешая дышать.

Он стиснул зубы так сильно, что заныли челюсти. Пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, словно пытались ухватить ускользающий образ Денисы. В горле встал колючий ком, а в глазах защипало — он с трудом сглотнул, отгоняя непрошеную слабость.

Но поступить по-другому он не мог. С Михаилом она будет в безопасности — эта мысль звучала как мантра, как единственное оправдание его поступку. А потом... А потом они всё решат миром, и всё станет на свои места. Он убеждал себя в этом, но сердце не слушалось — оно кричало, протестовало, рвалось вслед за ней.

Он подошёл к окну, его шаги звучали глухо, будто он шёл по вате. Бальтазар усаживал девушку в катамаран. Люцифер увидел, как осторожно тот опустил Денису на сиденье, как заботливо поправил прядь волос, упавшую ей на лицо. У Люцифера сжалось сердце, а внутри вспыхнула острая, жгучая ревность — почему не он сейчас рядом с ней, почему не он проявляет эту заботу?

— Что я делаю? — прошептал юноша, и голос его дрогнул. — Что же я делаю?

Первым порывом было желание открыть окно и остановить Бальтазара, закричать, чтобы вернули Денису. Он уже сделал шаг к раме, рука потянулась к задвижке... Однако вместо этого он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя полумесяцы отметин. Глубоко вдохнул, медленно выдохнул, приводя дыхание в норму. Боль в ладонях помогла сосредоточиться, вернуть контроль над собой.

Почему на руках? Почему Бальтазар нёс её на руках? Навязчивая мысль не давала ему покоя, крутилась в голове, как заевшая пластинка. Он представил, как слаба сейчас Дениса, если не может идти сама, и сердце снова сжалось от тревоги и вины.

Люцифер с трудом сдерживал себя от желания пойти за ними. Он прижался лбом к холодному стеклу окна, чувствуя, как прохлада немного успокаивает пылающий разум.

«Нет, — решил он, закрывая глаза и делая ещё один глубокий вдох. — Пока подожду. Пусть всё успокоится, и я найду решение проблемы. Я должен найти способ всё исправить. Вот тогда, и только тогда, я верну её обратно. Я не могу потерять её. Не могу».

Он провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями. В груди всё ещё бушевала буря эмоций — страх, вина, любовь, отчаяние, — но он знал: сейчас важнее всего сохранить ясность ума. Ради неё. Ради них обоих.

Бальтазар перевёл взгляд на окно палаты. Дениса лежала под капельницей, она спала — её лицо было бледным, почти прозрачным, а ресницы едва заметно подрагивали. Дыхание было ровным, но каким-то хрупким, будто могло оборваться в любой момент. К ней никого не пустили, объяснили тем, что пока за ней ведётся наблюдение и врачи стараются установить причину плохого самочувствия, мешать им никто не должен.

— Вот смотрю на неё, — начала Кяро, склонив голову к плечу и прищурившись, — и думаю: как он мог её выбрать? Она же маленькая и неказистая.

В голосе девушки звучала не столько искренняя оценка, сколько затаённая зависть.

— В смысле неказистая?! — возмущённый голос Харуна заставил девушку вздрогнуть. Он резко развернулся к ней, его глаза сверкнули негодованием. — А какая, по-вашему, девушка казистая? — выделил он последнее слово с явной иронией, чуть повысив тон.

— Ну, она же такая маленькая! — с вождением произнесла Кяро, окинув взглядом спящую Денису. — Совсем миниатюрная, незаметная...

— Ничего себе маленькая — почти с тебя ростом, — парировал Харун, скрестив руки на груди. Его голос звучал твёрдо, почти вызывающе.

— Нет, не с меня. Она чуть пониже: у меня метр семьдесят, а у неё — метр шестьдесят пять, — Кяро выпалила это с какой-то странной гордостью, будто рост был главным мерилom красоты.

— А-а-а! — протянул Харун, и в его голосе зазвучало раздражение. — По-вашему, девушка должна быть метр семьдесят и ноги от ушей — тогда она красавица?

— Но она же Люциферу по грудь, наверное, — не отступала Кяро, — или еле достаёт, — показала она на себя, — по грудь.

Она провела рукой на уровне груди, словно демонстрируя, насколько «недостаточна» Дениса.

— И... — сделал он жест рукой, приподняв бровь. — И что с того?

— С ней же целоваться неудобно. Это же как наклониться надо, чтобы такую малышку поцеловать! — Кяро произнесла это с наигранным вздохом, будто объясняла очевидное.

— Очень даже хорошо, скажу вам, так даже интереснее, — горячо возразил Харун. Его щёки слегка порозовели, а голос зазвучал мягче, почти мечтательно. — В этом есть своя прелесть — когда она смотрит на тебя снизу вверх, когда ты можешь обнять её так, чтобы она чувствовала себя защищённой...

Харун так увлёкся спором, что не заметил пристального взгляда Бальтазара. Тот смотрел на него изучающе, чуть прищурившись, словно пытался прочесть что-то в выражении его лица. В глазах Бальтазара мелькнуло понимание, смешанное с тревогой.

— Кяро, — обратился к ней Бальтазар, резко обрывая спор. Его голос прозвучал твёрдо, без намёка на мягкость. — Нам нужно узнать, как она.

Их диалог надо было прервать, иначе Харун начнёт туда-сюда в своих чувствах признаваться, а допустить этого он не мог. Бальтазар знал, что излишняя откровенность в таких вопросах может только усложнить ситуацию.

Когда Кяро ушла, Бальтазар повернулся к Харуну и пристально посмотрел ему в глаза:

— У тебя точно с ней, — он кивнул на окно палаты, — ничего не было?

Голос Бальтазара звучал спокойно, но в нём чувствовалась скрытая напряжённость.

— Не было, — ответил Харун, встретив взгляд начальника без тени смущения. — Ты зря меня подозреваешь, Бальтазар, только время теряешь.

— И... — снова решился задать вопрос Бальтазар, понизив голос, — та кровь на простыне от змеи была?

— Да, Бальтазар. Думаю... даже не думаю — уверен: там и без меня все сливки сняли. Понимаешь, к чему я клоню, да? — Харун произнёс это с лёгкой горечью, но без злобы.

— Нет, не понимаю, — пожал плечами Бальтазар, хотя в глубине души догадывался.

— Иначе не сносить мне головы, — серьёзно добавил тот. — Ты же знаешь, зачем говоришь так.

— Я вижу, как ты смотришь на неё, — настаивал Бальтазар, не сводя с него взгляда.

— Бальтазар, — поморщился тот, отмахиваясь, но в его жесте чувствовалась нервозность.

— И, представь себе, это вижу не только я, — не уступал тот.

— Успокойся, мне там ничего не светит, — вздохнул Харун, опустив взгляд. В его голосе прозвучала неподдельная грусть.

— То есть... Вот это вот, — Бальтазар показал на щёку, раскрыв ладонь, — пятерня... не просто так была?

Харун поднял руку на уровне пупка в горизонтальном положении, вытянул перед собой и раскрыл веером пальцы, качнул, как это делает девушка в танце. Его движения были плавными, почти грациозными.

— Повтори, — задумчиво попросил Бальтазар, вглядываясь в жест.

— Что повторить? — не понял Харун, опуская руку. Его брови слегка приподнялись от удивления.

— Жест свой повтори.

— Так, — переспросил Харун, выполняя просьбу начальника. Он снова поднял руку, раскрыл пальцы и качнул кистью.

Бальтазар уже видел такой жест, только была женская рука, а на запястье — золотые монетки. С каждым движением руки монетки тихо позвякивали, создавая едва уловимую мелодию. Воспоминание вспыхнуло в его сознании так ярко, что на мгновение он словно оказался там — в том моменте.

— Что? — также переспросил Харун, сделав соответствующий жест. — Что опять не так?

Он часто жестикулировал, когда говорил, и сейчас его пальцы непроизвольно подрагивали.

— Ничего, — кивнул тот, возвращаясь в реальность. Его взгляд стал мягче, но в глубине глаз всё ещё читалась тревога. — Просто задумался.

Обычно языком жестов владели народы племени дагонов. Там сложилась целая система языка жестов — от глухонемого до разговорного типа. Каждый жест имел своё значение, передавал эмоции, мысли, целые истории без единого слова. Однако Харун не помнил, кто он. Люцифер подобрал его в горах в своё время, и с тех пор он для них — большая загадка. В глазах Харуна порой мелькало что-то далёкое, почти забытое, будто обрывки воспоминаний пытались пробиться наружу, но не могли обрести форму.

Бальтазар раньше не обращал внимания на разговор Харуна, тем более на его руки и жесты, — они просто существовали где-то на периферии его сознания. Но вот после стычки с Денисой на военной базе стал к парню приглядываться внимательнее. Он начал замечать, как плавны и точны движения Харуна, как каждый жест будто несёт в себе скрытый смысл. И постепенно Бальтазар понял: не такая уж Харун загадка, как мог показаться с самого начала. В этих движениях рук, в едва уловимых поворотах кистей читалась какая-то древняя мудрость, словно отголосок забытой культуры.

Кяро вышла из палаты примерно через полчаса со стопкой бумаг в руке. Её лицо было серьёзным, но в глазах светилось облегчение.

— Доктор, как она? — мужчины одновременно направились к ней, их шаги звучали тревожно, почти нервно.

— Кто из вас отец ребёнка? — прямо спросила доктор, и её голос прозвучал неожиданно резко.

Ребята смутились. Бальтазар почувствовал, как кровь прилила к лицу, а Харун невольно отступил на шаг назад. Они переглянулись, и в этом взгляде читалось полное замешательство.

— Вы же в курсе, да, что девушка в положении? — не отставала та, её брови слегка приподнялись в ожидании ответа.

— Да, — кивнул Бальтазар, стараясь говорить уверенно, но голос чуть дрогнул.

— В курсе, — неуверенно повторил за ним Харун, его пальцы непроизвольно сжали край рубашки.

— Странная у вас реакция, — доктор склонила голову набок, внимательно изучая их лица. — Кто из вас отец, кстати? — Её вопрос так и повис в воздухе, повисая между ними, как невидимая нить. — Кто из вас, — она переводила взгляд от одного к другому, её глаза внимательно следили за малейшими изменениями в выражении лиц, — или вы сами не знаете, кто из вас отец?

— Нет, — начал Бальтазар, но девушка перебила его, не давая закончить мысль.

— Это можно установить даже сейчас, на ранних сроках, с вашего общего согласия, — говоря это, она ткнула ручкой сначала в Харуна, потом в Бальтазара, после чего перевела взгляд на дверь палаты. Её тон был деловым, но в нём чувствовалась нотка любопытства.

— Отец — Люцифер, — выдал Харун, понимая, чем всё пахнет. Его голос прозвучал твёрдо, но внутри всё сжалось от тревоги.

— А... — Кяро на минуту растерялась, её рука с ручкой замерла в воздухе. — Отлично! Люцифер сам-то в курсе, — продолжила она, быстро собравшись с мыслями, — о своём предполагаемом отцовстве?

— Нет, он не в курсе, — сурово ответил Харун, скрестив руки на груди. Его взгляд стал жёстким, почти вызывающим.

— Так я и думала. Она ведь так и не ответила, — пояснила доктор, поймав растерянный взгляд мужчин, — кто отец ребёнка. Подтвердила только, что он не в курсе. Значит, — продолжила она после недолгого раздумья, постукивая ручкой по блокноту, — он из-за неё приходил ко мне на консультацию.

— В смысле?! — не поверил своим ушам Бальтазар. Его глаза расширились от изумления, а брови взлетели вверх. — Приходил... на консультацию... Вы же...

— Да, он приходил, когда вернулся с Денеб после ранения. Получил консультацию от наших девочек из двадцать первого кабинета, — спокойно подтвердила доктор, слегка улыбаясь.

— Двадцать первого кабинета! — Бальтазар резко выдохнул, его лицо исказилось от шока. Сказать, что он был в шоке, — значит, ничего не сказать. Он провёл рукой по волосам, пытаясь осмыслить услышанное. — С ума сойти!

— Обалдеть! — вторил ему Харун, его глаза расширились, а рот приоткрылся от удивления. Он сделал шаг вперёд, будто хотел убедиться, что не ослышался.

Они знали прекрасно, что собой представляет двадцать первый кабинет. В их памяти всплывали слухи, намёки, полущёпотом произнесённые фразы — место, где разбирались самые деликатные вопросы, где помогали наладить то, что казалось уже потерянным.

— Довели человека, — улыбнулась она, но в улыбке читалась не насмешка, а скорее сочувствие. — Своими военными походами. Война войной, а отношения с женщиной — это нечто другое. Военное дело он знает в совершенстве, а вот как, — она посмотрела на окно палаты, её взгляд смягчился, — строить свои отношения с любимой женщиной, он не знает. Вот такой вот парадокс, — заключила она, покачивая головой.

— Доктор, — вмешался Харун, и в его голосе прозвучала неподдельная тревога. Он сделал шаг ближе к женщине, его глаза умоляюще смотрели на неё. — Ребёнок в порядке?

Его голос дрогнул, выдавая всю глубину его переживаний.

Ему надоело слушать её демагогию — каждое слово доктора будто царапало нервы, вызывая раздражение. Вообще, докторша ему не понравилась с самого начала: её манера говорить, чуть приподнятый подбородок, этот снисходительный взгляд поверх огромных очков в чёрной оправе. И непонятно, почему Люцифер когда-то расхваливал её — Харун не видел в ней ничего выдающегося, кроме самодовольства. Он поёжился, невольно отступив на полшага назад, будто хотел увеличить дистанцию между собой и этой женщиной.

— Одного не понимаю: зачем врачи такие большие очки носят? — с едким сарказмом выпалил Харун, скривив губы в усмешке. Ему отчаянно хотелось, чтобы она ушла отсюда — и побыстрее, вместе со своей папкой, деловым видом и подозрительностью, которая читалась в каждом её вопросе.

— Чтобы тебя хорошо видеть, — в тон ему ответила Кяро, и в её голосе прозвучала лёгкая насмешка. Она даже не моргнула, продолжая смотреть на него с тем же невозмутимым выражением лица.

— Харун, прекрати, — упрекнул его Бальтазар, бросив на напарника строгий взгляд. В его голосе слышалось предостережение: «Не нарывайся».

— Извини, не удержался, — пожал плечами тот, но в глазах всё ещё плескалось раздражение. Её бессмысленные расспросы вымотали его — он чувствовал, как внутри закипает злость, смешиваясь с тревогой за Денису.

— Задам личный вопрос, а потом отвечу на ваш, — кивнула она на Харуна, её тон вдруг стал серьёзнее, почти проникновенным.

— Да, конечно, — Бальтазар напрягся, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он чувствовал: сейчас прозвучит что-то важное.

— Как давно она у нас на Орионе? — добавила Кяро, поймав удивлённые взгляды мужчин. Её глаза внимательно изучали их лица, словно пытаясь уловить малейшую реакцию. — Не видела её раньше.

— Недавно, — пожал плечами Бальтазар, стараясь говорить спокойно. Но внутри всё сжалось: вопрос ему не нравился, впрочем, как и все остальные. Её назойливый интерес уже не просто настораживал — он начинал пугать.

— Точно?

— Точнее не бывает. А почему вы спрашиваете? Я не понимаю, какое это имеет отношение к происходящему, — его голос звучал твёрдо, но в глубине души он уже догадывался: ответ будет неожиданным.

Кяро оставила их вопрос без ответа. Бальтазар не стал настаивать — не сейчас. Возможно, все ответы придут в конце диалога. Он же когда-нибудь закончится, этот диалог... Но ожидание давило, как тяжёлый камень на груди.

— У тебя есть ещё что-то, нутром чую, — серьёзно проворчал он, глядя прямо в глаза доктору. Его интуиция кричала: «Она что-то скрывает».

— И ты не ошибаешься, — она протянула ему карточку столетней давности. Её пальцы слегка дрогнули, когда она передавала документ.

— Что это? — Бальтазар взял карточку, его брови сошлись на переносице.

— Она уже была у нас...

— Да, я знаю — с Наиди. Удивительно, что ты этого не помнишь, Кяро, — его голос прозвучал резче, чем он хотел.

— Нет, раньше, — пропустила она его колкости мимо ушей, её взгляд стал жёстче. — Намного раньше, и звали её по-другому. Имя её, — она открыла обложку и ткнула пальцем, — читай.

Бальтазар нахмурился: он не верил своим глазам. Буквы расплывались перед ним, а в груди разрасталось странное чувство — смесь шока и тревоги. Заметив удивление на лице своего напарника, Харун заглянул через плечо.

— Не понял, что это... — его голос дрогнул.

— Ошибки быть не может? — спросил Бальтазар, посмотрев в упор немигающим взглядом. В его зрачках читалась отчаянная надежда: «Скажи, что это ошибка».

— Нет. Система определила по отпечаткам пальцев и биометрии слюны. Я сама была шокирована. Только систему не обманешь. Ты же знаешь это лучше меня, — её голос звучал уверенно, но в уголках глаз мелькнула тень сочувствия.

Бальтазар молча кивнул. Да, современную систему поиска данных не обмануть — это точно. Но от этого было не легче. В голове крутились вопросы, один тревожнее другого.

— А теперь отвечу на ваш вопрос, — начала Кяро, её тон стал мягче, почти участливым. — Вовремя привезли вы её. У девушки была угроза прерывания беременности.

— Прерывание?! — Бальтазар резко поднял голову, его брови сошлись на переносице, а пальцы непроизвольно сжали карточку. В груди что-то оборвалось.

— Да, у вашей... — она осеклась, подбирая слова, — у неё проблемы из-за давней детской травмы.

— Травма... Я не понимаю... — Бальтазар почувствовал, как кровь отхлынула от лица. В памяти всплыли обрывки истории, случившейся на Земле — той, что Дениса так старательно скрывала.

— Та история, — словно прочитав его мысли, Харун сжал его плечо. В его глазах читалась тревога. — То не детская травма.

— Да, — подтвердила Кяро. — Она рассказала: когда ей было лет пятнадцать, корабль ваш потерпел крушение.

— В смысле... наш? — Харун насторожился. Его голос дрогнул, а пальцы сжались в кулаки. С каждым разом всё интереснее и интереснее — но интереснее в плохом смысле, в том, что грозит большими неприятностями.

— Давайте так. Я расскажу вам её историю, а вы потом сами выясните, чей, где и как, и почему, — Кяро сделала паузу, обведя их взглядом. В её глазах читалось: «Вы ещё не готовы к полной правде, но скоро всё узнаете».

— Хорошо.

— Хорошо. Так вот, корабль потерпел крушение. Упал в горах. При ударе о скалу её выбросило через открытые двери. На вопрос, почему двери оказались открытыми, она не ответила — не помнит, почему они оказались открытыми. При падении она ударилась о выступ, в результате возникло внутреннее кровотечение. Спас её, как ни странно это звучит, Люцифер. Не подоспей он вовремя, её бы с нами не было, — Кяро говорила спокойно, но в её голосе проскальзывала нотка грусти, будто она сама переживала эту историю заново.

Мужчины переглянулись. В их взглядах читалось потрясение — они словно увидели перед собой другую Денису, хрупкую и уязвимую, совсем не похожую на ту сильную девушку, которую знали сейчас.

— А вы говорите, она недавно на Орионе... — пробормотал Бальтазар, его голос прозвучал глухо, будто издалека. Он провёл рукой по лицу, пытаясь осмыслить услышанное.

Харун сохранял молчание. Он не знал, что сказать. Его глаза расширились от шока, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Нечем было ответить и Бальтазару — он просто стоял, уставившись в одну точку, словно пытаясь собрать разлетевшиеся мысли в единое целое.

— Бальтазар, — начала Кяро, понизив голос и сделав шаг ближе. — Давай оставим все регалии. Я знаю тебя много лет, и ты встречаешься с моей сестрой.

— Решила с козырей зайти, — усмехнулся тот, но улыбка вышла натянутой. Он нервно провёл рукой по волосам. — Чего ты хочешь, говори.

— Ты не пробовал, — осторожно начала она, — поговорить с отцом ребёнка?

— Нет. Мне запретили с ним говорить об этом.

— Запретил кто, Бальтазар? Запретил сам Люцифер или запретила Дениса? — её взгляд стал пронзительным, почти требовательным.

— Мне запретила Дениса.

— Ну, Бальтазар, ты же взрослый человек и понимаешь...

— Она сказала, — вставил Харун, не выдержав паузы, — что вскрыет себе вены, если мы скажем что-либо Люциферу.

Его голос дрогнул, а в глазах отразилась неподдельная тревога за девушку.

— Харун, — одёрнул Бальтазар, бросив на напарника предостерегающий взгляд. — Ты как всегда вовремя.

— Не могу смотреть, как эта фурия тебя отчитывает, — буркнул Харун, хмуря брови.

Кяро слегка округлила и без того большие глаза. В очках они казались ещё огромнее, а её губы слегка дрогнули, будто она хотела что-то сказать, но передумала.

— Эта фурия, кстати, не замужем, — прокомментировал Бальтазар на языке дагонов, слегка приподняв подбородок. В его голосе прозвучала лёгкая насмешка, но за ней скрывалась какая-то затаённая горечь.

— К чему ты сейчас? — нахмурился Харун.

— К тому, что пригляделся бы ты, мой друг, к девушке, а не гонялся за призраками, — Бальтазар посмотрел на Харуна с оттенком отеческой заботы, хотя в глубине души сам не до конца понимал, что творится в его сердце.

— Можно при мне говорить на языке Ориона, — вставила девушка, её голос прозвучал чуть резче, чем раньше. Она поправила очки, и в этом жесте читалось раздражение.

Мужчины замолчали. В воздухе повисла напряжённая пауза, нарушаемая лишь тиканьем часов на стене.

— Люцифер не признаёт ребёнка? — обратилась Кяро к Бальтазару, её тон снова стал деловым, но в глазах мелькнуло сочувствие. — Она поэтому не сообщает ему?

— Я не могу эту чушь слушать, — шагнул к ней Харун, его голос зазвучал громче, почти гневно. — Это нечестно — судить, не зная всей правды!

Бальтазар остановил его, подняв руку, после чего встал между ними, словно пытаясь погасить назревающий конфликт.

— Прошу простить моего друга, — извинился орионец, слегка склонив голову. — Он молод и горяч. Я отвечу на твой вопрос, чтобы развеять твои сомнения.

— Да уж, потрудись, — доктор поправила очки, напуская на себя деловой вид, но Бальтазар заметил, как слегка дрожат её пальцы.

— Люцифер не в курсе — вот и весь тебе мой ответ. Почему не в курсе, я не знаю. Говорить ему я тоже не собираюсь. Меня просила молчать Дениса, вот я и молчу, — Бальтазар произнёс это твёрдо, но в глубине души он чувствовал тяжесть от этой тайны.

— Ты же вроде в его распоряжении, — не отступала она, её брови слегка нахмурились. — Не понимаю, о какой просьбе здесь можно говорить.

— Это не моя тайна, Кяро, и не мне о ней говорить следует, — его голос звучал твёрдо, но в нём проскальзывала усталость.

— Тут ты прав, — кивнула девушка, слегка опустив взгляд.

— Думаю, они сами без нас разберутся.

— Хм... Ну хорошо, будь по-твоему, — сдалась доктор, её плечи слегка опустились. — Последнее время, — начала задумчиво она, — всё чаще отцы отказываются признавать отцовство, даже если между женщиной и женщиной союз заключён.

— Кяро, — не выдержал Бальтазар, в его голосе прозвучало раздражение. — Ты же знаешь, к нашему Люциферу это не относится.

— Да, я знаю. На самом деле меня интересовал ты, Бальтазар.

— Я... — удивился тот, его глаза расширились, а брови взлетели вверх. Он невольно сделал шаг назад.

— Я тоже удивлён, брат, — вставил Харун, ухмыльнувшись. — Опять ты всех интересуешь.

— Харун, помолчи. У тебя ко мне какие-то вопросы? — обратился он к девушке, стараясь вернуть разговор в спокойное русло.

— Да, были. На самом деле, когда я увидела вас двоих с Денисой — и ты нёс её на руках, — признаюсь честно, мысли меня посетили не очень хорошие. Я, буду честна с тобой, поставила цель узнать, кто же отец ребёнка.

Её голос стал тише, почти извиняющимся.

— Поэтому ты настаивала делать тест, — тряхнул головой Бальтазар, и в его взгляде мелькнуло понимание.

— Да. Дело в том, что моя сестра...

— Твоя сестра в курсе всех событий. И поверь мне: знай она, что ребёнок мой, первое заведение, которое они посетили бы, был морг, если не склеп, а не больница, — Бальтазар произнёс это жёстко, но в его глазах читалась боль — боль от старых обид и недоверия.

— Моя сестра очень доверчивая, Бальтазар. Если ты её обидишь... — Кяро произнесла это с нажимом, её глаза сверкнули предупреждающе, а пальцы сильнее сжали карандаш.

— Ты вскроешь ему вены, — прошептал Харун с ироничной ухмылкой, но в его голосе звучала нотка раздражения. Доктор стала ему надоедать всё сильнее — он уже начинал помаленьку молиться всем богам, которых только знал, с просьбой, чтобы она ушла поскорее. В груди нарастало желание просто развернуться и уйти, но он сдерживался ради друга.

— Может, даже и так, — прикусила она край карандаша, на мгновение задумавшись. — Не стану оправдываться перед тобой и выставять себя в благом свете.

Её тон стал жёстче, но в глазах мелькнуло что-то уязвимое.

— Так, Кяро, — взял её за руку Бальтазар, слегка сжав запястье. Его голос прозвучал твёрдо, почти холодно. — Ты слишком много говоришь и не по делу.

Он старался говорить спокойно, но внутри закипала досада — разговор затягивался, а ему нужно было думать о Денисе.

— Уверен?! — не отступала та, вскинув подбородок. Её глаза сверкнули вызовом.

— На все сто, — отрезал Бальтазар, выдерживая её взгляд. — Скажи мне как девушка: когда можно забрать, и мы будем на сегодня свободны? — его тон вдруг сменился на игривый, он чуть склонил голову набок.

— Хм... Хорошо, — заигрываяще произнесла она, словно только что придумала какой-то хитрый план.

— Бальтазар, ты сестёр не перепутал? — скорчил гримасу Харун, его брови иронично изогнулись. — Твоя женщина точно Наиди?

В его голосе звучала откровенная насмешка, смешанная с раздражением.

— В следующий раз приходи без него, — Кяро ткнула в сторону Харуна карандашом, её губы сжались в тонкую линию.

Харун рассмеялся — коротко, резко, почти истерично.

— Очень нервный мальчик, — сделала заключение она, слегка прищурившись. — Не хочешь его сдать на обследование?

— На обследование... — задумался Бальтазар, бросив мимолётный взгляд на напарника. В его глазах мелькнула тень улыбки, но он быстро подавил её.

— В следующий раз, — выдал он, — я обязательно сдам его тебе на обследование.

Голос Бальтазара звучал нарочито серьёзно, но в уголках губ дрогнула усмешка.

— Договорились, — произнесла она, всё так же покусывая край карандаша. Её взгляд на мгновение смягчился. — Дениса сейчас спит, — в её голосе появились нотки серьёзности. — Проспит она часа два-три, пока капельница не закончится, потом можете забрать её. И никаких стрессов и резких движений.

Девушка произнесла это уже совсем другим тоном — деловым, заботливым, будто только что сбросила маску.

Бросив ещё пару реплик, Кяро удалилась. Её шаги затихли в коридоре, оставив после себя ощущение облегчения.

— Я не понимаю, — прошептал Харун, провожая врача взглядом. Его плечи слегка расслабились. — Зачем он к ней приходил? У него что, проблемы?

В его голосе звучало искреннее недоумение.

— Откуда я знаю, — грубовато ответил Бальтазар, потирая переносицу. Ему хотелось поскорее закончить этот разговор и заняться делом. — Сам спроси у него при встрече.

— Да-а-а... У него спросишь. Если не захочет, не расскажет, ты же знаешь его, — Харун вздохнул, его взгляд стал задумчивым.

Бальтазар развёл руками. Грубить было не в его правилах, но откровенный взгляд парня смущал его — в нём читалось слишком много вопросов, на которые не было ответов.

— Ты же знаешь этот двадцать первый кабинет, — не унимался Харун, наклоняясь ближе.

— Нет, — запротестовал Бальтазар, чуть повысив голос. — Знать не знаю, слышать о нём слышал. А ты знаком, да, с этим кабинетом? — Он внимательно посмотрел на напарника, пытаясь уловить малейшую реакцию.

— С чего ты взял? — округлил глаза Харун, его лицо выразило искреннее удивление.

Харун задавал вопросы, на которые орионец не мог найти ответа. Бальтазар почувствовал, как внутри нарастает напряжение — он не любил неопределённости.

— Мечешься при его упоминании. Откуда такие познания? — Бальтазар слегка нахмурился, его голос стал строже.

— Да ну тебя, — ворчал Харун, отворачиваясь. — Ну и дела...

Его плечи опустились, а в голосе прозвучала усталость.

— Харун, хватит нагонять тоску — и без тебя и так тошно, — Бальтазар провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями.

— А без меня всегда тошно, ты точно заметил, — усмехнулся Харун, но в его улыбке не было веселья.

— Будешь плохо себя вести, сдам тебя на обследование, — кивнул Бальтазар в сторону ухода Кяро, стараясь разрядить обстановку.

— О-о-о! — не выдержал Харун. — Какая прекрасная новость! Я, может, ей сам сдамся добровольно... Если выживу, — криво усмехнулся он. Потом передёрнул плечами, вспомнив строгие очки докторши. — Боже меня упаси! Придумаешь тоже такое!

Смех парня прозвучал немного нервно, но всё же помог снять напряжение.

— Ты останешься здесь, — бросил ему Бальтазар, застёгивая китель. Его движения были чёткими, решительными.

— А ты? — растерялся тот, его глаза расширились от неожиданности.

— Мне... — застегнув последнюю пуговицу кителя, орионец продолжил, глядя прямо в глаза напарнику. — Я должен встретиться с Люцифером.

Его голос звучал твёрдо, но в глубине души он понимал, что разговор будет непростым.

— ?! — Харун замер, его рот приоткрылся от удивления.

— Надо кое-что прояснить, — выдал Бальтазар, заметив удивление в глазах напарника. Он понимал, что Харун хочет спросить ещё что-то, но времени не было.

— Хорошо, — недовольно буркнул Харун. — Как скажешь.

Он опустил взгляд, пытаясь скрыть разочарование.

— И не дури, Харун! — приказным тоном произнёс Бальтазар. — Не дури!

В его голосе прозвучала искренняя забота, смешанная с тревогой.

— Обижаешь, — поднял тот руки, изображая покорность. — Командир. Я сама простота! Но в его глазах читалась какая-то затаённая грусть.

— Держи себя в руках, — задумчиво бросил Бальтазар, уже направляясь к двери. — Харун, держи себя в руках!

Он обернулся на пороге, бросил последний взгляд на напарника и вышел, оставив Харуна одного в коридоре.

Командный центр представлял собой просторное помещение, погружённое в мягкий полумрак, нарушаемый лишь холодным синим свечением голографических экранов и панелей. Воздух здесь казался густым от напряжения и важности происходящего — каждый вдох напоминал, что здесь вершатся судьбы целых миров.

Центральным элементом комнаты служил огромный круглый стол, поверхность которого усеяна интерактивными панелями, мерцающими схемами и трёхмерными моделями. Они пульсировали мягким светом, словно живые организмы, обменивающиеся информацией. В центре стола — яркий голографический купол, изображающий космическую карту, будто при-

глашая участников к грандиозным открытиям. Изображение вращалось медленно, завораживающе, заставляя взгляд невольно задерживаться на причудливых созвездиях и далёких туманностях.

Потолок зала оформлен как гигантский купол-экран, на котором с безупречной детализацией проецируется спиральная галактика — возможно, Млечный Путь. Звёзды и туманности кажутся настолько близкими, что возникает ощущение невесомости, будто помещение парит среди космических просторов. От галактики к разным точкам зала расходятся тонкие лазерные линии, создавая иллюзию связи между Вселенной и технологиями людей. Эти линии то вспыхивали ярче, то затухали, напоминая о пульсарах где-то в глубинах космоса.

По периметру комнаты расположены рабочие станции с мониторами, на которых отображаются сложные данные: траектории космических объектов, трёхмерные модели планет, графики энергетических потоков. Экраны переливаются оттенками синего и бирюзового, подчёркивая высокотехнологичность пространства. Иногда на них вспыхивают тревожные красные отметки, тут же гаснущие под умелыми касаниями операторов. Стены украшены крупными проекциями галактик и звёздных систем, погружая присутствующих в атмосферу бесконечного космоса — кажется, протяни руку, и ты коснёшься далёкой звезды.

Дизайн помещения выполнен в строгих геометрических формах с акцентом на угловатые линии и минимализм. Чёрные поверхности столов и пола отражают свет, усиливая ощущение глубины и технологичности. Металлические детали поблёскивают холодным блеском, а где-то вдали тихо гудят мощные серверы, обрабатывающие терабайты данных каждую секунду. Вся обстановка говорит о том, что здесь принимаются решения планетарного или даже галактического масштаба — возможно, координируются межзвёздные экспедиции, анализируются данные с далёких колоний или разрабатываются стратегии защиты от космических угроз.

Эта комната словно воплощает мечту астронома и инженера: место, где границы возможного стираются, а человечество делает следующий шаг к освоению Вселенной. Здесь каждый элемент — от мерцающих экранов до звёздного купола — напоминает о величии космоса и безграничных возможностях человеческого разума. В воздухе витает едва уловимый запах озона — след работы мощных генераторов и систем охлаждения.

За огромным круглым столом в центре комнаты сидели семь человек в военной форме. Все участники — мужчины, одетые в камуфляжные костюмы зелёного цвета с элементами брони на плечах и локтях. На форме видны нашивки, подчёркивающие принадлежность к определённому подразделению: у кого-то — эмблема разведывательного корпуса, у других — знаки инженерных войск или тактических аналитиков.

Эргономичные офисные кресла на колёсиках, чёрного цвета, позволяли сидеть в позе школьника: прямо, сложив руки перед собой. Но позы у всех были разными — кто-то откинулся на спинку, задумчиво постукивая пальцами по подлокотнику, кто-то наклонился вперёд, впиваясь взглядом в голограмму, а кто-то нервно поправлял манжету, словно пытаясь унять внутреннюю дрожь. Выражения лиц серьёзные, сосредоточенные — создаётся впечатление, что они анализируют важную информацию или обсуждают стратегический план. В глазах каждого читается напряжение: кто-то хмурится, пытаясь осмыслить масштабы угрозы, кто-то прикрывает веки на мгновение, собирая мысли, а кто-то бросает быстрые взгляды на соседей, ища поддержки или подтверждения своих догадок.

Люцифер ёрзал на стуле и теребил ручку — его пальцы нервно сжимали и разжимали пластик, будто пытаясь выдавить из него ответ. Он никак не мог въехать в рассказ Дениза, и это раздражало его. Брови сдвинуты к переносице, между ними залегла глубокая морщинка. Время от времени он бросал короткие взгляды на голограмму, затем снова на докладчика, пытаясь ухватить суть, но что-то ускользало. Внутри нарастало неприятное чувство тревоги — слишком много неизвестных переменных в этой задаче.

Михаил попросил группу помочь исследовать одну из планет системы мира. Планета появилась из ниоткуда и шла в никуда по неизвестной траектории.

— Раньше наши радары, — пояснял Дениз, — не могли уловить её сигнал.

Его голос звучал ровно, но в нём чувствовалась скрытая напряжённость. Он провёл рукой по голограмме, увеличивая изображение загадочного объекта:

— Возможно, гравитационное поле планеты тщательно скрывает объект, либо же, — передёрнул он плечами и выдал с нотками разочарования, — кто-то делает это за нас.

В его глазах мелькнуло беспокойство — он сам не до конца верил в то, что говорил, но факты были налицо.

Люцифер попытался понять говорившего, ловил каждое слово — и не мог. Мозг отказывался обрабатывать полученную информацию, будто перегруженный процессор, который вот-вот перегреется. В висках застучала кровь, а ладони невольно вспотели. Он ждал звонка с минуты на минуту — напряжение нарастало, словно пружина внутри него сжималась всё сильнее.

— Ты думаешь, планета обитаема? — начал Денгиз, его голос прозвучал слишком громко в напряжённой тишине комнаты.

— В том-то и дело, — постучал указательным пальцем таец по карте, его тон стал серьёзнее, почти торжественным. — В том краю Вселенной планеты необитаемы. Вы же знаете, эта часть мира возникла недавно в результате Большого взрыва и совершения Великой реакции.

Он обвёл взглядом присутствующих, словно ожидая, что кто-то возразит или усомнится в его словах.

В воздухе нависло тягостное молчание. Оно давило на плечи, заставляло дышать реже, осторожнее. Попахивало заговором и тайной — в этом молчании читалась угроза, словно невидимая тень накрыла всех присутствующих. Кто-то нервно кашлянул, кто-то поёрзал на стуле, но никто не решился нарушить тишину.

Денгиз хотел задать ещё пару вопросов, но его перебил вибрирующий звук телефонного звонка. Звук резанул по нервам, заставив всех вздрогнуть.

Люцифер подался всем корпусом вперёд, давая понять, что звук исходит от него. Его глаза на мгновение расширились, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он обвёл всех заговорщическим взглядом — в нём читалось что-то вроде «сейчас будет что-то важное», — достал телефон и замер на несколько секунд, молча смотрел на экран. Его лицо стало бледнее обычного, а губы сжались в тонкую линию.

«Номер не определён» — выдала система.

Нарык замер: внутри всё сжалось, будто кто-то сжал его сердце ледяной рукой. О предполагаемой личности звонившего он примерно догадывался, как и о цели звонка — от этой мысли по спине пробежал холодок. Пересилив себя, Нарык ответил. Он задержался на несколько секунд, слушая говорившего, — его брови слегка приподнялись, а пальцы сильнее сжали телефон. Потом, также не произнося ни слова, вышел из кабинета, плотно закрыв за собой дверь.

— Интересно, кто ему звонит? — выдал шёпотом Денгиз, наклонившись к соседу. Его глаза блестели от любопытства, но в голосе звучала тревога. — Наверное, Дениса?

— Нет, — одёрнул его Дамир, его голос звучал твёрдо, почти резко. — Это не она.

— Откуда знаешь? — тем же тоном продолжил собеседник, слегка нахмурившись.

— Ты лицо его видел? — Дамир поднял бровь, его взгляд стал пронзительным.

— Лицо как лицо, — пожал плечами тот, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— Когда звонит Дениса, — продолжил парень, понизив голос, — он весь светится. А сейчас — чернее тучи, и со звонком, заметь, ещё темнее стал.

Он кивнул в сторону двери, за которой скрылся Люцифер, и в его глазах мелькнуло беспокойство.

Бальтазар не слушал разговор ребят. Он внимательно проследил путь своего командира — его взгляд был острым, цепким, как у хищника. Плотно закрыв за собой дверь, тот направился к выходу. Бальтазар почувствовал, как внутри нарастает тревога — что-то явно пошло не так.

Дениз насторожился. Он встал, готовый в любую минуту последовать за орионцем, его пальцы непроизвольно сжали край стола.

Перехватив взгляд Дениза, Бальтазар едва заметно отрицательно кивнул головой, давая понять таким образом, что он не осведомлён о происходящем. В его глазах читалась смесь растерянности и тревоги — он сам не знал, что происходит, но чувствовал: дело серьёзное.

Бальтазар растерялся. Он медленно направился к выходу, потом остановился на середине командного пункта и замер, словно пытаясь принять решение. Его грудь вздымалась чаще обычного, а пальцы слегка подрагивали.

— Где Дениса? — шёпотом спросил Дениз, его голос дрогнул от беспокойства.

Бальтазар медлил с ответом. Как коршун, высматривающий свою добычу, он не сводил пристального взгляда с командира, ловя каждый его жест и каждое движение. Его мысли метались: «Что происходит? Почему Люцифер так отреагировал на звонок?»

— Она в больнице, — ответил орионец, не меняя своего положения. Ни один мускул не дрогнул на его лице, но внутри бушевала буря эмоций.

— В смысле — в больнице? — насторожился Дениз, его глаза расширились от тревоги.

— Просто женские проблемы, — тихо прошептал Бальтазар, не желая вдаваться в подробности. Его голос звучал ровно, но в нём проскальзывала фальшь.

— Что-то случилось, Бальтазар? — не расслышал его тает, наклоняясь ближе. В его взгляде читалась искренняя обеспокоенность.

Бальтазар повторил свой ответ, оставаясь в неизменной позе. Всем своим нутром, как он говорил, каждой клеточкой своего тела он чувствовал тревогу своего командира — тревогу и зарождающийся страх...

«А страх-то откуда?» — едва шевельнул губами Бальтазар, размышляя сам с собой. С тревогой, допустим, он мог бы ещё смириться: тревогу он мог понять и даже знал причину её зарождения в душе Люцифера. Но вот страх...

Страх Люциферу был неведом вообще, от слова совсем. Порой даже он сам, Бальтазар, пасовал перед некоторыми ситуациями, чего никогда нельзя было сказать о его подопечном. Люцифер всегда шёл напролом, с девизом по жизни «вижу цель — не вижу преграды», а тут вдруг... Бальтазар поморщился: страх!

Страх, на самом деле, не совсем хорошая штука. Он забирает энергию. Он забирает душу. Он забирает все силы самой души, вычищая её всю до основания. Структура души меняется. Душа, подверженная страху, теряет смысл жизни, теряется в системе мира, вселенной, меняет матрицу самой души. Бальтазар ощутил, как по спине пробежал неприятный холодок — если даже Люцифер поддался страху, значит, дело действительно серьёзное.

Наблюдая за Бальтазаром, тает напрягся — его плечи непроизвольно поднялись, а пальцы слегка сжались в кулаки. Он решил пока не вмешиваться в происходящее. Да и внутри него что-то говорило обождать пока, не рубить сгоряча, не вмешиваться до определённого времени — пока не придёт время. В груди теплилось тревожное предчувствие, будто надвигается что-то неизбежное.

— Она одна? — решился на вопрос Дениз.

Он спросил настолько тихо, что сам Бальтазар, несмотря на свой острый слух и умение «читать систему мира пространства», не смог услышать его. Дениз почувствовал укол разочарования — ему отчаянно хотелось получить хоть какой-то ответ, прояснить ситуацию.

— Бальтазар, — Дениз слегка повысил голос, стараясь унять лёгкую дрожь в нём, — Дениса одна в больнице?

— Нет, — быстро ответил тот, не поворачивая головы, — с ней Харун, ну и, если не считать кучу врачей...

Его голос звучал ровно, но в нём проскальзывала напряжённость.

— Харун? — переспросил Дениз, переводя взгляд на стоящего за дверью Люцифера. Во взгляде читался вопрос, который он никак не решался задать. Его брови слегка сдвинулись к переносице, а губы сжались в тонкую линию.

— Он не в курсе, — также быстро ответил Бальтазар, словно прочитал мысли напарника, и повторил: — Люцифер пока не в курсе.

— Пока? — приподнял бровь Дениз, стараясь понять происходящее. В его глазах мелькнуло недоумение, смешанное с тревогой.

— Да, пока, — едва уловимый кивок подтвердил сказанное ранее Бальтазаром.

— Бальтазар, не объяснишь... — растерянно начал Дениз, его голос дрогнул. Он сделал шаг вперёд, словно пытаясь сократить дистанцию между ними и добиться откровенности.

— Так захотела Дениса, — перебил его тот.

— Дениса? — переспросил Дениз больше для своего убеждения. Его пальцы непроизвольно теребили край рукава, выдавая внутреннее беспокойство.

— Да, — подтвердил Бальтазар и произнёс: — Так захотела Дениса.

Дениз не стал больше спорить. Он решил оставить выяснение всех обстоятельств произошедшего до лучших времён. Не время сейчас было спорить и разборки чинить: Бальтазар всё равно ничего не расскажет до тех пор, пока не посчитает нужным донести информацию до него. А раз, пришёл к выводу Дениз, Бальтазар утаивает правду, значит, так тому и быть. В душе шевельнулось горькое чувство — он не любил оставаться в неведении, но понимал, что сейчас лучше отступить.

Люцифер разговаривал долго, вышагивая из стороны в сторону перед входом. Его фигура меняла очертания в зависимости от освещения, угла падения лучей Айнизы и точки соприкосновения отражения мужской фигуры с поверхностью стекла двери. Она становилась то очень отчётливой, то вообще сливалась с матовым покрытием стекла. И только по движению бесформенного пятна можно было понять о присутствии живой души. Каждое его движение выдавало напряжение — шаги были резкими, порывистыми, а руки то и дело сжимались в кулаки и разжимались.

По всем жестам и поведению его можно было судить о межконференционном диалоге. Люцифер заканчивал один диалог, отстранял от уха телефон явно с целью ответить другому абоненту — и всё начиналось сначала. Его лицо то мрачнело, то на нём проступало выражение крайнего раздражения.

Бальтазар периодически поглядывал на часы. Поджимало время. Опаздывать он не хотел, но вот и уйти сейчас тоже не мог. Его взгляд метался между дверью и собеседниками, а пальцы нервно постукивали по бедру. Заметив тревогу на лице напарника, Дениз дал своё разрешение кивком согласия.

— Иди, — тихо добавил он, подбадривая орионца. В его голосе прозвучала искренняя забота — он видел, как Бальтазар разрывается между долгом и необходимостью куда-то спешить.

На секунду Бальтазар растерялся. Он указал взглядом на увлечённого разговором Люцифера, как бы спрашивая: «А с этим что мне прикажешь делать?» В его глазах читалась мольба о помощи, растерянность человека, оказавшегося между двух огней.

Слегка поморщившись, Дениз махнул рукой, подтверждая своё разрешение на выход.

— Я разберусь, — добавил он, увидев растерянный взгляд Бальтазара. — Будешь нужен — позову.

Голос Дениза звучал уверенно, хотя внутри он и сам не до конца понимал, как будет «разбираться».

Не проронив ни слова, Бальтазар кивнул и направился к параллельному выходу. Его шаги были быстрыми, почти торопливыми — он явно стремился поскорее покинуть это напряжённое место.

Второй выход вёл на площадку катамаранов. Да и не хотелось ему сейчас с командиром своим встречаться. В груди всё ещё клубилось беспокойство, а мысли путались: «Что происходит? Почему всё так сложно?»

— Я знаю, что случилось, — шепнул Дамир, шагнув к Денизу. Его глаза блестели от возбуждения, будто он раскрыл великую тайну.

— А ябедничать нехорошо, — съязвил Ранан.

Он также последовал его примеру и вплотную подошёл к тайцу. Его тон был насмешливым, но в глазах читалось любопытство.

— Я знаю, что я делаю, — буркнул Дамир, бросив косой взгляд на последнего. Его щёки слегка покраснели от раздражения.

— Говори, — тихо произнёс Дениз, слегка наклонившись вперёд. Его голос прозвучал твёрдо, но в нём чувствовалась надежда на получение важной информации.

— Люцифер отправил девушку к Михаилу, — прошептал Дамир.

— Откуда знаешь? — Дениз нахмурился, пытаясь оценить достоверность этих сведений.

— Харун сказал, — начал юноша, но Ранан перебил его.

— Харун — трепло, — в сердцах бросил он, скривив губы.

— Ну, это уже устаревшая новость, — кивнул Дениз и пояснил: — Михаил мне звонил. Он ждёт их.

В его голосе прозвучало лёгкое превосходство — он был рад, что оказался в курсе событий раньше других.

— Хорошо, — кивнул Дамир, отступая назад. Его плечи слегка опустились, будто он разочаровался в собственной значимости.

— Меня интересует другое, — продолжал Дениз, его взгляд стал пронзительным. — Почему сестра в больнице? Случилось что-то с ребёнком или же...

Он не закончил фразу, но в его глазах читался неподдельный страх.

— Что? — растерялся Дамир. — С ребёнком?

Его лицо побледнело, а глаза расширились от ужаса. Он невольно сделал шаг назад, будто пытаясь отстраниться от этой страшной мысли.

Брови Ранана стали домиком — его лицо исказилось смесью тревоги и озарения, будто он только что сложил в голове сложный пазл.

— Значит, я всё понял правильно, — шепнул он, и в его голосе прозвучала нотка триумфа, смешанного с тревогой.

— Ты знал? — спросил подозрительно Дениз. Его сине-чёрные глаза сверлили Ранана насквозь, взгляд был острым, почти обжигающим. Он слегка наклонился вперёд, словно готовясь услышать нечто судьбоносное.

— Догадывался, — пояснил тот, понизив голос до шёпота. — По его, — кивнул он на идущего к ним Люцифера, — энергии на ней.

Его пальцы непроизвольно сжались, выдавая внутреннее напряжение.

— Да, но, — растерялся Дениз, отступив на полшага, — его энергия и так будет на ней. Они же...

Его голос дрогнул, а в глазах мелькнуло недоумение.

— Нет, — резко одёрнул Ранан, его тон стал твёрже, почти категоричным. — Это другая энергия.

Он подчеркнул каждое слово, будто вбивал гвоздь в доску.

Дениз не успел возразить. Вошёл Люцифер — его шаги звучали гулко, властно, заставляя всех невольно выпрямиться.

Ранан замолчал, давая понять собеседнику о конце разговора. По его взгляду Дениз понял, что Люцифер не в курсе о скором пополнении в их семье. В груди у тайца похолодело — он вдруг осознал масштаб тайны, в которую оказался втянут.

Люцифер молчал. Желваки играли на его щеках, выдавая внутреннюю борьбу. Орионца явно что-то волновало, но сказать об этом он не решился. Его пальцы машинально теребили край стола, а взгляд метался по комнате, избегая встречи с глазами Дениза.

Дениз мгновенно принял решение. Единственным его желанием было во что бы то ни стало выяснить причину беспокойства последнего.

«Уж просто так я отсюда точно не уйду, — решил Дениз, стиснув зубы. — Не уйду, пока всё не расскажет». Его кулаки непроизвольно сжались, а дыхание участилось.

— С кем ты говорил сейчас? — начал свой допрос Дениз, не сводя пристального взгляда с орионца. Его голос звучал твёрдо, почти вызывающе, но в глубине души он чувствовал, как внутри нарастает тревога.

— Да с кем я только не говорил, — пошутил Люцифер, но улыбка вышла натянутой, неестественной.

Он подошёл к столу и начал перебирать карты и листы, делая вид, что ищет что-то важное. Ему очень хотелось разрядить обстановку и сменить тему разговора, прекрасно понимая, что с Денизом сделать это будет трудно. Его движения были чуть более резкими, чем обычно, выдавая нервозность.

Дениз был несгибаем. Его поза стала ещё более напряжённой — он распрямил плечи и слегка выдвинул подбородок вперёд, показывая, что не отступит.

— Люцифер... — произнёс он с нажимом, его голос зазвучал глубже, серьёзнее.

— Кто из говорящих со мной сегодня тебя интересует? — продолжал тот в том же духе, стараясь сохранить лёгкость тона. Но Дениз заметил, как дрогнули его пальцы, когда он перекладывал очередной лист.

Внешне он был спокоен и уравновешен. Ни один мускул не дрогнул на его лице. А внутри бежал холодок, пронизывающий до мозга костей. Люцифер чувствовал, как нарастает давление — Дениз не отступится, пока не получит ответы.

— Что ты задумал, Люцифер? — шагнул к нему Дениз, сокращая дистанцию. Его глаза сверкнули вызовом.

— Хм, — хмыкнул тот, пытаясь сохранить самообладание. — Второй человек мне задаёт этот вопрос.

Он провёл рукой по волосам, пытаясь собраться с мыслями.

Люцифер посмотрел в сторону. Его отвлек тихий голос Ранана. Тот с кем-то говорил по телефону, его лицо выражало крайнюю озабоченность.

Увидев тревогу на лице брата, Люцифер насторожился. Словно почувствовав его взгляд, Ранан сделал едва заметный жест, как бы спрашивая: «Я тебе ещё нужен?»

Юноша кивнул отрицательно и также жестом поинтересовался о случившемся. Ранан дал понять, что все вопросы — потом. Его губы беззвучно прошептали: «Позже».

Нет, Ранан ему пока не нужен. Ему сейчас нужны Дениз и Бальтазар. Люцифер обвёл взглядом присутствующих в поисках своего военачальника, но так и не решился задать вопрос, не найдя его. В его груди шевельнулось неприятное чувство — будто он теряет контроль над ситуацией.

Ранан сделал жест прощания, раскрыв пальцы веером, и направился к параллельному выходу. Его шаги звучали тихо, почти неслышно.

— Что ты задумал? — повторил свой вопрос таец, провожая взглядом Ранана. В его голосе прозвучало отчаяние — он чувствовал, что разгадка где-то рядом, но ускользает.

— Никах, — выдавил орионец, и его голос прозвучал непривычно глухо. Он сглотнул, будто слова дались ему с трудом.

— Никах — что? — не понял Дениз, его брови взлетели вверх, а глаза расширились от недоумения. Он сделал шаг назад, пытаясь осмыслить услышанное.

Воцарилось тягостное молчание. Мужчины посмотрели друг на друга испытывающим взглядом. В воздухе повисла тяжесть — каждый понимал, что сейчас решается что-то важное, но ни один не решался сделать следующий шаг. Люцифер слегка прикусил губу, а Дениз нервно провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с мыслями.

— Люцифер, — начал Дениз, стараясь разрядить обстановку, — ты уверен в том, что...

— Да, — твёрдо ответил тот. — В своём выборе я уверен.

— Насчёт выбора я понял, — почесал за ухом таец, — а вот... Никах — дело серьёзное. Ты готов к обряду?

— Да, я готов! — твёрдо ответил тот, не дослушав напарника.

— Свадебный обряд провести, — закончил свою фразу Дениз.

Люцифер опустил голову. Он боялся встретиться с глазами Дениза. «Иначе тот всё поймёт», — стучало в его голове и сердце, а он не должен был подавать виду, что сейчас творится в его душе.

Словно прочитав его мысли, Дениз подошёл вплотную и положил руку на плечо. Люцифер резко поднял голову, словно и ждал этого жеста от напарника. А тот сжал плечо в ожидании ответа на свой вопрос.

— Рассказывай, — твёрдо произнёс Дениз, смотря на парня в упор. — Говори давай, что ты задумал?

Сохраняя молчание, Люцифер тихо улыбался.

— Ты же знаешь, — продолжал Дениз, не отпуская его плеча, — я не отстану от тебя.

В ответ на его слова юноша опустил взгляд в пол, его плечи слегка ссутулились, словно на них внезапно легла невидимая тяжесть. Он провёл рукой по волосам, нервно теребя прядь, — было видно, что он отчаянно пытается собраться с мыслями и подобрать слова.

— И не отпущу тебя, — шептал тот, понимая нежелание последнего говорить, — отсюда до тех пор, пока не узнаю причину твоего уныния.

Голос Дениза звучал мягко, но в нём чувствовалась стальная решимость — он не отступит, пока не доберётся до истины.

Люцифер поднял на собеседника взгляд, полный надежды, смешанной с отчаянием. Его глаза блестели чуть сильнее обычного, будто в них скопились невысказанные слова и невыплаканные слёзы. Понимая, что попал в точку, Дениз продолжил, слегка понизив голос:

— Рассказывай давай. — В его тоне прозвучала не просто просьба, а почти мольба — он искренне хотел помочь, разделить бремя, которое явно давило на Люцифера.

Посмотрев ещё раз в глаза Дениза, Люцифер глубоко вздохнул, будто набираясь смелости. Его губы дрогнули, а пальцы слегка задрожали. Он ответил кротким согласием — едва заметным кивком, почти неощутимым, но Дениз уловил этот жест и внутренне возликовал: лёд тронулся.

Обернувшись, Люцифер увидел своих людей, смешавшихся с людьми Дениза. Они тихо подошли во время последнего диалога мужчин — стояли теперь полукругом, стараясь не привлекать внимания, но в их взглядах читалось неподдельное беспокойство. Кто-то нервно поправлял ремень, кто-то переступал с ноги на ногу, а кто-то украдкой бросал взгляды на своего командира, словно пытаясь понять, что происходит.

— Где Бальтазар? — спросил он, окинув присутствующих беглым взглядом. Его голос прозвучал чуть резче, чем он планировал, выдавая внутреннее напряжение.

Воины переглянулись, переминаясь с ноги на ногу. Никто из них не решался ответить на его вопрос — в воздухе повисло неловкое молчание, нарушаемое лишь тихим дыханием и редким шорохом одежды. Некоторые опустили глаза, другие старались смотреть куда угодно, только не на Люцифера. Было видно, что они знают ответ, но боятся его озвучить.

— Он в больнице... — тихо выдал Дениз, собравшись с духом. Его голос дрогнул на последнем слове, а взгляд невольно скользнул в сторону, будто он боялся увидеть реакцию Люцифера. Он сделал небольшой шаг вперёд, словно готовясь в любой момент поддержать друга.

— Дениса... — с болью в голосе прошептал Люцифер чуть слышно. Его лицо исказилось от внутреннего страдания, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Он на мгновение прикрыл глаза, пытаясь совладать с нахлынувшими эмоциями. В этом коротком слове прозвучало всё: тревога, страх, любовь и отчаяние. Казалось, весь мир для него на мгновение остановился, оставив только одну мысль — о Денисе.

Он растерянно посмотрел на дверь, его взгляд метался между ней и лицом Дениза, словно ища какой-то невидимой опоры. Брови слегка сдвинулись к переносице, а губы сжались в тонкую линию — внутри нарастала буря эмоций, которую он едва сдерживал.

— Да, — кивнул Дениз, — Дениса в больнице, ей стало плохо.

Его голос звучал мягко, почти виновато, будто он сам был отчасти ответственен за случившееся. Он внимательно следил за реакцией Люцифера, готовый в любой момент поддержать друга.

Люцифер виновато опустил голову. Он вспомнил её небольшое замешательство, вызванное ссорой между ними, и руку на боку; перед глазами всплыла картина: Дениса стоит, слегка ссутулившись, и нервно поглаживает бок, а он, ослеплённый гневом, проходит мимо, не замечая её состояния. В тот момент он был одержим своим негодованием, не придавал этому значения, о чём сейчас очень сильно жалел. В груди защемило, к горлу подступил ком — ему хотелось вернуться в прошлое и всё исправить.

Поставив руки на бока, Люцифер развернулся к двери, собираясь уйти. Его движения были резкими, порывистыми — он явно пытался убежать от собственных мыслей и чувства вины.

— Остановись, — прошептал Дениз, снова сжав его плечо. Его пальцы слегка сжали ткань одежды, но хватка была не жёсткой, а скорее поддерживающей. — С ней Бальтазар, с ней всё будет хорошо.

В его голосе прозвучала искренняя уверенность, призванная успокоить друга.

— Дениз, — вымолвил тот, и его голос дрогнул, — ты не понимаешь...

Люцифер сглотнул, пытаясь унять внутреннюю дрожь. В глазах читалась боль и отчаяние.

— Я всё понимаю, — с лёгкой улыбкой ответил Дениз. Его улыбка была тёплой, ободряющей, хотя в глазах читалась глубокая забота. — И по твоим глазам вижу, что ты что-то задумал.

Дениз слегка наклонил голову, изучающе глядя на Люцифера.

Люцифер опустил взгляд. Да, Дениза не обманешь — этот факт остаётся неизменным. Он почувствовал, как внутри него борется желание открыться и страх поделиться своими планами.

— Рассказывай, — кивнул Дениз. — Сестра моя подождёт.

Поймав укор в глазах Люцифера, он продолжил:

— Ты всё равно сейчас ничем не сможешь ей помочь, она под присмотром врачей. А ты, — твёрдо произнёс он, — рассказывай, что ты задумал и с кем ты говорил так долго?

Его тон стал более настойчивым, но в нём не было упрёка — только искреннее желание помочь.

— А вот и тот, — кивнул орионец на дверь, — с кем я говорил.

Вошёл мужчина небольшого роста в чёрном длинном пальто, напоминающем форму военного кителя. Резной узор двенадцати золотых пуговиц подчёркивал синеву тёмного сукна. Его походка была уверенной, но не вызывающей, а лицо — спокойным и сосредоточенным. В воздухе повисло напряжение, словно сама атмосфера комнаты изменилась с его появлением.

— Имам? — с удивлением спросил Дамир. Его глаза расширились, брови взлетели вверх, а голос прозвучал чуть выше обычного. Он невольно сделал шаг назад, словно пытаясь дистанцироваться от происходящего.

Двенадцать пар глаз уставились на Люцифера — в них читались разные эмоции: удивление, недоверие, любопытство, тревога. Кто-то приоткрыл рот, кто-то нервно сглотнул, а кто-то непроизвольно сжал кулаки. Понимая, что теперь не получится отвертеться, он произнёс:

— Да, имам.

Его голос прозвучал глухо, но твёрдо. Люцифер выпрямился, расправил плечи и посмотрел прямо на вошедшего, давая понять, что готов нести ответственность за свои действия и решения.

— Я готов, — сказал вошедший, — провести обряд сочетания союза семьи.

Его голос звучал ровно и торжественно, но в нём угадывалась едва уловимая нотка предвкушения. Он выпрямился во весь рост, расправил плечи и слегка приподнял подбородок, словно подчёркивая значимость момента.

Сохраняя молчание, Дениз скрестил руки на груди — поза вышла оборонительной, почти настороженной. Он коснулся кончика носа указательным пальцем, задумчиво нахмурившись. В его глазах мелькнуло недоумение, смешанное с тревогой: ситуация развивалась слишком стремительно, и он явно пытался осмыслить услышанное, разложить всё по полочкам. Его пальцы слегка постукивали по предплечью — выдавая внутреннее напряжение.

Перехватив его взгляд, Люцифер только пожал плечами. Движение вышло нервным, почти дёрганым — будто он сам до конца не верил в происходящее. На мгновение его губы дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но передумал. В глазах читалась смесь решимости и неуверенности: он словно балансировал на краю пропасти, готовый сделать шаг вперёд — но не зная, что ждёт его внизу.

В комнате повисла тяжёлая тишина. Кто-то из присутствующих шумно вздохнул, кто-то нервно переступил с ноги на ногу. Воздух будто сгустился, наполнившись невысказанными вопросами и тревожными догадками. Имам, не теряя самообладания, обвёл собравшихся спокойным взглядом — его лицо оставалось невозмутимым, словно высеченным из камня, — и слегка склонил голову, ожидая ответа.

Дениз медленно опустил руку, сжал и разжал кулак, будто пытаясь собраться с мыслями. Его взгляд метнулся к Люциферу, затем к имаму, потом снова к Люциферу — он пытался прочесть в лице друга хоть какой-то намёк на объяснение. Наконец, слегка покачав головой, он тихо произнёс:

— Объясни... Что всё это значит? — его голос прозвучал чуть хрипло, выдавая волнение. Он сделал небольшой шаг вперёд, словно готовясь услышать нечто, что перевернёт всё с ног на голову.

Люцифер глубоко вздохнул, расправил плечи и, наконец, твёрдо посмотрел на Дениза. В его взгляде теперь читалась решимость — пусть и с примесью тревоги.

— Это единственный способ, — произнёс он негромко, но отчётливо. — Единственный способ всё исправить.

Бальтазар вошёл в холл больницы и уже прошёл пункт оповещения и опознания лиц, когда зазвонил телефон. Имя Дениза высветилось крупными буквами на табло. Сердце Бальтазара на мгновение замерло, а потом забило чаще — что-то подсказывало ему: звонок не из разряда обычных.

— Да, Дениз, — орионец замедлил шаг, инстинктивно прислонившись к стене. Его пальцы слегка дрожали, пока он прижимал телефон к уху.

Он слушал молча, терпеливо, периодически задавая вопросы. С каждым словом Дениза лицо орионца вытягивалось, а глаза становились всё шире и круглее — в них читалось нарастающее беспокойство. Брови сошлись на переносице, а губы плотно сжались в тонкую линию.

— Почему ты раньше не сообщил? — Бальтазар посмотрел на часы, его взгляд заметался по циферблату, словно он пытался высчитать что-то критически важное. — Он скоро будет здесь, если уже, — тихо добавил он, понизив голос почти до шёпота, — не здесь.

В его тоне прозвучала нотка тревоги, почти паники.

Разговор длился минут тридцать. Орионец застыл на месте, стараясь осмыслить каждое сказанное слово. Его плечи слегка опустились, а пальцы непроизвольно сжимали и разжимали край куртки — он будто пытался физически справиться с грузом информации. По окончании разговора Бальтазар отключился, медленно опустил руку с телефоном, на мгновение прикрыл глаза и глубоко вздохнул, пытаясь прийти в себя.

От полученной информации голова гудела — мысли путались, перед глазами мелькали обрывки фраз и образов. Теперь оставалось выполнить ещё одну задачу — молчать. Не рассказать всё Денисе при первой встрече. Не вывалить всю информацию на девушку при встрече. Он сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони — это помогало сосредоточиться и держать эмоции под контролем.

Бальтазар поднимался по лестнице, его шаги были тяжёлыми, словно каждый шаг давался с усилием. Когда сзади его окликнул знакомый голос, он вздрогнул и резко обернулся. К нему быстрым шагом поднимался Люцифер — его походка была решительной, почти агрессивной, а лицо напряжённым.

Мужчина остановился, его сердце забилось чаще. Он внимательно всмотрелся в лицо Люцифера, пытаясь прочесть в нём ответы на невысказанные вопросы.

— Это правда? — задал он вопрос юноше, когда тот поравнялся с ним. Голос Бальтазара прозвучал хрипло, выдавая внутреннее напряжение.

— Правда что? — переспросил тот, не понимая, о чём сейчас идёт речь.

Люцифер слегка наклонил голову, его брови приподнялись в искреннем недоумении, а глаза расширились.

— То, о чём мне рассказал Дениз? — голос Бальтазара стал жёстче, в нём прозвучала требовательная нотка.

— Ну я же не знаю, о чём тебе рассказал Дениз! — свободно бросил Люцифер, слегка разведя руками.

Его тон был непринуждённым, но в глазах мелькнуло что-то неуловимое — будто он догадывался, к чему идёт разговор.

— Зачем ты пришёл сюда? — решил задать вопрос Бальтазар. Его взгляд стал пронзительным, изучающим — он пытался проникнуть в мысли напарника.

— Я знаю, что Дениса здесь, — начал Люцифер и, не выдержав пристального взгляда напарника, замолчал. Его поза слегка изменилась — он ссутулился, а руки непроизвольно сжались в кулаки.

— Да, Дениса здесь, — выдохнул Бальтазар, его голос прозвучал устало. — Не буду отрицать этого.

Он провёл рукой по лицу, словно стирая невидимую пелену.

— Почему не сказал о том, что... — начал Люцифер, его голос дрогнул.

— О чём? — с вызовом переспросил Бальтазар, выпрямившись и глядя прямо в глаза собеседнику. Его тон стал резче, а взгляд — жёстче.

— Бальтазар, — начал решительно Люцифер, делая шаг вперёд. В его голосе зазвучала обида, почти боль. — Почему не сказал мне, что у вас не всё в порядке? Почему скрыл от меня?

Пальцы юноши слегка подрагивали, выдавая внутреннюю бурю эмоций.

— У вас? — повторил Бальтазар, слегка нахмурившись. В его взгляде промелькнуло замешательство, смешанное с досадой.

— Хорошо, — кивнул юноша, чуть повысив голос. — С Денисой. Почему не сказал мне, что состояние девушки нестабильно?

В его глазах блеснула искорка обиды, а губы дрогнули, будто он с трудом сдерживал эмоции.

— А я должен был что-то сказать? — Бальтазар произнёс это холодно, чуть приподняв подбородок. Его взгляд стал жёстким, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки — он чувствовал, как внутри закипает раздражение.

— Ты на чьей стороне, Бальтазар? — зашипел Нарык, его голос дрожал от сдерживаемого гнева. Он сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию, и сжал кулаки так, что костяшки побелели. — Ты ничего не путаешь?

В глазах юноши читалась почти звериная ярость, а ноздри расширились от тяжёлого дыхания.

— Нет, — резко оборвал его тот, — я ничего не путаю. Это ты, видимо, заигрался, мой мальчик.

Бальтазар говорил медленно, чеканя каждое слово. Его голос звучал твёрдо, почти угрожающе, а взгляд не отрывался от лица собеседника, словно пытаясь прочесть его мысли.

— Бальтазар, я хотел всего лишь... — начал Нарык, но его голос дрогнул, а плечи слегка опустились — в нём проступила растерянность.

— Говорить тебе с ней сейчас я не дам, — гордо вскинув голову, выдал Бальтазар. Его поза стала ещё более уверенной, спина выпрямилась, а подбородок поднялся. — Поговорите позже.

В его тоне звучала непреклонность, не допускающая возражений.

— Когда, если не сейчас? — Нарык невольно повысил голос, в нём зазвучала мольба, смешанная с досадой.

— Через два дня, — выдал Бальтазар, чем вызвал улыбку на лице парня. Уголок его рта дрогнул, но он быстро подавил улыбку, стараясь сохранить серьёзный вид. — Придёшь к ней через два дня.

— Ты ставишь мне условие? — в голосе Нарыка прозвучала обида, а брови сошлись на переносице.

— Ты в зеркало смотрел? — перешёл в наступление Бальтазар. Его тон стал язвительным, а в глазах мелькнула насмешка.

— Я не понимаю тебя, — Нарык слегка отступил назад, его плечи поникли, а взгляд стал растерянным.

— Ты себя видел? — Бальтазар сделал шаг вперёд, нависая над собеседником. — Ты чернее тучи передо мной стоишь. Для чего ты пришёл? Усугубить конфликт между вами больше, чем он есть на самом деле?

Его голос звучал жёстко, почти обвиняюще.

— Я так понимаю, — Люцифер посмотрел в сторону, словно собираясь с мыслями, его пальцы нервно теребили край рубашки, — доступ к ней ты мне сейчас ограничиваешь.

В его голосе прозвучала горечь, а губы слегка дрогнули.

— Сейчас — да, пока не приведёшь свою систему в равновесие, — твёрдо ответил Бальтазар. Он скрестил руки на груди, подчёркивая свою решимость.

— Мне кажется, ты слишком много на себя берёшь, — задиристо произнёс Люцифер. Его голос зазвучал громче, а глаза сверкнули вызовом. Он распрямил плечи, пытаясь вернуть себе уверенность.

— Ты сам меня этими регалиями наделил, Люцифер! — высокомерно ответил орионец. Он слегка поднял подбородок, его взгляд стал пронзительным. — Так чего же ты хочешь? Ты сам мне дал право стражем её быть.

Бальтазар выдержал небольшую паузу, очень внимательно наблюдая за собеседником. Его глаза изучающе скользили по лицу Люцифера, пытаясь уловить малейшие изменения в эмоциях.

— Я всего лишь выполняю твои приказы, — пожал плечами невозмутимо он. — А именно — защищать её от всего внешнего мира, в том числе даже немножечко и от тебя.

В его голосе прозвучала лёгкая ирония, но за ней скрывалась твёрдая решимость.

Люцифер собирался возразить, но Бальтазар опередил его:

— Ты зачем пришёл? — перешёл в наступление Бальтазар, повторяя свой вопрос. Его тон стал резким, почти резким. Ему надоело оправдываться.

Он чувствовал себя как нашкодивший школьник, который всеми правдами и неправдами старался скрыть следы своих действий в надежде избежать выговора от директора — это осознание вызывало внутри него раздражение и досаду.

— Я, — растерялся Люцифер, его голос прозвучал неуверенно, а руки слегка задрожали, — узнал от Дениза, что с...

— С ней всё хорошо, — прервал его Бальтазар, — обычные женские капризы. Сегодня она уже будет у Михаила, как ты мне и приказал. Извини, мне пора, — он посмотрел на часы, давая понять о своём намерении закончить разговор. Его движения стали резкими, нервными. — Девушку надо забирать в два. Уже время, иначе Кяро начнёт звонить.

Бальтазар уже занёс ногу на вторую ступеньку, собираясь уйти.

— То, что сказал тебе Дениз, — правда, — шагнул к нему Люцифер. Его голос стал тише, но в нём появилась новая, глубокая серьёзность.

Орионец остановился, медленно повернулся к собеседнику. Его брови слегка приподнялись в немом вопросе, а взгляд стал напряжённым.

— То, что сказал тебе Дениз, — повторил Люцифер, став к нему вровень. Он посмотрел прямо в глаза Бальтазару, и в его взгляде читалась искренность. — Правда. Я хочу совершить никах.

Юноша сделал паузу, оценивая реакцию собеседника. Его пальцы слегка подрагивали, выдавая внутреннее волнение.

— Ты мне нужен, Бальтазар, — внезапно выпалил он. — Я знаю, ты будешь против...

Его голос дрогнул на последних словах, а в глазах промелькнула мольба.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — ответил Бальтазар. Его голос смягчился, но в нём всё ещё звучала настороженность. — И, главное, знаешь, зачем ты это делаешь.

Он внимательно посмотрел на Люцифера, пытаясь понять глубину его намерений.

Признание Люцифера ошеломило его. Нет, для него не было новостью известие о никахе — но открытость и невинность парня поразили его до глубины души. Бальтазар на мгновение замер, ощутив, как внутри что-то дрогнуло: перед ним стоял не самоуверенный юноша, а человек, готовый сделать важнейший шаг в жизни. Бальтазар сдался — его сопротивление растаяло, словно лёд под весенним солнцем.

— Чего ты хочешь? — уже более мягко спросил он, слегка смягчив взгляд и опустив плечи. В его голосе больше не было прежней жёсткости — только осторожное любопытство.

— Твоего участия, — ответил Люцифер, глядя прямо в глаза, без тени насмешки или лукавства. Его голос звучал твёрдо, но в глазах читалась мольба.

— Шутишь, да? — Бальтазар невольно усмехнулся, но тут же поймал себя на мысли, что Люцифер действительно серьёзен.

— Нет, серьёзен как никогда, — повторил юноша, и его взгляд стал ещё более пронзительным, почти умоляющим.

— Я не собираюсь, — усмехнулся Бальтазар, пытаясь скрыть своё замешательство, — заключать никах. И, — пожал плечами, добавил, — пока что.

Он провёл рукой по волосам, чувствуя, как нарастает внутреннее напряжение.

— Перестань, — оборвал его юноша, его голос зазвучал чуть резче. — Ты же понял, о чём я. Зачем смеёшься надо мной?

В его глазах мелькнула обида, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Чью сторону мне предстоит представлять? — Бальтазар слегка наклонил голову, изучающе глядя на Люцифера.

— Мою, — едва слышно произнёс Люцифер, опустив взгляд на мгновение, а затем снова подняв его. — Ты будешь представлять мою сторону.

Его голос дрогнул, выдавая волнение.

— А Дениса? — решился задать вопрос Бальтазар. Он слегка нахмурился, пытаясь понять всю картину.

— Сторону её будет представлять Дениз как её брат и ближайший родственник, — ответил юноша, стараясь говорить уверенно.

— Почему не Михаил? — внезапно выпалил Бальтазар.

Услышав его слова, юноша поёжился. Он закатил глаза, шумно выдохнул и посмотрел на собеседника прямым, сверлящим взглядом — в нём читалось раздражение, смешанное с досадой.

— Без комментариев, Бальтазар, — с трудом выдавил он из себя, стиснув зубы. — Без комментариев.

Его пальцы слегка подрагивали, выдавая внутреннее напряжение.

— Хорошо, — сдался тот, слегка разведя руками. — Когда день свершения обряда?

Его голос стал спокойнее, а поза — менее напряжённой.

— Через два дня, — твёрдо ответил Люцифер.

— Через два дня? — переспросил Бальтазар, приподняв брови. В его взгляде мелькнуло удивление.

— Да, через два дня, — подтвердил юноша.

— Почему через два дня? — не отставал тот, слегка подавшись вперёд. — Почему не сейчас или не завтра, а через два дня?

Его тон стал более настойчивым, но уже без прежней резкости.

— Ну ты же мне тоже дал срок в два дня, — возмутился Люцифер, слегка повысив голос. — Может быть, и ты объяснишь своё решение сам, прежде чем спрашивать меня?

Он слегка наклонил голову, глядя на Бальтазара с вызовом.

— Хорошо, — сдался Бальтазар, слегка улыбнувшись. — Никах между вами будет заключён через два дня. Вот после его свершения и поговоришь...

Он сделал паузу, затем добавил мягче:

— С ней.

Слова о никахе вызвали улыбку на лице Люцифера — искреннюю, почти детскую. Уголки его губ дрогнули, а в глазах заблестел радостный огонёк. Он глубоко вдохнул, будто сбросив с плеч тяжёлый груз.

— Я сказал что-то смешное? — растерялся Бальтазар, слегка нахмурившись.

— Получается, ты уже знал дату заключения никаха между мной и Денисой? — Люцифер слегка прищурился, в его голосе прозвучала лёгкая насмешка, но без злобы.

— Да, — не стал отпираться Бальтазар, — знал. Я узнал от Дениза. Теперь твоя очередь ответить на мой вопрос: почему через два дня?

Он скрестил руки на груди, но его поза уже не выглядела оборонительной.

— Так посоветовал сделать, — кивнул Люцифер, тяжело вздохнув, — имам. Он сказал: самое благоприятное время — через два дня. Все звёзды сойдутся в единую систему мира, и путь к свершению нового пути будет открыт.

В его голосе прозвучала неподдельная вера в эти слова, а взгляд стал мечтательным.

— Хорошо, я понял тебя, — кивнул Бальтазар и спросил: — Где вы будете в момент свершения никаха?

— Мы?! — удивился Люцифер, его брови взлетели вверх, а глаза расширились от неожиданности.

— Да, ты и Дениса, — повторил Бальтазар. — Где вы будете в этот момент?

Он слегка наклонился вперёд, внимательно следя за реакцией юноши.

— У Михаила, мы будем у Михаила, — ответил Люцифер, немного успокоившись.

— То есть... — Переминаясь с ноги на ногу, Бальтазар посмотрел вверх, словно пытаясь найти там ответ. Его лицо выражало задумчивость, почти растерянность.

— В день совершения никаха я пойду к ней, — уверенно произнёс Люцифер.

— Это тебе тоже посоветовал имам? — с нотками сарказма спросил Бальтазар, но в его глазах уже не было прежней настороженности.

— Да, — спокойно ответил Люцифер, — именно посоветовал имам. В этот день энергия этого дня позволит обнулить все старые программы и запустить новые. Ты же, — продолжил он после небольшой паузы, — не позволишь мне с ней поговорить сейчас, я так понимаю?

Его голос снова стал чуть тише, в нём прозвучала лёгкая грусть.

— Да, — кивнул тот, — сейчас не время для вашего разговора. За два дня страсти между вами улягутся — вот и поговорите с холодным сердцем и чистым разумом.

Бальтазар слегка похлопал Люцифера по плечу, впервые за весь разговор проявив теплоту.

— Не смею с тобой не согласиться, — ответил Люцифер, и на его лице появилась лёгкая улыбка. — В одном ты прав, Бальтазар: говорить надо с чистой головой. А когда разум затуманен, ладу не будет.

— Ну вот и отлично, — выдохнул орионец, наконец полностью расслабившись. — Я рад, что мы поняли друг друга.

Его плечи опустились, а на губах появилась искренняя улыбка — впервые за долгое время он почувствовал, что всё идёт так, как должно.

Обменявшись парой фраз, мужчины разошлись. Задержавшись на лестничной площадке, Бальтазар бросил мимолётный взгляд в окно. Его шаги замедлились, а дыхание на мгновение сбилось — что-то в пейзаже за стеклом притянуло его внимание с почти гипнотической силой.

Орионец хотел пройти мимо, но его взгляд зацепился за знакомую фигуру. Сердце на миг замерло, а потом забило чаще: он узнал Люцифера. В груди шевельнулось тревожное предчувствие — он вспомнил, что уже когда-то видел нечто подобное.

Вот только в тот момент за Люцифером торопливым шагом, стуча высокими каблукками, следовала Кяро. Бальтазар невольно сжал перила лестницы — пальцы побелели от напряжения. Перед глазами всплыла яркая картина: лёгкая фигура девушки в светлом платье, её решительная походка, чуть вздёрнутый подбородок...

Догнав Люцифера, девушка всучила ему в руки свиток — документ длиной в несколько метров, свёрнутый в трубочку. Тот от неожиданности чуть не выронил его, неловко перехватывая обеими руками.

Растерянный вид парня говорил сам за себя. Его брови удивлённо взлетели вверх, глаза расширились, а рот слегка приоткрылся. Происходящее для него было совершенно неожиданным. Кяро что-то очень быстро говорила — её губы шевелились без остановки, руки жестикуют, подчёркивая каждое слово. Люцифер кивал, но по его лицу было видно, что он едва успевает осмыслить сказанное.

Не нравилось Бальтазару эта встреча. Вспоминая её, он поёжился, потёр предплечья, будто от внезапного холода. На первый взгляд — ничего интересного, тем более вызывающего: обычный разговор, обычная встреча. Но внутри всё сжималось от тревоги.

Напрягала во всей этой истории информация о ребёнке. О чём говорила с парнем в тот момент Кяро? Бальтазар непроизвольно сжал кулаки. В памяти всплыли их недавние разговоры с Денисой — он настойчиво советовал ей рассказать Люциферу о беременности, убеждал, что скрывать такое нельзя. Но девушка упрямо отмалчивалась, отводила глаза, находила тысячи отговорок...

Вопрос так и повис в воздухе, тяжёлым грузом давя на сознание. И как юноша отнесётся к такой новости? Бальтазар представил реакцию Люцифера — его шок, растерянность, возможно, гнев... От этих мыслей стало не по себе.

Понимая, что Люцифер возвращаться не планирует, он вздохнул с облегчением — выдох получился долгим, прерывистым. Эмоции от недавней ссоры ещё не остыли, и подогревать огонь между первосутями совершенно не хотелось. «Успокоятся — поговорят, — подумал Бальтазар, пытаясь унять внутреннее беспокойство. — Тогда эффект от такого разговора будет куда лучше. Сейчас любое слово может стать искрой для нового конфликта...»

Бальтазар провёл рукой по лицу, словно стирая следы тревожных мыслей, расправил плечи и продолжил свой путь. Шаги его поначалу были тяжёлыми, неуверенными, но постепенно становились всё более твёрдыми — он старался сосредоточиться на текущих делах и отогнать назойливые образы недавней сцены за окном.

Девушка с трудом открыла глаза — веки казались невероятно тяжёлыми, словно налитыми свинцом. Физраствор с успокоительным давал о себе знать: движения были вялыми, а мысли — размытыми, будто сквозь туман. Немного пошевелившись, она почувствовала чью-то руку рядом со своей — тёплое, почти родное прикосновение. Повернув голову, девушка увидела Харуна.

Орионец сидел на стуле, склонившись над её ладонью. Его поза была напряжённой, спина слегка сгорбилась, а пальцы бережно, почти трепетно, держали её руку. Сначала Дениса решила, что он спит, но потом, прислушавшись к его дыханию, убедилась в обратном. Спящий человек сопит, а не шмыгает носом. Значит, юноша бодрствовал. В его глазах читалась глубокая усталость, но в то же время — неподдельная забота.

Дениса осторожно пошевелила рукой.

— Де-н-ни-с-са, — произнёс он с шипящим акцентом: на языке дагонов принято произносить каждую букву. Его голос дрогнул, выдавая волнение.

— Харун, — чуть слышно произнесла девушка, её голос звучал хрипло, будто после долгого молчания. — Ты один?

— Да, я один, — тихо ответил юноша, целуя её пальцы. В этом жесте было столько нежности и тоски, что у Денисы защемило сердце.

— Харун, брат мой, — шептала она на языке дагонов, и в её голосе звучала мольба. — Что ты делаешь? Остановись, Харун. Ты же знаешь, чем чреваты последствия для тебя и меня, если кто-то увидит сейчас, какое внимание ты мне оказываешь.

Её пальцы слегка дрожали, а взгляд метался между его лицом и дверью.

— Если ты сестра мне, — в тон ей прошептал он, не отпуская её руки, — разве не могу я внимание сестре своей оказать?

В его глазах блеснула искра упрямства, но за ней скрывалась боль.

— Харун, — с болью произнесла Дениса, её голос сорвался на последнем слоге. — Не обманывай себя. Ты дагон, Харун, — продолжила она, подавляя в себе накапливающуюся волну разочарования. Её губы дрожали, а в горле встал ком. — Прости меня, Харун, — заливаясь слезами, девушка закрыла лицо руками. Плечи её затряслись от беззвучных рыданий. — Я столько плохого наговорила тебе тогда. Прости меня.

— Дениса, — растерялся он, убирая её руки от лица. Его пальцы слегка дрожали, а глаза наполнились тревогой. Он осторожно вытер слёзы с её щёк большим пальцем.

— Ты сын вождя дагонов, — начала она, всхлипывая. Её дыхание прерывалось, а слова вырывались с трудом. — Тогда, много лет назад...

— Много лет назад, — начал Харун, его голос стал твёрже, но в нём всё ещё звучала горечь. — Мой отец помог спрятать дочь творца небесной обители от его брата. Спрятать на одной из звёзд здешней округи. Арион хотел с первосутью женской слиться и миром править сам. Ты и есть та самая первосуть. Да, сейчас женщин много во Вселенной, только не все они

могут беспрепятственно между мирами ходить и энергией света владеть. Тебе этот дар от рождения дан, как и Люциферу твоему.

Мужчина был неуждлив в желаниях своих — первой сутью обладать. Такая одержимость напугала нашего творца. Он дочь свою желал сыну его в жёны отдать, детей соединить и новый мир построить — мир гармонии и любви. Арион воспротивился этому, бунт он учинил. Впрочем, бунт его и бунтом не назовёшь. Сам действовал с небольшой кучкой людей своих. Однако покушение он совершил на корабль своего сотворца. Тебя получить он хотел — сыну своему не уступить, самому тебя взять. Не знал он, что у вас уже и так всё слажено. И даже если он возьмёт тебя, душу твою не получит, как и сердце твоё. Напрасны старания его были.

Вот и спрятали тебя от глаз его. Мы тебя везли на станцию эсколации, в горы, для дальнейшей транспортировки. Горы и название то имеют соответствующее — Эсколаза. Здесь удобно прятать точки, станции отправления с любой позиции склона.

Арион прознал это и нанёс удар...

После аварии тебя никто не нашёл. Горцы тебя к себе забрали. Это правда: ты детство провела на Орионе. Спрятана была под самым носом властителя его. Один Михаил знал, где ты. Знал и молчал, даже отцу своему он не говорил первое время.

Ты же знаешь: всё, что в матрице произнесено будет, то и след свой в ней отпечатает, и на исполнение пойдёт. Вот поэтому Михаил и молчал — чтобы след твой не только энергетический, но и звуковой скрыть. Возможно, имя твоё он сократил, дабы ввести охотника в заблуждение. Обиду на него, девочка, тоже не имей, прими всё как данность, — произнося это, он сжал руку её в ответном рукопожатии. Его пальцы были тёплыми и сильными, а взгляд — проникновенным. — Племя дагонов слилось с племенем орионидов через смешанные семейные союзы. А вот наречие в некоторых родах осталось.

Харун замолчал, решил сделать перерыв. Его дыхание участилось, а на лбу выступила испарина — рассказ отнял у него немало сил.

Не проронила ни слова и Дениса. Она очень внимательно слушала, коря себя за горячность свою когда-то в общении с ним. Её глаза наполнились слезами, но теперь это были слёзы не боли, а осознания. Она осторожно сжала руку Харуна в ответ, и в этом жесте читалось не только прощение, но и новая, глубокая связь между ними.

— Имя Дениса — почему сокращённо? — решился он на вопрос, слегка наклонив голову и вглядываясь в лицо Денисы. В его голосе прозвучала искренняя любознательность, смешанная с затаённой грустью.

— Так говорят в небесной обители, — тихо ответила она, опустив взгляд на их соединённые руки. Её пальцы слегка дрогнули под его ладонью.

— М-да... На Орионе всё по-другому, — задумчиво произнёс Харун. Он слегка откинулся на спинку стула, его взгляд устремился куда-то вдаль, словно он видел перед собой картины далёкого прошлого. В уголках глаз залегла тень ностальгии.

— Да. Вы имя «Аллах» разделяете — А-л-ла-х. Мы объединяем, две буквы как одну читаем. Вот и получилось Де-н-ни-с-са, как «Дениса», — пояснила она, слегка улыбнувшись уголками губ. В этой улыбке читалась смесь нежности и лёгкой печали.

— Да, именно так, — кивнул Харун, его голос стал глубже, почти торжественным. — Каждая буква, каждое слово свою транскрипцию несёт, свою энергию даёт. — Произнося это, он поднял руку перед устами своими, соединил пальцы вместе, потом их, как цветок, открыл, говоря одновременно: — Де-н-ни-с-са. Мы особый код запускаем, энергией жизни наделяем. Структура человека по-другому открывается. Энергоинформационная структура свою светимость имеет в матрице мира сего. Ведь имя для нас — это не просто звук, друг с другом букв соединяющихся. Имя для нас несёт информационный, световой код. Для каждого из нас своё имя дано.

Он говорил медленно, с расстановкой, и каждое слово звучало весомо, наполненное глубоким смыслом. Его глаза блестели от внутреннего огня, а голос обрёл особую мелодичность, будто он произносил древнее заклинание.

— Смотри: ты очень часто произносишь «Лю-ци-фе-р», — продолжил Харун, слегка понизив голос. — «Лю» — людям дан; «Ци» — энергия жизни от первоисточника; «Ф», «Фе» — образ первого творения в нём заключён; «Р» — замыкающая позиция. Именно «Р» тональность произношения. «Р» может энергию обрубить, а может творение его продлить...

Его пальцы слегка подрагивали, когда он перечислял значения букв — казалось, он физически ощущал эту энергию, текущую сквозь слова.

— Я, — продолжил Харун после недолгого молчания, и его голос дрогнул, — на себя обет забвения наложил, со своим шаманом обряд провёл. Он уговаривал меня не делать этого, доводы приводил, говорил, что я сам себя забуду, всё забуду, весь род свой забуду и происхождение своё. — Харун сжал кулаки, на его лице отразилась внутренняя борьба. — А я ведь и хотел всё забыть, тебя забыть хотел. Ведь ты ещё тогда Люцифера избрала, и он тебе предположение своё оказал. Не мог я ему дорогу переступить, на пути его стать, да и сейчас не могу я сделать этого. Я всегда любил тебя...

В его голосе зазвучала такая глубокая, многолетняя боль, что у Денисы защемило сердце. Она невольно сжала его руку в ответ.

— Да, я забыл тебя, я всё забыл, я сам себя забыл, как и шаман говорил. Только... — он сделал паузу, его глаза наполнились слезами, — энергия та при виде тебя двукратно ко мне вернулась и проклятием для меня обернулась.

— Харун, — произнесла Дениса, дух переводя. Её голос дрожал, а в горле встал ком. Она почувствовала, как слёзы подступают к глазам, обжигая веки.

— Подожди, не перебивай меня, — руку свою на её руку он положил. Его пальцы слегка дрожали, но хватка была крепкой. — Сказать я тебе должен: всё это знать ты должна.

Девушка голову закинула назад, глотая слёзы. Её грудь вздымалась от прерывистого дыхания, а пальцы непроизвольно вцепились в край одеяла. В этот момент она ощутила всю тяжесть прожитых лет, всю боль их разлуки и силу чувства, которое, оказывается, жило в сердце Харуна всё это время.

— Дениса, мне уйти надобно будет. Так лучше для всех будет, — произнёс Харун, и его голос дрогнул. Он сжал кулаки, стараясь унять внутреннюю дрожь. — Мне нужно прийти в себя, Дениса. Я должен связь со своим родом восстановить: от него я отказался, ошибку я сделал. Теперь вернуться надо и прощение у всех них просить — у отца и матери своих, да и остальных родственников, у всего рода своего — от самого начала творения его до настоящего дня.

Он замолчал на мгновение, его взгляд затуманился, словно он видел перед собой лица тех, перед кем должен был извиниться. Грудь его тяжело вздымалась, а пальцы нервно теребили край одежды.

— Я ведь сразу вспомнил тебя, когда увидел тебя. Бааал меня соблазнял, мою душу раздирал, совладать я с собою не мог. Тронуть я тебя не мог, вот словесной перепалкой я тебя и задевал. Прости меня, Дениса, — его голос сорвался, в нём зазвучала неподдельная боль. — Говорю я тебе, чтобы знала ты: не по твоей вине ухожу я, по своей дурости, по своей оплошности. Близко к сердцу на свой счёт не принимай. Вижу: тяготит тебя история последней ссоры нашей, как и меня — рвёт на части. Я сам не сдержал себя и тебе такого наговорил! — Он нахмурил лоб, и грудь его вздымалась, слова давались с трудом, будто каждое приходилось вырывать из глубины души. — Нет вины на тебе, Дениса. Я и только я провоцировал тебя, чтобы говорила ты со мной и говорила долго в споре нашем, а прикоснуться я к тебе не мог. Это я перед тобой виноват, и молить я тебя о прощении должен. Прости меня, Дениса, — повторил он, его глаза наполнились слезами. — Прости меня.

— Ты дагон, Харун, — повторила Дениса, её голос звучал тихо, но твёрдо. В нём слышалась глубокая печаль и одновременно — понимание сути его природы. Она слегка коснулась его руки, словно пытаясь передать ему часть своей силы. — А дагоны все однолюбы, ты же знаешь это. Они, если выбирают себе пару, то на всю жизнь, на весь век свой, и даже смерть не разлучит их. Это у вас в крови, и с обычаями и традициями не связано. Обычаи и традиции можно изменить, переписать — все правила переписываются так, как человеку удобно на данный момент. А вот то, что заложено внутри тебя, по крови твоей тебе дано, по роду твоему — не изменить, не вырезать, не отбросить. Сердцу своему они не изменяют никогда, даже вопреки душе своей.

— Подожди, Дениса, подожди, — взмолился он, сжимая руку девичью так крепко, будто боялся, что она вот-вот исчезнет.

В его глазах читалась мольба, отчаяние и невысказанная любовь, копившаяся годами.

Харун припал лбом своим к ладоням её, вспоминая обёрнутый в полотенце полуобнажённый стан, когда пробрался к ней с извинениями своими, и растерянность в янтарных глазах во время поцелуя. Перед глазами всплыла картина: он тянется к ней, а она замирает, не зная, оттолкнуть его или ответить на прикосновение... За поцелуй тот от Бальтазара оплеуху он тогда получил — незаслуженно, как сам считал: замечен-то не был он. Воспоминания обожгли сердце, заставили его вздрогнуть.

— Ты никогда не забудешь меня, Харун, — повторила она, и в её голосе прозвучала горькая уверенность. Её пальцы слегка дрожали, когда она провела по его волосам — нежно, почти невесомо.

— Ты права, Дениса, — сказал он, отпуская её руку. Его пальцы на мгновение задержались на её коже, словно пытаясь запомнить её тепло. — Я никогда тебя не забуду... Значит... больше тебя я не увижу.

В его голосе прозвучала окончательность, от которой защемило сердце.

Подавляя слёзы, девушка отвернулась к стене. Плечи её слегка подрагивали, но она старалась сдерживать рыдания — не хотела, чтобы Харун видел её слабость.

Харун сидел на стуле, опустив руки на колени. Его плечи сгорбились, а голова упала на грудь. Он глубоко дышал, пытаясь унять боль, разрывающую грудь. Пальцы бессознательно сжимались и разжимались, выдавая бурю эмоций внутри.

Никто из них не подозревал, что у окна Бальтазар стоит и, скрипя душой своей и сердцем своим, за ними наблюдает. Его лицо исказила гримаса внутренней борьбы — он сжал перила так сильно, что костяшки побелели. В груди нарастала тяжесть: он понимал, что не имеет права вмешиваться, но видеть их страдания было невыносимо.

Выждав время, Бальтазар вошёл в палату. Дениса сидела на кровати, свесив ноги. Её поза была напряжённой, плечи слегка подрагивали, будто она сдерживала слёзы. Харун помог одеть ей сандалии — его движения были неторопливыми, почти ритуальными, словно каждое касание имело особый смысл. Они без слов поняли, зачем он пришёл. Пора отправляться.

По взгляду вошедшего юноша понял, о том, кто является свидетелем их разговора, но его это не смущало. Напротив, на его лице промелькнула тень облегчения. Он выговорился, освободил свою душу от тяжкого груза, очистил своё сердце. Теперь осталось самое малое — восстановить связь со своим народом. В его глазах читалась решимость, смешанная с горечью прощания.

Все сохраняли молчание. Девушка боялась посмотреть Бальтазару в глаза. Её пальцы нервно теребили край одеяла, а дыхание было прерывистым. Боялась прочитать во взгляде его осуждение и неправильное понимание диалога с Харуном. В груди сжималась тугая боль — она не хотела, чтобы Бальтазар подумал, будто между ней и Харуном есть что-то большее, чем давняя дружба и невысказанные сожаления.

Тот же, в свою очередь, не мог ничего сказать. Увиденное настолько потрясло его, что он никак не мог всё принять и осознать как должное. Его лицо оставалось бесстрастным, но внутри бушевала буря эмоций: смесь недоумения, тревоги и едва уловимой ревности. Он сжал челюсти, стараясь не выдать своих чувств.

Все трое сохраняли молчание, и воздух между ними словно сгустился от напряжения.

Подойдя к катамарану, Харун помог девушке сесть и заботливо пристегнул ремни безопасности — его пальцы слегка дрожали, когда он застёгивал пряжку. После этого он забился на заднее место — в самый дальний угол. Харун всегда садился именно так, в самый дальний угол, чувствуя свою вину в чём-либо. Да и можно было избежать лишнего внимания и тяжёлых расспросов от напарников, особенно от него — Бальтазара. В глаза девушки старался не смотреть, впрочем, как и в глаза своего военначальника. Ему хватило встречного взгляда в больнице, от которого всё сжалось внутри — в нём читалось столько невысказанных вопросов и упреков.

Бальтазар не решался вопрос задать, поэтому принял решение молчать, пока не придут в пункт назначения. Сейчас говорить бесполезно. Нервное напряжение чувствовалось со всех сторон — оно висело в воздухе, словно грозовая туча. Да и он, Бальтазар, мог нравоучения читать, а это сейчас ни к чему было. Он глубоко вздохнул, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

Он чувствовал: слёзы девушки на подходе. Скажи он лишнее слово каверзное — и она голосить начнёт. Харун присоединиться может: нервозность парня так же среди них витала, осязаемая, почти осязаемая. Никто не знает, какую сторону он сейчас примет и с кем из них двоих ругаться начнёт — отношения выяснять с ним, Бальтазаром, или опять будет Денису разжигать на конфликт. Пусть все успокоятся.

Путь свой в молчании продолжали. Никто слова не проронил. Девушка в окно всю дорогу смотрела невидящим взглядом — её глаза были пусты, а на щеках блестели высохшие дорожки слёз. Харун вообще в тени виден не был: он съёжился в своём углу, обхватив колени руками, словно пытаясь стать как можно меньше. Даже по прибытии тишина между ними сохранялась — тяжёлая, давящая, полная невысказанных слов.

В небесной обители жизнь кипела в полную силу, несмотря на закат дня. Группа Эйнджел не имела понятия о процессе сна, если только того требуют особые регалии.

Михаил находился на центральной площадке компьютерного зала. Сам зал вглубь уходил, в стену Южного Круга упирался. С внешней стороны перилами оторочен был. Дверей в нём не имелось, поэтому всё происходящее внутри на обозрение окружающих представлялось. Каждый присутствующий в нём мог свою геолокацию поменять, местоположение своё: подойти к перилам и вверх посмотреть или вниз — от желания зависело в сей момент. Взору также открывались все ближайшие лаборатории. Вся центральная часть была открыта для удобства лаборантов соседних отсеков. Такое строение позволяло поприветствовать друг друга, не покидая своего рабочего места, а также, в случае необходимости, обменяться данными исследований или получить консультацию. Лаборанты чаще всего так призывали Михаила на помощь: подходили к перилам и кричали вверх или вниз. Последнее время они себя даже этим не утруждали. Перил чуть рукой касались и имя его называли. Теперь оставалось выждать несколько секунд — и главный наблюдатель выходил на арену.

Михаил прохаживался взад-вперёд, контроль над всеми ведя. В его облике гармонично сочетаются хладнокровие и внутренняя сила — это читается в каждом шаге, в каждом повороте головы. Его светлые волосы, небрежно уложенные с рваной чёлкой, спадающей на лоб, придают образу лёгкую небрежность, но в то же время подчёркивают его решительность. Взгляд его льдисто-голубых глаз сосредоточен и немного усталый — будто за плечами у него множество испытаний, которые закалили характер. В глубине зрачков таится тень пережитого, но он не позволяет эмоциям взять верх.

Лицо худощавое, с чётко очерченными скулами и лёгкой небритостью, добавляющей облику мужественности. Лёгкие тени под глазами говорят о бессонных ночах и постоянном напряжении — видно, что он редко позволяет себе отдых. Прямой нос с едва заметной горбинкой и плотно сжатые губы подчёркивают твёрдость воли и готовность к действию. В уголках рта залегла едва уловимая складка — след долгих раздумий и непростых решений.

Он одет в лаконичную чёрную водолазку, которая подчёркивает его атлетическое сложение. Всегда уверенная поза — будто он готовится к решающему действию, — деталь, сразу выдающая в нём человека, привыкшего к опасности и готового защищать себя и других. Плечи расправлены, спина прямая, движения чёткие и выверенные. Всё в его облике говорит о дисциплине, выдержке и опыте, приобретённом в тяжёлых условиях.

Этот парень производит впечатление человека, который не боится трудностей и всегда доводит начатое до конца. В его взгляде читается не только решимость, но и скрытая печаль — словно он видел многое и научился скрывать свои эмоции за маской хладнокровия. Он кажется одновременно уязвимым и неуязвимым, что делает его образ особенно притягательным и многогранным. В нём чувствуется глубина, которую не разглядеть с первого взгляда.

От площадки вниз небольшая лестница вела. Заметив вошедших орионцев, Михаил спустился к ним. Появление их удивило его — брови слегка приподнялись, а взгляд на мгновение стал настороженным. Люцифера с ними не было — он понял это сразу. Что же тогда привело их? В его сознании промелькнуло несколько версий, но ни одна не казалась убедительной.

— Приветствую тебя, Бальтазар, — кивнул он, поравнявшись с ними. В его голосе звучала сдержанная вежливость, но в глазах читался вопрос.

Бальтазар ответил тем же — коротким кивком, без лишних слов.

— Зачем ты пришёл ко мне? — спросил Михаил, слегка склонив голову набок.

— Я пришёл не один, — произнёс Бальтазар. Его тон был ровным, но в нём угадывалась нотка напряжения.

— Да, я вижу, — Михаил перевёл взгляд на парня. Его глаза на мгновение задержались на Харуне, оценивая его состояние.

Бальтазар усмехнулся — коротко, почти невесело. Он немного помедлил, потом отступил на два шага в сторону, открывая взору Михаила сестру его. Теперь между орионцами Дениса стояла. По взгляду его Бальтазар понял: их приезд для него не новость.

«Значит, Люцифер успел сообщить», — подумал про себя Бальтазар. «Вот только интересно, цель визита он тоже указал?» В его груди шевельнулось лёгкое раздражение — он не любил, когда события развивались без его ведома.

— Дениса, — произнёс мягко Михаил, — твои покои готовы.

Его голос заметно потеплел, а в глазах появилось что-то вроде нежности.

Он всегда с ней мягко говорил. Даже когда в гневе был, появление сестры умирало его: кротким и рассудительным становился. Только не путайте кротость и рассудительность с безволием. Мягкость Михаила не стоит принимать за слабость: он всегда при своём мнении оставался и отстаивать его тоже мог до последнего. В этом сочетании мягкости и твёрдости заключалась его особая сила.

— Она в покоях Люцифера прибывать будет, — твёрдо сказал орионец и добавил, поймав взгляд Михаила: — У меня приказ, его исполнить я должен.

В его тоне звучала непреклонность, но Бальтазар старался не смотреть Михаилу в глаза слишком долго — он знал, что тот умеет читать мысли по выражению лица.

Михаил кивнул и жестом предложил пройти. Спорить он не собирался. Сам по себе знал: приказы свыше не обсуждаются. В его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть, но он быстро спрятал это чувство за привычной маской спокойствия.

Харун с места не тронулся. Он ждать на главной площади остался, опустив голову и глядя в пол. В его позе читалась усталость и какая-то обречённость.

Бальтазар взял девушку за локоть — осторожно, но уверенно.

— Я сама, — попыталась вырвать она руку, — дорогу знаю.

Её голос звучал резко, почти вызывающе, но в глазах мелькнула растерянность.

— Дениса, — чуть слышно произнёс тот и замер. Он слегка ослабил хватку, давая ей возможность самой принять решение.

Он знал, что силой тащить её не мог: не к той категории людей она принадлежала. И приказ выполнить должен был — тоже не мог он послушаться. Внутри него шла борьба: долг против сочувствия, приказ против человечности.

Немного помедлив, девушка согласилась. Её плечи слегка опустились, словно она смирилась с неизбежным. Они пошли прямо по мраморному коридору белого цвета, стены которого нависали друг напротив друга, как два айсберга. Холодный блеск мрамора отражал их тени, делая фигуры ещё более хрупкими на фоне монументальной архитектуры.

Комната Люцифера находилась рядом, здесь же, напротив зала с компьютерами, только с противоположной стороны от него. Вход в неё можно было увидеть даже отсюда, из зала, если свеситься с перил возле боковой стены и заглянуть за угол. Взору открывался тот самый мраморный коридор: метрах в двух-трёх от входа в него располагалась дверь в комнату Люцифера. Холодный блеск мрамора отражался в свете ламп, создавая ощущение отстранённости и одиночества.

— Бальтазар, — с вызовом бросила девушка, когда они в комнату вошли. Её голос прозвучал резко, почти враждебно, но в глазах читалась усталость. Она остановилась посреди комнаты, сжав кулаки, будто готовилась к обороне.

— Дениса, — начал он, осаждая её, — у меня приказ, я приказ выполняю... А дальше... вы сами друг с другом разберётесь.

Бальтазар говорил твёрдо, но в его взгляде мелькнуло сочувствие. Он сделал шаг вперёд, но остановился, не решаясь подойти ближе.

Он ожидал всплеска эмоций ещё там, на площадке, при упоминании имени Люцифера. Однако девушка сдержала себя. Да и сейчас, склонив голову набок, она обречённо села на кровать, подперев подбородок руками. Её плечи слегка поникли, а взгляд устремился куда-то вдаль, словно она пыталась найти ответы в пустоте комнаты.

— Дениса, ты позволишь? — Бальтазар жестом спросил разрешения сесть рядом с ней. В его голосе прозвучала непривычная мягкость, почти просьба.

Девушка молча кивнула, не поднимая глаз. Её пальцы нервно теребили край платья.

— У нас с тобой не всегда всё шло гладко, и, возможно, ты где-то таишь обиду на меня... — начал Бальтазар осторожно, подбирая слова.

— Нет, — кивнула она, по-детски надув губы. В этом жесте было что-то трогательное, почти беспомощное.

Спорить с ним не хотелось, да и не к чему было. Одно желание её одолевало сейчас: закрыться в комнате, залезть под одеяло и заснуть. Утро вечера мудренее. Она вздохнула, и этот вздох прозвучал так тяжело, будто на её плечах лежал невидимый груз.

— Я не мастер говорить, не оратор я... Дениса, не делай из происходящего проблему.

Бальтазар слегка наклонился вперёд, пытаясь поймать её взгляд.

— Я не делаю, — ответила она, не меняя своего положения. Её голос звучал глухо, отстранённо.

— Нет, я вижу, ты переживаешь, — мягко начал он. — Время всё расставит на свои места.

Он осторожно положил руку на её плечо, но тут же убрал, почувствовав, как она напряглась.

— Ты что-то знаешь, да? — Девушка повернулась к нему, выпрямляя спину. В её глазах вспыхнул огонёк надежды, смешанной с тревогой.

Она сцепила руки в замок и положила их на колени. Пальцы слегка подрагивали — выдавали внутреннее волнение.

— Я... — Он взял её руки в свои. Его ладони были тёплыми, но слегка влажными от пота.

Бальтазар сейчас находился в не лучшем положении. Ему очень хотелось рассказать ей всё, облегчить её душу и свою, но он должен был молчать. В груди сдавило от чувства вины.

— Тайна исповеди, да? — Усмехнулась она, словно прочитала мысли. В её усмешке сквозила горечь, но и доля понимания.

— Типа того, да, ты угадала — она самая, тайна исповеди.

Бальтазар опустил глаза, избегая её взгляда.

— Почему он это сделал? Зачем всё это? — встрепелась девушка, бросив по комнате беглый взгляд. Её голос задрожал. — Из своего дома меня выжил, а здесь жить оставил! Зачем и почему — не объяснил...

Она вскочила с кровати, сделала несколько шагов по комнате, затем резко остановилась, сжимая кулаки.

— Подожди. Женское сердце не обманешь, да, — он усмехнулся, стараясь разрядить обстановку, — много вопросов задаёшь... Всё дело в его отце, Дениса.

Бальтазар встал и подошёл к ней, говоря тихо и размеренно.

— Не поняла? В Арионе? А... — её глаза расширились от догадки, брови сошлись на переносице.

— Это всё, что мне дозволено тебе сказать. — Он развёл руками, словно показывая, что бессилён.

— А-а-а, — ехидно протянула она, но в её голосе уже не было прежней злости. — Хозяин разрешил часть тайны выдать.

— Хм... Дениса, ты неисправима. Подожди — и время поставит всё на свои места. Услышь меня.

Бальтазар слегка улыбнулся, пытаясь передать ей частицу своего спокойствия.

— Я только и делаю, что жду. — Девушка снова опустилась на край кровати. Её голос дрогнул, в нём прозвучала усталость и отчаяние.

— Дениса, — его спокойный тон сбивал с неё всю спесь, — прояви терпение.

Бальтазар сел рядом и положил руку ей на плечо, слегка сжал:

— Ты же знаешь, что есть вещи, которые мы озвучивать не должны. Придёт время, и он сам тебе всё расскажет. Не торопи события.

Девушка медленно кивнула, опустив голову. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь их дыханием. Где-то вдалеке послышался гул механизмов небесной обители — равнодушный и бесстрастный, как сама вечность.

Девушка очень внимательно его слушала. Её глаза, широко раскрытые и чуть влажные, неотрывно следили за выражением лица Бальтазара. Она понимала, что сейчас Бальтазар говорит не просто так, чтобы разум её затмить. Сказанное им — не пустые слова. Он говорил, подчёркивая каждое слово и определённый смысл вкладывая — в голос звучала непривычная для него мягкость, почти трепет. Несмотря на все разногласия между ними когда-то, девушка доверяла ему, может быть, даже как самой себе. Раз он так говорит, значит, так и есть. В её душе шевельнулась робкая надежда — тонкая, хрупкая, как первый весенний росток.

Посмотрев ещё раз в серые глаза, она кивнула в знак согласия — медленно, словно взвешивая каждое движение.

— Будь на связи, — бросил он, вставая. — Ты меня слышишь, Дениса?

Его голос прозвучал чуть резче, чем хотелось бы, — он пытался скрыть волнение за привычной суровостью.

— Да, я слышу тебя, — она встала проводить его, невольно делая шаг ближе. Пальцы дрогнули, будто она хотела коснуться его руки, но сдержалась.

— Будь на связи.

— Хорошо.

Девушка посмотрела на Бальтазара, и глаза её наполнились слезами — они заблестели на ресницах, готовые вот-вот скатиться по щекам. Её губы слегка дрожали, а дыхание стало прерывистым.

— Бальтазар! — Она бросилась к нему на шею, уткнулась лицом в плечо, и плечи её затряслись от беззвучных рыданий.

— Ну, здравствуйте, — растерялся он, крепко прижав девушку к себе.

Его руки на мгновение замерли, а потом начали осторожно поглаживать её по спине.

— Только этого не хватало. Слезы побереги, — он отёр её лицо большим пальцем, стараясь говорить строго, но голос предательски смягчился. — Нашла чего плакать, тоже мне проблема.

Девушка залилась слезами — громко, навзрыд, судорожно вцепившись в его одежду. Такой он не видел её ни разу. Она всегда сохраняла твёрдость и стойкость духа, а тут — как дитя малое, беспомощное и ранимое.

— Дениса, прекрати. Не дави на сердце. Иначе я всё тебе сейчас расскажу, — выпалил он, чувствуя, как внутри всё сжимается от её боли.

— Да-да, — кивнула она, поднимая заплаканное лицо, — Бальтазар, расскажи мне всё, расскажи!

В её глазах читалась отчаянная мольба, почти отчаяние.

— А я не должен, ты же знаешь. — Его голос стал глухим, почти безжизненным.

Девушка спрятала лицо на его груди, её плечи продолжали подрагивать.

— Дениса, ну что ты делаешь со мной, — произнёс он, прижав её голову к себе. — Дениса...

Голос орионца дрогнул, а в груди разливалась горячая волна нежности и боли.

Его сердце разрывалось на части, но он и думать не мог о том, чтобы сейчас озвучить все планы своего командира. Он сглотнул комок в горле, пытаясь взять себя в руки.

— Всё, иди, — отстранилась она резко. — Тебя ждёт Харун, иди.

Её голос звучал глухо, но в нём проскальзывали стальные нотки — остатки прежней стойкости.

— Уверена? — Бальтазар не отпускал её от себя, приобняв за плечи. Его пальцы слегка сжимали её руку — он не хотел уходить, но и оставаться было нельзя.

— Да, — кивнула она, тяжело вздохнув. — Да.

— Успокойся, Дениса, — начал заговорщицким тоном он, стараясь вернуть разговор в более лёгкое русло, — и настройся на вселенское поле информации и энергии — и ты поймёшь, что происходит. Не могу тебе всё рассказать, Дениса. Всё дело в информационном поле Вселенной. Тебе же Харун говорил о том, что всё озвученное в поле оставляет след...

— Ты... слышал... — осторожно спросила она, слегка округлив глаза, — мой разговор с Харуном сегодня?

В её голосе прозвучала смесь тревоги и стыда.

— Да, — кивнул он, пряча от неё взгляд, — я слышал. Если ты думаешь, что я буду тебя в чём-то подозревать...

— Бальтазар, — девушка накрыла его губы ладонями, заставляя замолчать, — даже не смей думать об этом. Я никогда... Люциферу... никогда...

Её голос дрожал, а глаза снова наполнились слезами.

— Успокойся. — Он коснулся её лица и понял в этот момент, почему Люцифер так увлечён этой девушкой. От неё веяло чистотой и спокойствием, а детская откровенность и преданность давали сил — такой заряд энергии, который ни в одном источнике жизни не найдёшь. В его душе что-то дрогнуло — смесь восхищения, нежности и острой жалости.

— Люцифер тебя сюда прислал, — решился сказать Бальтазар, — для твоей безопасности. Ответственность он за тебя несёт и должен тебя обезопасить. Ты его женщина, а женщина — это тыл для своего мужчины. Она как колодец с родниковой водой: к нему постоянно возвращаешься и возвращаешься, чтобы утолить свою жажду. И тыл у мужчины должен находиться под его защитой. А если тыл под удар поставлен, так и ему некомфортно будет. Вот он тебя и защищает, Дениса.

И вдруг, резко притянув её к себе, он шепнул на ухо:

— На Люцифера настройся — и ты поймёшь, почему он так сделал.

От его слов у девушки резко высохли слёзы. Она замерла на мгновение, впитывая сказанное, а затем глубоко вздохнула, словно готовясь к новому этапу.

— Ты же умеешь так, Дениса, настройки создавать. Это всё, что я могу тебе сказать. — Больше ничего не говоря, Бальтазар вышел.

Он остановился в дверях, попрощался с ней жестом, дождался от неё ответного жеста — короткого кивка — и закрыл дверь. На мгновение он замер снаружи, прислонившись лбом к прохладной поверхности, и шумно выдохнул.

Проводив орионца, девушка наконец осуществила свою мечту. Переодевшись в ночные одежды, она нырнула под одеяло и затихла, обдумывая последние слова Бальтазара. Её сердце всё ещё билось неровно, но в голове постепенно выстраивалась новая картина мира.

Вскоре в коридоре послышались приглушённые шаги. Девушка замерла. Она закрыла глаза и настроилась на биополе подошедшего. Бальтазар прав: она может с лёгкостью считывать информацию с любого объекта Вселенной и даже прожить вместе с ними их чувства.

Первым её Михаил навестил. Она видела внутренним зрением, чувствовала энергию его — как он у двери топтался, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Только открыть дверь она ему не захотела. Встать с постели она не желала: не была готова к расспросам брата своего старшего.

Михаил постоял возле двери, весь дверной проём собою закрывая, не решался постучать. Уже который раз руку заносил, замирал и опускал. Растерянность её он чувствовал — и нежелание говорить сейчас не только с ним, но и вообще с кем-либо. В его груди шевельнулось что-то похожее на обиду, но он подавил это чувство.

Совладав с собою, Михаил отступил. Он принял решение навести контакт с Бальтазаром и узнать причину переезда. Ведь Люцифер и сам толком ничего не объяснил. Приказ отдал — девушку в покоях его поселить — и замолчал. Ни звука от него больше, от брата младшего, не было. Михаил сжал кулаки, пытаясь унять нарастающее беспокойство.

Глава 2

Люцифер нервно расхаживал по комнате, сжимая и разжимая кулаки. История с Денисой не давала ему покоя — она терзала его изнутри, словно острый клинок, вонзившийся в самое сердце. Надо было сказать всё по-другому, а не рубить с плеча... Но по-другому он не мог. Не умел.

Он не просто чувствовал — он знал: начини разговор на другой тональности, направь его в иное русло, и она не ушла бы никогда. Мысль эта жгла, разъедала душу, не оставляя ни минуты покоя. Но допустить дальнейшее её пребывание здесь, в его доме, он не мог — ни за что. Ей опасно оставаться здесь, пока всё не разрешится. Пока тьма не отступит, пока враги не будут повержены.

Сегодня ему предстоит вернуться в небесную обитель. Бальтазар сказал, что девушка не выразила протеста, войдя в его комнату. Значит, есть шанс... Даже если и выразила — он, Люцифер, не собирается отказываться от неё. Никогда. Ни за что.

Видимо, придётся потрудиться, возвращая её к себе. Главное — не отступить от своих принципов и не забрать девушку на Орион. Как бы ему этого ни хотелось, оставаться для неё в небесной обители на данный момент — самое безопасное. Он должен быть сильным. Должен думать о её жизни, а не о своих желаниях.

Он резко открыл верхний шкафчик в поисках кофе и начал нервно переставлять пакетики с чаем, швыряя их из стороны в сторону. Внезапно что-то тяжёлое упало ему на плечо, а затем со стуком обрушилось на стол.

Люцифер вздрогнул, замер на мгновение. Сразу не понял, что это; единственное, успел заметить краем глаза — белое и длинное, похожее на карандаш. Опустив голову, он замер, словно поражённый молнией.

На столе лежал тест на беременность с двумя полосками.

Не поверил своим глазам. Он прищурился, разглядывая две полоски, будто надеялся, что они исчезнут, растворятся в воздухе, окажутся лишь игрой воображения. Но нет — они были здесь, чёткими и безжалостными. В голове пронеслись тысячи мыслей, вихрь эмоций захлестнул его: шок, неверие, страх, а следом — волна такой всепоглощающей радости, что перехватило дыхание.

Значит, он не ошибся, почувствовав на ней энергию — свою энергию. Тогда, в тот момент, он не обратил внимания. Вполне вероятно, что на ней будет его энергия. Только теперь пришло понимание того, почему энергия проявила себя так рьяно — словно он ощутил самого себя, частицу своей души.

Получается, заговор, который дала ему Кяро во время их последней встречи, подействовал.

Люцифер опёрся о край стола, пальцы судорожно вцепились в деревянную поверхность, костяшки побелели. Он опустил голову, закрыв глаза, и перед внутренним взором промелькнули воспоминания...

Тогда, выходя из больницы в свой последний визит, стуча каблучками по мраморному полу, он уже почти скрылся за поворотом, как вдруг девушка догнала его и всунула в руки небольшой свиток, почти силой вложив его в ладони.

— Есть ещё один способ защитить свою женщину, — шептала она, глаза её горели неистовым огнём. — Призвать душу ребёнка в этот мир...

— Я не знаю, — растерялся орионец, чувствуя, как внутри всё сжимается от тревоги. — Мы пока ещё не обговаривали этот вопрос.

— Люцифер, — настойчиво продолжала Кяро, схватив его за рукав, — ты же знаешь: Вселенная хранит матерей для их малышей.

— Да, я знаю это, — робко ответил он, чувствуя себя вдруг совсем юным и беспомощным.

— Тогда ускорь этот процесс, — девушка посмотрела на него в упор, её взгляд был твёрд, как сталь. — Сам.

— Да, но если нарушить правила мирового закона, потом расплата придёт — и иногда с летальным исходом для обеих сторон. Ты же знаешь это, Кяро. Зачем тогда советуешь мне такое? Я не могу рисковать.

— Да, есть такое дело, — кивнула Кяро, но в её глазах не было и тени сомнения. — Расплата будет. Только ведь, призвав для неё душу в этот мир, ты печать забвения на неё поставишь — и женщина твоя, твоя жена, невидима для смерти будет. Ни один Арион её не найдёт. Да и что там Арион — ни один приспешник Аида к ней не приблизится. Если только... — осеклась Кяро, уставившись на него немигающим взглядом, в котором читалась какая-то скрытая угроза.

— Если... — машинально повторил Люцифер, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Если только она сама решит уйти в царство Аида.

Стиснув зубы, юноша потупился в пол, пытаясь переварить услышанное.

— Прочитай внимательно правила на свитке, — чётко выговаривая каждое слово, произнесла девушка. — Я вижу, как она дорога тебе, и вижу также, что именно тебя тревожит. Призовёшь душу согласно правилам — никому расплачиваться не придётся.

— Прочитать внимательно правила на свитке... — едва слышно шепнул Люцифер, сжимая свиток в руке так, что пальцы заныли.

А вот правила-то как раз он особо и не читал. Нашёл нужный заговор и совершил его — в порыве отчаяния, в надежде защитить ту, что стала для него всем.

Люцифер даже не имел желания отпираться. Дениса — это всё, что у него было на данный момент. Матери своей он давно уже не видел и не знал, что с ней и где она сейчас пребывает.

Дениса занимала всё больше и больше места в его жизни. Да и что там — в жизни: она завоевала его сердце и его душу. С ней было связано всё. Все его желания и все его стремления творить в этом мире свой мир очень тесно переплетались с Денисой. Он не видел себя без неё и не понимал сейчас, как раньше жил один.

Как же он жил раньше без неё?! Каждая мысль о прошлом казалась ему теперь нелепой, бессмысленной. Каждый свой день, прожитый вместе с ней, — да что там день, каждую минуту — он благодарил Всевышнего за то, что пути их пересеклись однажды в этом мире, во Вселенной, и судьбы переплелись.

— Ты не жалеешь о том, что отправил её? — осторожно спросил Ранан.

Люцифер резко вздрогнул: он не ожидал появления брата. Звук его голоса разорвал тишину, словно удар грома. Повернувшись спиной, Ранан присел на край стола, скрестив руки на груди, и внимательно посмотрел на него, словно пытаясь прочесть все тайны, спрятанные в глубине души.

— Нет, — выпалил Люцифер, резко выпрямившись. Его голос прозвучал громче, чем он ожидал, почти яростно. — Не жалею. Там она будет в безопасности. Обязательно будет.

Опершись на руки, он тяжело опёрся о край стола, костяшки побелели от напряжения. Эти две полоски не давали ему покоя — они словно прожигали дыру в его сознании, не позволяя ни на секунду отвлечься. Он то и дело бросал взгляд на тест, лежавший на столе, будто боялся, что тот исчезнет или окажется чьей-то жестокой шуткой.

— Ты знал об этом? — он резко схватил тест и показал его брату, почти швырнув его в сторону Ранана.

— Откуда? — пожал плечами тот, слегка приподняв брови. — Это же твоя женщина. Догадывался.

— Догадывался?! — голос Люцифера дрогнул от возмущения. Он сделал шаг вперёд, сжимая кулаки. — И молчал?!

— Да. Твоя энергия была постоянно с ней. Ты говорил мне нечто подобное, когда...

— Дея ждала ребёнка, — закончил за него Люцифер. В его голосе прозвучала горечь, воспоминания о прошлом обожгли душу.

— Да, когда Дея ждала ребёнка.

Поставив руки в боки, Люцифер нервно потоптался на месте, сделал несколько шагов взад-вперёд, словно зверь в клетке. Мысли метались в голове, сталкиваясь друг с другом, не давая сосредоточиться.

— Тебе придётся с ней поговорить, — заключил Ранан, не отводя пристального взгляда. Его голос звучал твёрдо, почти непреклонно. — Иначе сам понимаешь, как это будет выглядеть.

— Да я и так, — словно оправдываясь, произнёс Люцифер, опустив глаза, — идти к ней собирался и говорить с ней.

— Иди к ней, — строго сказал Ранан, вставая и подходя ближе. — Прямо сейчас.

— И как это будет выглядеть? — Люцифер провёл рукой по волосам, взъерошив их. — Я появлюсь перед ней, как ни в чём не бывало, после того, как отправил её прочь?

— Как ты представишь, так и будет выглядеть, — не отставал Ранан. — Теперь тем более, когда ты всё знаешь.

— Вот именно... Теперь, когда я всё знаю, как это будет выглядеть? — повторил Люцифер, голос его дрогнул. Он сжал край стола так, что пальцы заныли.

— Ты можешь не говорить... — пожал плечами тот, указывая взглядом на тест.

— Не говорить... — В голосе Люцифера читались нотки разочарования, почти отчаяния. — С её-то способностями читать мысли... Она почувствует ложь за километр.

— Тем более тебе нечего бояться: она сама поймёт, что ты задумал.

— Ранан... — Люцифер закрыл глаза, пытаясь унять внутреннюю дрожь.

— Иди к ней, — не унимался тот. — Ты всё равно собирался. Поверь мне, человеку, чем быстрее ты всё с ней обсудишь, тем проще будет для вас обоих, вернее, — кивнул на тест, — для вас троих.

— И что я скажу? — развёл руками Люцифер, его голос прозвучал почти жалобно. — Дорогая, извини, я узнал о твоей беременности... и поэтому сначала прогнал тебя, а теперь вернулся? Она выставит меня за дверь. Перевернёт, как всегда, все мои слова с ног на голову и выпроводит меня восвояси!

— Будь честен с ней, вот и всё. Между прочим, очень интересная и рассудительная девочка, хотя и не прочь поспорить, доказывая свою правоту, но потом всё равно придёт к общему мнению.

— Вот именно, к общему мнению, — закинув голову назад, Люцифер глубоко вздохнул, пытаясь унять бешеный стук сердца. — А что, если она не захочет этого общего мнения? Что, если решит, что я ей больше не нужен?

— А что тебе мешает, не понимаю? — продолжал Ранан. — Тем более... — Его взгляд упал на ворот Люцифера. — Я так понимаю, ты уже готов.

— Я готов к чему? — не понял намёка тот, нахмурившись.

Усмехнувшись, Ранан поднял правую руку. На безымянном пальце сверкнуло кольцо из тёмного золота с надписью: «Навеки только твоя».

На лице Люцифера заиграла улыбка — сначала робкая, неуверенная, а затем всё шире и шире, пока не превратилась в искреннюю, почти детскую радость. Он потянул за цепочку, и на его ладони блеснули парные кольца. Надпись на них гласила: «Навеки только твоя» и «Навеки только твой».

— И что, ты собираешься сидеть здесь и плакаться? — усмехнулся Ранан, хлопнув брата по плечу. — Иди к ней — теперь тем более отступать не стоит. Люцифер, брат мой, отбрось все свои печали и тревоги и будь счастлив.

— Будь счастлив, — задумчиво повторил Люцифер. Он сжал ладонь в кулак, чувствуя, как металл колец слегка давит на кожу, и, постукивая пальцами по стулу, ещё раз произнёс:

— Будь счастлив.

— Да, именно так, — кивнул Ранан, тепло улыбнувшись.

Ранан примерно с минуту внимательно смотрел на брата, изучая выражение его лица, пытаясь прочесть мысли. Затем, чуть прищурившись, решил задать вопрос:

— Ты что-то задумал, Люцифер?

Юноша молчал. В широко открытых чёрных, как ночь, глазах заплясали огоньки — не просто огоньки, а целые вихри идей, планов, решимости.

— Люцифер, — насторожился Ранан, чувствуя перемену в атмосфере.

— Мне нужно, — едва слышно выдавил тот, но затем голос его окреп, — встретиться с Бальтазаром.

— С Бальтазаром? — переспросил Ранан и судорожно сглотнул. Его брови сошлись на переносице. — Зачем?

— Да.

— С кем ещё, — теряясь в своих догадках, спросил тот, — тебе надо встретиться?

— С имамом.

— С имамом? — машинально повторил брат и тут же спохватился. — В смысле, с имамом? Ты же не собираешься...

— Да! — твёрдо ответил Орионец и серьёзно добавил, глядя прямо в глаза брату: — Расскажешь Михаилу — по шее получишь.

— Михаилу придётся сказать, ты же знаешь это не хуже меня, — Ранан попытался возразить, но, видя непреклонный взгляд Люцифера, закрыл рот и шумно выдохнул, раздувая щёки. По выражению лица брата он понял: сейчас все его доводы неуместны.

— Я — могила! — вместо этого показал он жестом, приложив палец к губам. — Как считаешь нужным, так и делай.

Люцифер кивнул и, положив руку брату на плечо, прошептал:

— Спасибо.

Сейчас, именно в этот момент, одобрение Ранана имело для него весомый аргумент: значит, он всё делает правильно. В груди разливалась странная, почти забытая теплота — смесь надежды, решимости и благодарности. Он глубоко вдохнул, расправил плечи и почувствовал, как страх отступает, уступая место уверенности.

Обернувшись в полотенце, Дениса прошла в комнату, ощущая, как капли воды стекают по спине, вызывая лёгкую дрожь. Она поправляла концы полотенца на голове — волосы постоянно рассыпались, падая на плечи влажными прядями, — когда сзади неё раздался глухой шёпот:

— Дениса.

Девушка резко обернулась, сердце подскочило к горлу. Тусклый свет заполнял всё пространство, отбрасывая зловещие тени в отдалённых углах комнаты. В одном из них, напротив неё, зашевелилась тень. Она медленно вышла на свет, приобретая очертания фигуры.

Перед ней стоял Люцифер. Он был хорош в своей тёмно-красной рубашке и тёмно-синих брюках, подчёркивающих его сложенную фигуру. Ткань рубашки слегка натянулась на плечах, а складки брюк подчёркивали стройность ног. Если бы не события последних дней, девушка без раздумий кинулась бы ему на шею, прижалась всем телом, вдохнула знакомый аромат. Однако память о происходящем в его доме заставляла держаться на расстоянии — словно между ними выросла невидимая стена.

Девушка схватилась за правый бок от резкой боли, пронзающей живот. Её обуял неудержимый страх перед ним и его энергией — мощной, подавляющей, почти удушающей. Дыхание сбилось, ладони вспотели.

— Лю-ци-фе-р, — медленно, по слогам произнесла она, оседая вниз, ноги подкашивались.

— Дениса, — он стремительно подхватил девушку за локоть, его пальцы слегка дрожали, — я напугал тебя?

— Да, ты напугал меня, — Дениса прижалась к его груди, стараясь скрыть своё смущение, но тело предательски дрожало.

Ноги подкашивались, словно она вот-вот упадёт в обморок. Люцифер сел на пуф, увлекая девушку к себе на колени. Он накрыл живот ладонями, чувствуя, как под тканью полотенца бьётся её пульс. Не решаясь задать вопрос, он замер, затаив дыхание.

— Ты напугал меня, — повторила она, аккуратно убирая его руки, голос звучал едва слышно, — ты пришёл другой.

— Другой? — Видя её смущение и внутреннюю борьбу, юноша решил оставить пока все свои вопросы при себе. Он задаст их чуть позже, когда она успокоится.

— Да, — кивнула она, — с другой энергией. Мне непонятной, — посмотрев пристально ему в глаза, добавила, и в её взгляде читалась тревога: — Зачем ты пришёл?

Не дождавшись от него ответа на свой вопрос, Дениса вдруг прильнула к нему по-детски, прямо как тогда в пещере, когда они прятались от бури. Её руки обхватили его шею, а голова уткнулась в плечо.

Люцифер растерялся. Он ожидал чего угодно — гнева, упрёков, холодного отчуждения, — но только не этого. Причиной возрождения фобии ему быть не хотелось. Словно прочитав его мысли, девушка осторожно встала, отстраняясь.

— Дениса, — он поймал её за руку, пальцы сжались чуть сильнее, чем планировал.

Она повернулась к нему, сделав попытку освободить руку, но он не отпустил.

— Дениса, — повторил он, поймав вторую руку, — я не отпущу тебя.

Растерянный вид Люцифера немного смутил её, тем более после произошедшего. На секунду девушка растерялась, в глазах мелькнуло что-то похожее на надежду, но тут же погасло.

— Ты очень интересный, — начала она, оставив все попытки освободиться, голос зазвучал жёстче, — сам прислал меня сюда, а теперь говоришь о том, что не отпустишь меня. Ты сам себя слышишь?

— Дениса, — Люцифер встал, не выпуская её ладоней, его голос стал твёрже: — Я не отпущу.

— Я не понимаю тебя, — не унималась она, пытаясь вырваться, но безуспешно. — Я всё думаю, думаю, почему ты так поступил, и знаешь что? Я не могу найти ответа. И чем больше я думаю, тем больше вопросов становится.

Люцифер притянул девушку за плечи, глядя прямо в глаза.

— Ты хоть помнишь, что ты мне наговорил? — продолжала Дениса, упираясь ладонями в его грудь, её голос дрожал от обиды. — А теперь ты говоришь, что не отпустишь меня.

— Всё, что я сказал в тот день, — произнёс Люцифер, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё кипело, — правда.

— Отпусти меня, — девушка попыталась отступить назад, но он притянул её к себе снова, почти прижал к груди.

— Тогда зачем ты пришёл, если всё, что ты сказал мне в тот день — правда? — зашептала быстро она, и в глазах блеснули слёзы.

— Да, всё, что я сказал тебе, — правда, — начал он, вспоминая слова брата. — Я овладел тобой, чтобы мой отец не имел на тебя права. Да, я поспешил, не спорю, но и ты, Дениса, ты же

ведь не оттолкнула меня тогда. Если бы ты дала понять, что не хочешь близости со мной в тот день, я мог остановиться. Но ты мне такого намёка не дала, даже возгласа не подала. Наоборот, ты расположила меня к себе, давая понять, что готова быть со мной не только в одном доме, в одной комнате, но и в одной постели.

— Замолчи, — зашипела она, отворачиваясь, лицо исказилось от боли. — Мне неприятен этот разговор.

— Нет! — не прекращал он, сжимая её плечи. — Моя вина в том, что я не договорил тогда... Только ты не задумывалась, почему ты живёшь в моей комнате? Почему Бальтазар привёл тебя именно сюда, и даже Михаил не выразил сопротивления?

— Бальтазар сказал, что выполняет твой приказ. А дальше мы сами друг с другом разберёмся.

— Да, всё верно, Бальтазар выполнял мой приказ.

Девушка коснулась лба ладонью, чувствуя, как пульсирует вена.

— Ты меня вконец запутал, — прошептала она, голос дрожал. — Я не понимаю...

— Дениса, — твёрдо повторил он, — я овладел тобой, чтобы ты не досталась моему отцу. — Внутри похолодело от пристального взгляда янтарных глаз. Сбравшись с духом, он продолжал, и каждое слово давалось с трудом: — Ты моя, Дениса! Ты для меня сотворена! Я никому тебя не отдам, Дениса!

— Но я... не понимаю... Тогда... Почему я здесь? — её голос звучал потерянно, почти беспомощно.

— Здесь ты в безопасности. Здесь ты под защитой Михаила.

Она вспомнила слова Бальтазара: он сказал перед уходом: «Всё дело в его отце, но если он захочет, сам тебе расскажет». Да, она очень много слышала об Арионе и знала о его намерениях миром править, обладая первосутью.

— Ариона больше нет, если мне память не изменяет, — дерзко произнесла она, но, увидев растерянность в глазах Люцифера, сменила тон, голос стал тише: — Я чего-то не знаю?

Юноша судорожно сглотнул, в горле пересохло.

— Может, расскажешь наконец, что происходит, Люцифер?

— Я тоже так думал... — Он облизнул пересохшие губы. — Мы все так думали, но...

— Но... — она затаила дыхание, ожидая ответа.

— Арион жив, и он где-то рядом.

— Откуда ты знаешь? Ведь башню разрушили. Ты сам говорил.

— Нет, не разрушили. Перенесли в другое измерение.

— Тогда я не понимаю тебя, — растерянно начала девушка, но Люцифер перебил её:

— Я ошибся... Или же... Я не знаю, Дениса. Я не знаю. Но у меня крышу сорвало, когда Бальтазар сказал, что Дениз с ребятами поймали сигнал Ариона. Я ушам своим не поверил!

— Ушам не поверил? Поэтому и наговорил мне всего-всего? — в её голосе прозвучала горечь.

— Я сказал специально, чтобы ты ушла.

— Да?

— Да, — ему с трудом удавалось выдержать колкость её взгляда, но он решил быть честным в разговоре с ней. Вполне возможно, именно честности и открытости ему и не хватало ранее, иначе всё пошло бы по другому пути.

— А теперь что изменилось? Проблема растаяла, как дым?

— Нет, проблема осталась, и тревога моя за тебя осталась.

— Тревога за меня?

— Да, тревога за тебя.

— Это так ты называешь, да? Всё то, что наговорил мне, оказывается, тревогой за меня называется?

— Да, Дениса, — он притянул девушку к себе за локоть, глядя прямо в глаза. — Я тревожусь за тебя. Больше, чем ты можешь себе представить.

— Отпусти меня.

— Нет, Дениса, нет, я не отпущу тебя. Никогда.

— Ты уже и так это сделал! — с вызовом бросила она, но в глазах читалась боль.

— Хочешь казни меня, хочешь милуй, но да, я испытал тревогу за тебя, — голос Люцифера дрогнул, прозвучал хрипло, почти надломленно.

Он сжал кулаки, стараясь унять внутреннюю дрожь, но пальцы всё равно слегка подрагивали.

— Поэтому заставил меня уйти сюда, к Михаилу? — в голосе Денисы прозвучала горечь, смешанная с обидой.

Она отступила на шаг, словно пытаясь создать хоть какое-то расстояние между ними, но в то же время её взгляд невольно цеплялся за его лицо, ища в нём ответы.

Слова «уйти к Михаилу» резанули по ушам, будто острый нож. Люцифер почувствовал, как внутри всё сжалось от боли — не физической, а той, что разъедает душу. Но он решил не терять самообладания, вдохнул поглубже, пытаясь унять бурю эмоций.

— Да, именно поэтому я и заставил тебя уйти к Михаилу, — произнёс он твёрдо, но в глазах читалась мука. Он хотел добавить что-то ещё, оправдаться, объяснить, но слова застряли в горле.

— Почему ты... не рассказал мне сразу... зачем... — её голос дрогнул, и в нём проскользнула нотка отчаяния. Она обхватила себя руками, словно пытаясь согреться или защититься. — Почему не доверился мне?

Люцифер сделал шаг вперёд, но остановился, увидев, как она невольно отпрянула. Его сердце болезненно сжалось.

— Ты бы ушла добровольно к Михаилу, знай, в чём дело? Ты бы покинула меня? — он произнёс это почти шёпотом, и в его голосе прозвучала такая уязвимость, какой она никогда раньше не слышала. В янтарных глазах застыла мольба.

— Нет, — резко бросила она, но тут же осеклась. Её голос смягчился, стал тише, почти беззащитным: — Ты прав, я бы не ушла. Ни за что.

На мгновение повисла тяжёлая тишина. Слышно было только их прерывистое дыхание и отдалённый гул ветра за окном.

Люцифер медленно поднял руку, словно хотел коснуться её лица, но замер на полпути. Его пальцы дрожали.

— Я боялся, — признался он наконец, и голос его прозвучал так тихо, что она едва расслышала. — Боялся потерять тебя. Боялся, что если скажу правду, ты возненавидишь меня за то, что я втянул тебя в эту игру. За то, что поставил твою жизнь под угрозу.

Он опустил голову, плечи его слегка ссутулились, и вдруг он показался ей не могущественным существом из иного мира, а просто человеком — уставшим, измученным страхом и виной.

— Я не хотел, чтобы ты страдала, — продолжил он, всё так же не поднимая глаз. — И поэтому сделал только хуже.

Дениса замерла, поражённая его признанием. Она смотрела на него — на его сгорбленные плечи, на дрожащие руки, на лицо, искажённое душевной болью, — и вдруг почувствовала, как обида, сковывавшая её сердце, начинает таять. Вместо неё поднималось что-то другое — понимание, сочувствие, а где-то глубоко внутри — всё та же любовь, которую она пыталась заглушить.

Она сделала шаг вперёд, затем ещё один, пока не оказалась совсем близко. Её рука сама собой потянулась к его лицу, пальцы осторожно коснулись его щеки.

— Люцифер... — прошептала она, и в этом шёпоте было всё: и упрёк, и прощение, и надежда.

Он резко поднял глаза, в них вспыхнул огонёк — сначала недоверия, потом робкой радости.

— Ты... ты не ненавидишь меня? — спросил он, и в голосе прозвучала детская, почти наивная надежда.

— Ненавижу, — тихо ответила она, и его лицо исказилось болью. Но она тут же улыбнулась — чуть дрогнувшей, но искренней улыбкой — и добавила: — Ненавижу за то, что заставил меня так страдать. Но... — она сделала паузу, — я не могу ненавидеть тебя по-настоящему.

Люцифер закрыл глаза, и на мгновение показалось, что он вот-вот рухнет — не от физической усталости, а от облегчения, которое накрыло его с головой. Он глубоко вдохнул, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами, а затем осторожно обнял её, сначала неуверенно, потом всё крепче, прижимая к себе так, словно боялся, что она исчезнет.

— Люцифер... — тихо произнесла Дениса. Её голос прозвучал так мягко, так по-настоящему, что что-то внутри него дрогнуло.

Он резко посмотрел на нее. В его глазах, обычно холодных и расчётливых, сейчас бушевала целая буря: гнев, страх, отчаяние, любовь — всё смешалось в один клубок противоречивых чувств.

— Ты не понимаешь, — хрипло выдавил он, и голос его предательски дрогнул. — Это не потому, что я... — он запнулся, сжал челюсти, пытаясь взять себя в руки. — Это ради твоей безопасности.

— Моей безопасности? — переспросила Дениса, и в её голосе зазвучали нотки горечи. — Ты отсылаешь меня к брату... ради моей безопасности? — Она покачала головой, и по её щеке скатилась одинокая слеза. — Как это вообще возможно?

Люцифер замер, словно поражённый её словами. Он смотрел на эту слезу, на дрожащие губы, на взгляд, полный боли — и вдруг осознал, насколько нелепо и жестоко звучат его слова. Внутри что-то надломилось.

— Я... — начал он, но голос подвёл, сорвался. Он сделал глубокий вдох, пытаясь собраться. — Я просто... боюсь. Боюсь потерять тебя. И от этого делаю глупости.

Дениса замерла, удивлённо глядя на него. Впервые за долгое время она видела его таким — уязвимым, растерянным, настоящим.

— Тогда почему ты отталкиваешь меня? — прошептала она, и в её голосе прозвучала такая искренность, что у Люцифера перехватило дыхание.

— Потому что не знаю, как быть рядом, — наконец произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Не знаю, как защитить и не задушить своей опекой. Не знаю, как доверять, когда всё внутри кричит: «Будь начеку!»

— Может, начнём с того, что будем просто говорить друг с другом? — тихо предложила она. — Без угроз, без приказов, без решений за двоих?

— Да, — выдохнул он. — Давай попробуем. Прости меня, — прошептал он ей в волосы. — Прости за всё.

— И ты меня прости, — ответила она, уткнувшись лицом в его плечо. — За то, что не смогла сразу понять.

Они стояли так несколько долгих мгновений, слушая, как успокаивается их дыхание, как утихает буря в их душах. Мир вокруг перестал существовать — остались только они двое, их тепло и хрупкое, только что родившееся примирение.

— И всё равно, — тихо начала девушка, и в её голосе прозвучала горькая обида, — ты должен был сказать мне как есть, а не ходить вокруг да около.

— А ты, — усмехнулся он, но в улыбке читалась затаённая боль, — всегда мне всё говорила?

Девушка удивлённо вскинула бровь, её глаза расширились от недоумения.

— У меня никогда не было от тебя секретов.

— Уверена? — он пристально посмотрел на неё, в янтарных глазах мелькнуло что-то тревожное.

— Да, — кивнула она твёрдо, но голос чуть дрогнул, — не понимаю, о чём ты.

Люцифер достал из кармана брюк белый предмет. Его пальцы слегка подрагивали, когда он протягивал его Денисе.

— И об этом тоже ты мне говорила?

Приглядевшись, Дениса покраснела до корней волос. Предмет, который демонстрировал её взору Люцифер, оказался не карандашом, а тестом на беременность с двумя полосками. Её сердце пропустило удар, а дыхание перехватило. Тяжело вздохнув, девушка уткнулась в грудь парня, пряча лицо.

— Где ты его нашёл? — тихо прошептала она, пряча свои глаза, голос звучал едва слышно, почти безжизненно.

— В шкафчике с кофе, за пакетиком чая... — он сделал паузу, и в его голосе прозвучала боль. — Почему ты не сказала мне, Дениса?

Он слегка тряхнул её за плечи, заставляя поднять голову. Его пальцы дрожали, но хватка была крепкой.

— Ты пришёл, потому что нашёл тест? — она подняла на него взгляд, в глазах читалась смесь страха и вины.

— Нет. Я и планировал прийти сегодня, как и обещал Бальтазару...

— Бальтазару, но не мне, — перебила его Дениса, в голосе зазвучали стальные нотки.

— Ты не ответила на мой вопрос. Почему ты мне не сказала? — его голос стал жёстче, но в глубине глаз читалась мольба.

— Я собиралась... сказать.

— Когда ты собиралась мне сказать? — он чуть повысил голос, но тут же взял себя в руки, стараясь говорить спокойнее.

— В тот день, когда ты выпроводил меня из своего дома, — дерзко заговорила она, и в голосе прорвалась обида. — Я знала точно, что жду ребёнка. До этого я не была уверена. Тест есть тест. Наиди сказала...

— Наиди?! — Люцифер резко выпрямился, брови сошлись на переносице. — То есть, Бальтазар был в курсе?

— Конечно, он же везде следует за мной, как тень, — поневоле будешь в курсе, — она пожала плечами, но в глазах мелькнула тревога.

— Мне Бальтазар ничего не говорил, — начал Люцифер, но девушка перебила его.

— Это же не его тайна. Имеет ли он право говорить об этом? — в её голосе прозвучала твёрдость, но под ней скрывалась уязвимость.

— Дениса... — он попытался что-то сказать, но она не дала ему продолжить.

— Всё, хватит! — она резко отстранилась, голос задрожал от эмоций. — Мне надоело стоять и оправдываться. А что бы ты сделал, зная об этом раньше? Не отправил бы меня сюда, да? Только вот не надо мне воду в уши лить.

Услышав последние слова, Люцифер рассмеялся — коротко, нервно, почти истерично.

— Ты смеёшься, да? Тебе смешно? — не унималась она, в голосе звучала горечь. — Как ты можешь смеяться в такой момент?

— Где ты этому научилась? Ну и жаргон... — он всё ещё улыбался, но улыбка быстро погасла, сменившись серьёзностью.

Оттолкнув его от себя, девушка отошла в сторону, обхватила себя руками, словно пытаясь защититься.

— Надоел, — ворчала она, голос дрожал. — Сначала заварил кашу, а теперь на меня стрелки переводит.

— Дениса, — юноша шагнул к ней, протягивая руку.

— Не трогай меня! — она отступила, но он не отступал.

Не обращая внимания на протест девушки, он притянул её к себе, поймав за локоть. Его пальцы мягко, но настойчиво обхватили её запястье.

— Всё должно быть проще, Лю-ци-фе-р, — произнесла она с вызовом, но в голосе прозвучала усталость.

— Повтори ещё раз, — восхищённо попросил он, и в глазах вспыхнул огонёк.

Люцифер тоже считал, что пора закругляться с этим спором. Ему и самому надоело быть как на пороховой бочке — каждый миг ожидания, каждое недосказанное слово жгли душу. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять бурю эмоций.

— Повторить что? Всё должно быть проще?!

— Нет, не это. Повтори моё имя — Лю-ци-фе-р! — он произнёс это почти шёпотом, но с такой нежностью, что у Денисы защемило сердце. — Мне нравится, как ты его произносишь, с небольшим акцентом, словно энергию жизни в него вложила. Лю-ци-фе-р!

— Ты неисправим, — усмехнулась Дениса, но в её улыбке промелькнула теплота.

— Ты права, всё должно быть проще, — проговорил он, и его голос зазвучал мягче, искреннее. Он крепко прижал к себе девушку и поцеловал — нежно, осторожно, словно боялся спугнуть.

— Что ты делаешь? — спросила она, слегка отстранившись, но не вырываясь. В её глазах читалось удивление, смешанное с робкой надеждой.

— Делаю нашу жизнь проще, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — Всё должно быть проще, — повторил он, — проще. Ты права.

Обняв девушку за талию, он поднял её, крепко прижал к себе и понёс. Его сердце билось так сильно, что, казалось, она могла это почувствовать.

— Люцифер, — ничего не оставалось, как обнять его за шею, — что ты делаешь?

— Повтори ещё раз, — выдохнул он, отрываясь от неё на мгновение, его глаза сияли.

— Лю-ци-фе-р.

— Ещё раз.

— С ума сойти, — она улыбнулась, и на этот раз улыбка была искренней, свободной.

Её звонкий смех наполнил комнату, звеня, словно колокольчики, разгоняя остатки напряжения и обиды. Люцифер улыбнулся в ответ, и на мгновение весь мир перестал существовать — остались только они двое, их смех и зарождающееся ощущение чего-то нового, светлого и настоящего.

Дениса не подозревала о том, какие действия сейчас совершаются на Орионе, какие значимые для них обоих события разворачиваются там. В этот самый миг, когда она, возможно, думала о чём-то обыденном или переживала из-за их ссоры с Люцифером, судьба её уже менялась — без её ведома, но с необратимой силой.

В центре большой просторной комнаты с высокими окнами, залитой мягким светом утреннего солнца, на мягких подушках расположилось несколько человек. Пол был устлан персидскими коврами с витиеватыми узорами, приглушавшими шаги и создававшими ощущение уюта и торжественности. Имам сидел спиной к двери, его фигура в длинных одеждах казалась монументальной и величественной. По правую руку от него, напротив окна, сидели представители Денисы — а именно Дениз со своими братьями: Дамиром и Ратмиром. Они держались прямо, с достоинством, но в глазах Дамира читалась тревога, а Ратмир нервно теребил край своего плаща.

По левую руку расположились Бальтазар и Остенах, представители своего командира; к ним подсел Денгиз, его лицо было непроницаемым, но пальцы слегка подрагивали — он явно нервничал.

Главным свидетелем происходящего являлся Михаил. Он, как посланник, подтверждающий волю самого творца, сидел напротив имама. Сердце Михаила было беспокойным — внутри бушевала буря противоречивых чувств. Он помнил, как всё начиналось, сколько боли и сомнений было на пути. Но он решил не перечить случившемуся. По крайней мере, это лучше, чем все предшествующие события. Да к тому же когда-то никях — союз сочетания пары и рождения новой семьи — должен свершиться. Значит, так тому и быть. Он глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, и расправил плечи.

Окинув взглядом присутствующих, имам произнёс, и его голос, глубокий и звучный, заполнил комнату, словно гудение древнего колокола:

— Мы можем начинать. Представители мужчины, вступающего в союз, готовы? — Он повернулся налево, его глаза, мудрые и проницательные, внимательно изучали каждого.

— Да, — кивнул Бальтазар, его голос звучал твёрдо, но в глубине души он испытывал странное волнение. Он думал о Люцифере — где он сейчас, что делает, знает ли о происходящем?

— Подтверждаешь? — спросил имам.

— Подтверждаю, — ответил Бальтазар, и его взгляд стал ещё более решительным.

— Подтверждаешь?

— Подтверждаю.

— Подтверждаешь?

— Подтверждаю.

Имам повернулся направо и задал точно такие же вопросы представителям стороны женщины, сочетающейся союзом рождения новой семьи. Его движения были плавными, размеренными, словно он вёл древний танец, известный лишь посвящённым.

Для Дениза такой обряд был в новинку. На его земле всё проходило по-другому — более шумно, с песнями и танцами, под открытым небом. Но он решил не перечить ради благополучия сестры и идти до конца. Он посмотрел на братьев — Дамир ободряюще кивнул ему, а Ратмир слегка улыбнулся уголком рта. Это придало ему сил.

— Подтверждаю, — произнёс он чётко и уверенно, без тени сомнения в голосе, хотя внутри всё сжималось от тревоги за сестру.

— Главный свидетель, — эхом прокатился голос имама, — подтверждает волю самого творца как желание двух сутей высшего ранга сочетаться семейным союзом, рождением новой семьи, на века от сотворения мира.

— Подтверждаю, — ни один мускул не дрогнул на лице Михаила, но его сердце билось учащённо. Он чувствовал огромную ответственность — словно на его плечах лежала судьба не только этих двоих, но и всего мироздания.

— Подтверждаешь? — спрашивал трижды имам, покачиваясь взад-вперёд, его движения напоминали колыхание ветвей под ветром.

И также трижды Михаил отвечал: «Подтверждаю». Его голос звучал ровно, но внутри он молился, чтобы всё сложилось правильно, чтобы этот союз принёс счастье, а не новые испытания.

Имам начал молитву. В этот момент все, сидевшие в позе лотоса, положили свои руки на колени ладонями вверх, отдаваясь медитации и молитве, повторяя про себя слова священника. Воздух наполнился едва уловимым ароматом благовоний, а тишина стала почти осязаемой.

— Я смотрю направо, на солнце, на одну из четырёх сторон света, я смотрю на восток, — голос имама звучал торжественно, проникая в самую душу. — Я смотрю на восход зари Земли. Я смотрю налево, на запад, смотрю на одну из сторон света, где заканчивается день и

начинается ночь. Я смотрю вверх. Я смотрю на своего всевышнего, на своего творца. Я обещаю своему творцу хранить и беречь жену свою, как самого себя, в горе и радости. Поддерживать её и оберегать её, защищать её от всех напастей, отстаивать её интересы перед творцом своим и даже защищать от самого себя, если на то будут веские причины, хранить честь её и достоинство её.

— Я клянусь, — чётко проговорил имам, его глаза закрылись, а лицо озарилось внутренним светом, — перед отцом своим строго соблюдать сказанное мною во веки веков и не сворачивать с намеченного пути своего. Клянусь!

Бальтазар открыл глаза. Он знал: тот, к кому обращается имам, возвращается из мира энергии в реальность и начинает со священником диалог, повторяя за ним слова клятвы. Он почувствовал, как по спине пробежал холодок — это было нечто большее, чем просто обряд. Это было соединение судеб, переплётение нитей мироздания.

— Клянусь! — повторил Бальтазар, и его люди вторили ему, их голоса сливались в едином порыве.

— Клянусь, — произнёс имам.

— Клянусь! — вторили ему хором представители Люцифера, их голоса звучали всё увереннее.

— Клянусь!

— Клянусь!

— Да будет так! — вынес заключение имам, обращая свой взор на людей Дениза. Его лицо озарила лёгкая улыбка, а в глазах читалось удовлетворение. Он поднял руки, благословляя собравшихся, и комната наполнилась ощущением чего-то великого, свершившегося.

Дениз напрягся. Его больше заботил сам процесс понимания происходящего — а именно не сбиться во время молитвы и произносить всё вовремя за имамом. Ладони слегка вспотели, дыхание участилось, а в груди билась тревожная мысль: «Только бы не ошибиться... ради сестры». Он сжал пальцы, стараясь унять дрожь, и сосредоточился на голосе имама, звучащем, словно древний напев.

— Я обещаю своему творцу, — продолжал имам, и его голос, глубокий и торжественный, заполнял комнату, проникая в самую душу, — беречь мужа своего, как саму себя, в горе и радости, поддерживать его и оберегать его, защищать его от всех напастей, отстаивать его интересы перед творцом своим и даже защищать его от самой себя, если на то будут веские причины, хранить честь его и достоинство его. Я клянусь перед отцом своим строго соблюдать сказанное мною во веки веков, не сворачивать с намеченного пути своего. Клянусь!

— Клянусь! — повторило за ним эхо мужских голосов. В них звучала разная интонация: Бальтазар говорил твёрдо, почти торжественно; Остенах — с лёгкой дрожью в голосе; Денгиз — уверенно, но с оттенком благоговения.

— Клянусь, — кивнул имам, его глаза были полузакрыты, лицо озаряла внутренняя сосредоточенность.

— Клянусь!

— Клянусь!

— Клянусь!

— Да будет так!

Дениз вздохнул с облегчением: он всё сделал правильно. В этот момент он почувствовал, как напряжение покидает тело, а на смену ему приходит странное ощущение причастности к чему-то великому, древнему, что связывает поколения и судьбы. Он бросил взгляд на братьев: Дамир едва заметно улыбнулся ему, а Ратмир одобрительно кивнул.

— Главный свидетель воли самого творца подтверждает сам факт свершившегося сегодня между мужчиной и женщиной? — имам обратил свой взор к Михаилу, его голос звучал строго, но в глазах читалась мудрость.

— Подтверждаю! — кивнул Михаил, и в его голосе прозвучала твёрдость, которую он долго в себе воспитывал. Внутри него всё ещё бушевали сомнения, но он решил следовать пути, который выбрал — пути поддержки брата.

— Подтверждаешь сам факт заключения союза между Нарыком, сыном Ориона, и Денисой, дочерью Земли, и рождения новой семьи?

— Подтверждаю! — ответил Михаил, и на мгновение его взгляд затуманился — он вспомнил, как когда-то и сам стоял перед имамом, произнося подобные клятвы.

— Подтверждаешь ли ты, Михаил, сам факт свершения семейного союза между Люцифером, сыном творца, и Денисой, твоей сестрой, дочерью зари?

— Подтверждаю!

— Подтверждаешь ли ты, Бальтазар, — обратился свой взор имам влево, — желание Люцифера вступить в союз с женщиной Земли добровольно?

— Подтверждаю! — кивнул Бальтазар. В его глазах мелькнула тень тревоги — он думал о том, как отреагирует Люцифер, когда узнает обо всём. Но он знал: это нужно для его же блага.

— Подтверждаешь?

— Подтверждаю!

— Подтверждаешь? — не отставал имам.

— Подтверждаю!

— Да будет так! — кивнул имам. — Да будет так! Да будет так!

Его голос звучал всё более торжественно, а движения стали плавнее, словно он вёл невидимый танец с самим временем.

— Подтверждаешь ли ты, Дениз, — посмотрел имам вправо, — желание Денисы вступить в союз с мужчиной Ориона добровольно?

— Подтверждаю! — без раздумий ответил Дениз так, словно ждал этого вопроса всю жизнь. В его голосе прозвучала искренность, а в глазах — глубокая уверенность. Он думал о сестре: «Пусть она будет счастлива, даже если не знает пока обо всём».

— Подтверждаешь? — переспросил имам, пристально глядя ему в глаза, словно пытаясь прочесть его мысли.

— Подтверждаю! — без тени сомнения кивнул таец, его спина выпрямилась, а взгляд стал ещё более твёрдым.

— Подтверждаешь?

— Подтверждаю!

— Подтверждаешь ли ты, Михаил, старший сын творца, сам факт свершившегося здесь и сейчас по добровольному желанию обеих сторон вступления в семейный союз и рождения новой семьи на века?

— Подтверждаю! — кивнул Михаил к великому облегчению присутствующих. В этот момент он почувствовал, как тяжесть, давившая на плечи, немного отступила. Он уже давно решил для себя внять словам Габриэля и не мешать младшему брату строить свою судьбу.

— Подтверждаешь желание между этим мужчиной, — кивнул имам в сторону Бальтазара, — и этой женщиной, — обратился он свой взор направо, — добровольно вступить в союз и рождение новой семьи?

— Подтверждаю! — кивнул Михаил без тени сомнения. Его голос прозвучал уверенно, почти торжественно. В глубине души он надеялся, что этот союз принесёт Люциферу счастье, которого тот так долго искал.

— Подтверждаешь желание между Люцифером и Денисой добровольно вступить в союз?

— Подтверждаю!

— Да будет так! — повторил имам, растирая свои ладони и омывая лицо своё. Его движения были плавными, почти ритуальными, а на губах играла лёгкая улыбка. — Да будет так!

— Да будет так! — повторили вместе с ним присутствующие в этой комнате, копируя его действия. Их голоса слились в едином порыве, создавая ощущение единства и сопричастности к чему-то священному.

— Если есть информация, — продолжал имам, и его голос стал строже, — согласно которой этот мужчина, — он бросил мимолётный взгляд на Бальтазара, — и эта женщина, — взглянул на Дениза, — не могут вступить в семейный союз, рождение новой семьи и не могут сочетаться никахом, прошу того, кто располагает такой информацией, высказаться здесь и сейчас перед нами либо же замолчать навсегда.

В комнате повисла напряжённая тишина. Все замерли, затаив дыхание. Даже лёгкий ветерок, проникавший через окно, словно остановился, боясь нарушить священную паузу. Каждый из присутствующих мысленно взвешивал свои знания, сомнения и страхи. Дениз почувствовал, как сердце забилося чаще — а вдруг кто-то всё же скажет? Бальтазар сжал кулаки, молясь про себя, чтобы никто не нарушил эту тишину. Михаил закрыл глаза на мгновение, прося у творца мудрости и терпения.

Прошло несколько долгих секунд. Имам медленно обвёл взглядом всех присутствующих, задерживаясь на каждом лице. Никто не произнёс ни слова.

— Да будет так, — наконец произнёс имам, и в его голосе прозвучало окончательное утверждение. — Союз заключён.

Сделав небольшую паузу, словно давая присутствующим в этой комнате минуту на размышление для принятия важного решения, имам обвёл взглядом всех собравшихся. В воздухе повисла напряжённая тишина — казалось, даже дыхание людей стало тише, а свет, пробивавшийся сквозь окна, замер в своих лучах. Он обратился к Бальтазару:

— Представители Люцифера, сына творца, сына Ориона, подтверждаете ли вы сам факт такой информации?

— Нет! — быстро ответил Бальтазар, хотя сам вопрос застал его немного врасплох. Его сердце на мгновение замерло, а затем забилося чаще. Он сжал пальцы, стараясь унять дрожь в руках. — Не подтверждаю!

— Подтверждаешь? — переспросил имам, его голос прозвучал строго, почти испытующе.

— Нет, — отрицательно кивнул тот, — не подтверждаю.

— Подтверждаешь?

— Нет, не подтверждаю! — твёрже произнёс Бальтазар. В его глазах мелькнуло облегчение, но вместе с тем и тревога: он понимал, что теперь обратного пути нет.

— Представители Денницы, дочери самого творца всех творцов, дочери Земли Зари, подтверждаете ли вы сам факт такой информации, согласно которой они — этот мужчина и эта женщина — не могут вступить в союз, рождение новой семьи и совершить никах?

— Нет, — резко ответил Дениз, — не подтверждаю!

Его голос прозвучал уверенно, но внутри он чувствовал странное волнение. Он бросил быстрый взгляд на братьев: Дамир слегка кивнул ему, а Ратмир сжал кулак в знак поддержки.

— Подтверждаешь? — снова спросил имам, словно испытывал его на прочность, проверяя глубину убеждённости.

— Нет, не подтверждаю! — повторил Дениз, выпрямив спину и глядя прямо в глаза имаму.

— Подтверждаешь?

— Нет, — неизменен был в ответе своём Дениз, — не подтверждаю!

В его голосе зазвучала твёрдость, которой он сам от себя не ожидал. Он думал о сестре: «Пусть будет счастлива, даже если пока не знает всей правды».

— Старший сын творца, — обратился он к сидящему напротив Михаилу, — присутствующий на данном заседании совершения никаха в качестве главного свидетеля происходящего,

подтверждаешь ли ты сам факт наличия информации, согласно которой мужчина и женщина, Люцифер и Денница, не могут сочетаться законным союзом, рождением новой семьи? Подтверждаешь?

— Нет! — эхом отозвался голос Михаила. Его лицо оставалось спокойным, но внутри бушевала буря противоречивых чувств. — Не подтверждаю, нет такой информации!

Он вспомнил слова Габриэля, их долгие разговоры о судьбе, о выборе, о том, что иногда нужно отпустить, чтобы дать шанс счастью.

— Подтверждаешь?

— Нет, не подтверждаю!

— Подтверждаешь?

— Нет, не подтверждаю! — Его ответ прозвучал твёрдо, почти торжественно. Он принял решение и теперь нёс за него ответственность.

— Согласно всем правилам и законам, — продолжил имам, и его голос зазвучал особенно величественно, — свершившегося здесь в присутствии свидетелей со стороны мужчины и со стороны женщины: человек, утаивший информацию, если таковая имеется, согласно которой этот мужчина и эта женщина не могут сочетаться никаком для рождения союза новой семьи и не огласивший её, пусть в таком случае замолчит навсегда. Да будет так!

— Да будет так! — повторили присутствующие за ним. Их голоса слились в едином порыве, создавая ощущение чего-то древнего, вечного, что связывает поколения и судьбы.

— Волей, данной мне Ал-ла-х-хо-м, — произнёс имам с особой торжественностью, поднимая руки к небу, — закрепляю этот союз между вышеназванной женщиной и вышеназванным мужчиной, рождение новой семьи на века, и даже смерть не разлучит их.

Его слова эхом отдавались в комнате, наполняя её священной силой.

— Можете обрадовать мужа, — сказал имам, чуть склонившись влево, — и жену, — повернулся он слегка направо, — союз между ними заключён. Благодарю всех участников сторон!

— Благодарю! — склонился в почтении Бальтазар, его голос дрогнул от волнения. Он чувствовал, как на плечи ложится новая ответственность.

— Благодарю! — повторил его жест Дениз, в его глазах блеснули слёзы радости и гордости за сестру.

— Благодарю! — сухо ответил Михаил, но в глубине души он ощутил странное облегчение — словно тяжёлый груз начал понемногу спадать с плеч.

Теперь оставалось сделать самую малость — донести новость о сочетании никахом до Денисы. Михаил опасливо переглянулся с Бальтазаром, и тот едва заметно кивнул в ответ. В груди Михаила нарастало беспокойство: он опасался реакции девушки, несмотря на все уверения младшего брата о её согласии. Он представил, как она отреагирует — возможно, возмутится, что её не спросили, или, наоборот, обрадуется, поверив в искренность чувств Люцифера.

Бальтазар, словно прочитав его мысли, тихо произнёс:

— Мы должны быть честны с ней. Она имеет право знать правду.

Дениз, стоявший рядом, добавил:

— И мы будем рядом, чтобы поддержать её, что бы она ни решила.

Михаил кивнул, чувствуя, как в нём крепнет решимость. Да, они расскажут Денисе всё — и пусть дальше судьба идёт своим чередом.

Вернувшись в небесную обитель, Михаил направился в сторону покоев Люцифера. Ведь именно там пребывала его сестра. Воздух здесь был пропитан тонким ароматом цветущих лилий, а мягкий свет, льющийся сквозь витражные окна, создавал на полу причудливые узоры. Но Михаил почти не замечал этой красоты — его мысли были заняты Денисой и тем, как она воспримет новость о заключённом союзе.

— Михаил, подожди. Ты куда?... — остановил его Габриэль, внезапно появившись из-за колонны. Его голос прозвучал неожиданно громко в тишине коридора.

— Я... — растерянно начал Михаил и указал жестом в сторону комнаты Люцифера, чувствуя, как внутри нарастает смутное беспокойство.

— Ты хочешь Денису навестить? — Габриэль буквально свесился с перил. Было ощущение: ещё немного — и он просто вцепится в руку старшему брату. В его глазах плясали озорные искорки, но Михаил уловил в них и что-то более серьезное.

— Да, — кивнул тот, невольно замедляя шаг. — А почему ты спрашиваешь? — задал вопрос Михаил, уловив заговорщический вид на лице брата. Его сердце чуть ускорило ритм — он почувствовал, что сейчас услышит что-то важное.

— Не ходи к ней, — быстро зашептал тот, наклоняясь ближе и понижая голос почти до конспиративного шёпота.

Михаил хотел возразить, но брат опередил его:

— К ней пришёл Люцифер. Вернее, — продолжил он тем же тоном, — он вернулся.

— Он у себя? — также шёпотом спросил Михаил, и в груди что-то ёкнуло. Он невольно сжал пальцы, пытаясь унять внезапную дрожь.

— Да, у себя... То есть у неё, у них... Короче, я запутался, — бросил он, чем вызвал улыбку на лице Михаила — искреннюю, тёплую, несмотря на всю сложность ситуации.

— Я не видел его.

— Ещё бы! Представь, — усмехнулся тот, и его глаза заблестели от удовольствия, — он вошёл через потайные двери. Конспиратор! — Лицо Габриэля озарила широкая улыбка, полная мальчишеского восторга.

— Хорошо, — кивнул Михаил, но в его голосе прозвучала нотка грусти.

— Ты думаешь, — не унимался Габриэль, понизив голос и наклонившись ближе, — он не заберёт её?

— Я не знаю, — пожал плечами Михаил, и в этот момент он почувствовал себя удивительно уязвимым. — Надеюсь, не заберёт.

— Ты всё ещё мечтаешь перетянуть его сюда?

Михаил развёл руками, стараясь выглядеть беспечным, но внутри всё сжималось от тревоги.

— Я уверен, — продолжал Габриэль, и в его голосе зазвучала непривычная серьёзность, — когда всё закончится, он заберёт её на Орион. Свой дом ведь не зря же он так долго строил.

— Как знать, как знать, — вставил Михаил, понимая, что отчасти тот прав, но отказываясь полностью принять эту мысль. — Но шанс есть всегда.

— Тут ты прав, — согласился Габриэль, его взгляд стал мягче. — Шанс есть всегда.

— Я тоже надеюсь, — начал Михаил также тихо, почти шёпотом, — что он осядет здесь с нами, — и добавил, глядя брату прямо в глаза: — Вместе с ней.

Габриэль вздохнул и безнадёжно махнул рукой. Он прекрасно понимал желание брата — видел эту тоску в его глазах, эту надежду, которая жила в сердце Михаила годами.

Конечно же, Михаил мечтал о том времени, когда Люцифер наконец-то успокоится в своём стремлении найти себя и осядет здесь, в небесной обители, помогая им в ведении разных проектов. Он представлял, как они втроём — он, Люцифер и Дениса — будут работать вместе, обсуждать планы, смеяться за общим столом. Эта картина грела душу, но казалась такой далёкой...

Люцифер был непреклонен. Он считал, что сидеть в лаборатории среди пробирок и прочей утвари — не для него. Он воин. И, как любой воин, должен находиться среди вверенных ему самим Творцом солдат. Его глаза загорались, когда он говорил о сражениях, о чести, о долге — и тускнели, когда речь заходила о мирной жизни.

Михаила это раздражало. Он не понимал, не мог принять, как сын самого Творца может так наплевательски относиться к своей судьбе — к дарам, которые были ему даны, к возможностям, которые открывались перед ним. Внутри него бушевала буря эмоций: любовь к брату смешивалась с досадой, надежда — с отчаянием.

От всех недовольств и наставлений старшего брата Люцифер отмахивался — небрежно, почти пренебрежительно. Он даже имя себе другое взял, вызывая недовольство старших братьев. Этот жест казался Михаилу вызовом — личным, направленным прямо против него.

Михаил раздражался. Раздражало такое положение дел, но поделать он ничего не мог — и от этого становилось ещё хуже. Он стискивал зубы, сжимал кулаки, но понимал: силой Люцифера не удержать.

Одна надежда — Дениса.

Люцифер был влюблён, что бросалось в глаза. Михаил видел, как меняется выражение его лица, когда он говорит о ней, как теплеет взгляд, как смягчаются черты. И, возможно, если девушка примет решение остаться здесь, в небесной обители, Люцифер смирится и останется рядом со своей любимой.

Так будет спокойнее всем, в том числе и ему, Михаилу, так как два дорогих его сердцу человека останутся рядом с ним. Он закрыл глаза на мгновение, представляя эту картину: Люцифер, Дениса, их смех, их счастье — здесь, рядом, в этом доме. И в груди разливалась тёплая волна надежды, почти осязаемая, почти реальная...

Дениса опять слышала песню в той же тональности, только немного другого содержания: Чтобы ты могла встречать рассвет на моей груди.

Чтобы я могла встречать рассвет на твоей груди.

Госпожа моя, моя жена, повелительница моей души.

Мой господин, мой муж, повелитель сердца моего.

Мелодия звучала так нежно и проникновенно, что казалось, будто она исходит не извне, а рождается где-то глубоко внутри, отзываясь в каждом уголке души.

Открыв глаза, она не сразу поняла, что происходит. Её голова покоилась на груди Люцифера, тот сладко посапывал, его дыхание было ровным и спокойным. Девушка закрыла глаза, слушая биение его сердца — размеренное, мощное, успокаивающее.

Прямо как в песне: «Чтобы ты могла встречать рассвет на моей груди...»

Потянувшись, она прижалась к нему ещё сильнее, ощущая тепло его тела. Её рука по привычке скользнула по его груди... и вдруг замерла.

Дениса резко открыла глаза, пытаясь осознать, что именно сдерживает её руку. В груди затрепетало странное предчувствие — смесь удивления и зарождающегося волнения.

— Ты проснулась? — Вопрос Люцифера потряс её ещё больше. Его голос прозвучал так близко, так интимно, что по коже пробежали мурашки.

— О боже, что это? — пробурчала сонно она, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

— Это всего лишь я, — прошептал Люцифер, целуя девушку в лоб. Его губы были тёплыми и нежными, а прикосновение вызвало волну приятной дрожи.

Дениса привстала, желая выяснить причину её обездвижения. На шее Люцифера блестела серебряная цепочка с двумя золотыми кольцами. В одно такое кольцо и попал безымянный палец левой руки.

— О боже, — нежная улыбка коснулась губ девушки, а в глазах заблестели искорки веселья и удивления, — опять. — Она подняла руку, разглядывая кольцо.

— А с этим что делать?

— Ничего, — сонно пробормотал Люцифер, положив её руку себе на грудь. Его ладонь была тёплой и надёжной. — Это мой тебе подарок.

— Да, подарок, значит, — игриво бросила она, чувствуя, как внутри разливается волна нежности.

— Мгм, — кивнул он, не открывая глаз, но улыбка тронула его губы.

— Заметь, у тебя привычка дарить мне кольца в постели, — рассмеялась она, и её смех прозвучал звонко и беззаботно, как утренний ручей.

— Играешь со мной, да? — Его лицо растянулось в довольной улыбке. Он приоткрыл один глаз и посмотрел на неё с лукавым блеском. — Играешь, — протянул он, — по глазам вижу. — Его тон напоминал мурчащего кота, которого хозяйка почесала за ухом. — Ты моя фурия.

Девушка наблюдала за ним с лёгкой улыбкой из-под пышных ресниц. Её каштановые пряди рассыпались по плечам, обрамляя лицо мягкими волнами. Она походила на Медузу Горгону, только вместо извивающихся змей — непослушные локоны, игриво падающие на щёки. На минуту Люцифер залюбовался ею. Розовый румянец подчёркивал детскую припухлость её щёк и губ, делая её похожей на ангела, сошедшего с небес.

— Заметь, ты сама попала в мои сети, — он светился, довольный собой, его глаза искрились от счастья. — Наши судьбы неразделимы.

— Да, — протянула она, слегка смущаясь, но в то же время чувствуя, как внутри расцветает радость, — угораздило меня утром.

— А кто сказал, что утром? — промурлыкал тот, целуя её в шею. Его губы слегка касались кожи, вызывая волну мурашек. — Это случилось раньше. Я думал, ты знаешь.

— Я не помню.

— Ещё бы, — развёл он руками с шутливым упреком, — ты помнила? Ты была так увлечена...

— Замолчи! — Нежные пальчики накрыли его губы, не давая возможности договорить. Её щёки залились румянцем, а в глазах блеснуло смущение пополам с нежностью.

Такая откровенность девушку смущала, но в то же время наполняла душу теплом. Накрыв её ладонь своей рукой, он крепко поцеловал её, коснувшись кольца.

— Смотри, ты попала в кольцо, которое тебе и предназначалось.

— «Навеки только твой», — прочитала она надпись на кольце с улыбкой, и её глаза заблестели от слёз счастья.

Люцифер расстегнул цепочку, освобождая второе кольцо.

— Сама судьба нас повенчала. Смотри.

Произнося это, он поднял правую ладонь над кольцами. Между ладонью и его кольцом возникли мерцающие энергетические потоки — они переливались всеми оттенками голубого и золотого, словно звёздная пыль. Подняв кольцо, они осторожно водрузили его на палец Люцифера. Между кольцами искра пробежала, соединяя их навек энергетической невидимой нитью — тонкой, но прочной, как сама вечность.

— Снять их, — продолжал он, направляя ладонь на её руку, — могу только я.

— От слов его кольцо на пальце девушки засияло мягким светом и немного соскользнуло, остановившись на середине. — Если ты не хочешь, — начал Люцифер, в его голосе прозвучала нотка тревоги, — оно может...

— Я согласна, — перебила его девушка, загибая палец и возвращая кольцо на место. Её голос звучал твёрдо, но в глазах читалась безмерная нежность. — Я давно сказала тебе «да».

— Я заказал специально для тебя...

— То же, на Сириусе?

— Нет, на Орионе. Такие кольца делают на Орионе из особого золота. Кольца парные, и если кто-то из нас, не дай Бог, потеряется по какой-то причине, второе кольцо найдёт в любых мирах и измерениях и приведёт друг к другу. Я просил Бальтазара заказать их в моё отсутствие.

Я тогда был ранен, пребывал на Сириусе, — он немного смутился, его голос стал тише. — Не думал, что скажу это.

— Ты ещё тогда решил? — Брови девушки поползли вверх, а глаза расширились от изумления. В груди разливалась волна нежности и благодарности.

— Да, ещё тогда. Я поклялся себе, что если выживу... там, то возьму тебя в жёны.

— А если я...

— «А если» я не рассматривал, честно скажу. У меня даже мысли такой не возникало, что ты откажешь, можешь вместо «да» сказать «нет». Бальтазар всегда был рядом и подтвердил, что чувства наши взаимны. Вот тогда я и поручил ему заказ. Боялся ошибиться с твоим размером, но, как видишь, всё даже намного лучше.

В этот момент Дениса почувствовала, как её сердце переполняется любовью. Она молча прижалась к Люциферу, уткнувшись носом в его плечо. Он обнял её крепче, и оба замерли в этом объятии, ощущая, как их судьбы действительно слились воедино — навеки.

— Да, но... — Девушка опять подняла руку, демонстрируя кольцо на среднем пальце с цепочкой вокруг запястья. Её пальцы слегка дрожали, а в глазах читалось неподдельное любопытство, смешанное с лёгкой растерянностью.

— Ну... Я орионец, начнём с этого. А у нас на Орионе принято сначала делать девушке предложение о замужестве, а потом уже всё остальное. И да, принято дарить кольцо или браслет, — Люцифер говорил спокойно, но в его голосе звучала гордость за традиции своего народа. Он слегка улыбнулся, наблюдая за реакцией Денисы.

— Они тоже что-то означают? — спросила она, поворачивая руку так, чтобы лучше рассмотреть игру света на поверхности кольца.

— Кольцо считается объектом сердца. Получается, мужчина отдаёт сердце своей избраннице, — произнёс Люцифер, и его взгляд на мгновение смягчился, словно он мысленно возвращался к моменту заказа этих колец.

— А браслет?

— Он признаёт её права как человека и как женщины. На Сириусе сирийки не дадут согласия на союз с мужчиной, если он не преподнёт ей в дар слейв-браслет.

— Слейв-браслет? — переспросила Дениса, слегка нахмутив брови, пытаясь запомнить незнакомое слово.

— Да, — повторил он, кивая.

— Как ты узнал мой размер? — её голос прозвучал чуть тише, почти шёпотом, будто она боялась нарушить хрупкую атмосферу момента.

— Поручил Бальтазару.

— Бальтазару? — переспросила Дениса, и в её глазах мелькнуло удивление.

— Да, Бальтазару. Как ты сказала, он всегда был рядом с тобой, как тень, и смог определить твой размер.

— Странно, мне он не говорил...

— Ну, опять повторю твои слова: это тоже не его тайна, и говорить о ней он не имел права. Да и какой же это сюрприз, — продолжал он, посмотрев в её глаза с тёплой, почти лукавой улыбкой, — если твоя женщина о нём знает?

Улыбнувшись, он чмокнул её в лоб. Девушка сдалась: она решила больше пока вопросов не задавать, но внутри неё всё ещё бурлили эмоции — любопытство, радость, лёгкая тревога.

— Интересно, — вздохнула она, рассматривая свою руку, — из чего они сделаны?

— Из тёмного золота янтаря, — добавил Люцифер. В его голосе прозвучала нотка гордости. — Они сделаны по особой технологии. В момент творения источник энергии отключался три раза, в результате чего структура молекулы золота меняется. Оно становится тугим и в то же время подстраивается под форму своего хозяина.

— Хозяина?

— Да. Помни, Дениса, ты его хозяин, а не оно — твой, — его голос звучал серьёзно, но глаза улыбались.

— Интересно, — хмыкнула девушка, и в её взгляде мелькнуло озорство. — Ты всем своим женщинам делаешь предложение во время близости с ними? — Этот вопрос не давал ей покоя последнее время. — Своего рода лайфхак!

Лицо Люцифера залил румянец. Шутка девушки задела за живое — он слегка смутился, но постарался сохранить самообладание.

— Я, — начал тихо он, и в его голосе прозвучала непривычная для него уязвимость, — так же чист и невинен, как и ты.

Вопрос застыл в её глазах. Она боялась озвучить своё предположение. Больше боялась ошибиться, чем озвучить его. Её сердце забилося чаще, а пальцы невольно сжали край простыни.

— Мне некому было делать предложение. У меня не было женщин до тебя... — его голос стал тише, почти шёпотом. — Можно сменить тему разговора? — с лёгким раздражением в голосе начал он. — Дениса?

— Хорошо, хорошо. Последний вопрос.

— Так, стоп! Я понял, куда ты клонишь.

— Никуда не клоню.

— Я выбрал тебя не потому, что ты чиста и невинна. Вообще, я больше обратил внимание на ту сумасшедшую, которая преследовала меня по моим следам. Меня смущал только один факт: женщина, которая была для меня сотворена. Я не мог... не должен был... — он запнулся, подбирая слова.

— А потом...

— А потом я понял, что моя преследовательница и моя Дениса — одно и то же лицо. И я дал волю своим чувствам, — в его глазах вспыхнул тёплый огонёк, и он нежно провёл рукой по её волосам.

— А что если...

— Так, без «если», — поднял руку он, но в его голосе уже не было строгости — только лёгкая усталость от её настойчивости.

— Ну всё же...

— Дениса! Не испытывай меня.

— А что, если мы оказались не одно и то же лицо? — не отставала она. — Как бы ты поступил? Кому тогда из нас ты отдал бы волю чувствам?

— Ты серьёзно, да?

— Да.

— Ты уже задавала мне этот вопрос, и я дал тебе ответ на него. — Он посмотрел в её глаза, на секунду задумался, и его лицо стало серьёзным. — Хорошо, я тебя по твоей энергии узнал. Тебе бы я и отдал все свои чувства. Надеюсь, ты довольна моим ответом?

Девушка кивнула. В её глазах блеснули слёзы счастья, но она быстро сморгнула их, стараясь сохранить игривый тон.

— А как ты понял... — Люцифер приподнял бровь. Ещё один каверзный вопрос. — Что я чиста и невинна после... — Она замолчала, вспомнив произошедшее. — С того случая... на Земле?

— Во-первых, я верю Михаилу.

— А во-вторых?

— А во-вторых... А во-вторых, Дениз не пришёл бы тогда ночью, иначе всё было бы иначе. Он проверял, не тронул ли я тебя. Ведь ты тогда ночь со мной провела, к нему в лагерь не вернулась.

Ему нравилась реакция Денисы. Она с интересом рассматривала кольца, несколько раз читала надписи, порой показывала своё безразличие к происходящему, а глаза блестели от удовольствия и счастья. В эти моменты она казалась ему особенно прекрасной — искренней, живой, настоящей.

— А почему, — решила она задать вопрос, — у тебя на правой руке, а у меня на левой? Мне казалось, должно быть одинаково.

— Так принято на Орионе. Мужчина — это правая рука в семье, женщина — левая.

— Я видела у Ранана наоборот.

— Так решил Ранан. Я не могу ответить тебе на этот вопрос. На него может ответить сам Ранан. Если тебе будет интересно, сама его спросишь.

— Ты его никогда не спрашивал?

— Нет. Так тоже не принято. На Орионе очень много проживает народов, и у каждого могут быть свои правила.

— Да, но...

— Так, — он прижал её к себе, повернувшись на бок, — я не понял, почему речь идёт о Ранане. — На лице девушки заиграла улыбка, и он не смог сдержать ответной усмешки. — Я не ревную, конечно же.

— Глупости какие, — вставила она, и её голос прозвучал легко и беззаботно.

— Но сейчас я тебя накажу. — Не дождавшись ответной реакции, он крепко поцеловал её.

Он припал к ней, как уставший путник к колодцу, чтобы утолить свою жажду. Его губы были горячими и настойчивыми, а объятия — крепкими и надёжными. Дениса ответила на поцелуй, чувствуя, как все тревоги и сомнения растворяются в этом моменте. В груди разливалась волна тепла, а сердце билось в унисон с его сердцем.

Она обвила руками его шею, прижимаясь ближе, и на мгновение весь мир перестал существовать — остались только они двое, их дыхание, их чувства, их судьба, сплетённая невидимыми нитями энергетических колец.

Дениса не стеснялась в проявлении своих чувств. Она коснулась его живота ладонями, когда он вошёл в неё, подарив ему волну наслаждения. По телу юноши пробежала робкая дрожь — словно электрический разряд прошёл по нервам, заставляя каждую клеточку тела оживать.

На миг Люцифер потерялся от нахлынувших чувств. Его дыхание сбилось, а сердце забилось так часто, что, казалось, готово было выпрыгнуть из груди. В глазах потемнело, и на секунду он перестал ощущать реальность вокруг — остались только её прикосновения, её тепло, её дыхание на его коже.

Словно почувствовав его замешательство, девушка медленно подняла руки вверх, как будто нарочно касаясь ладонями его груди, шеи, плеч. Каждое её движение было наполнено такой нежностью и страстью одновременно, что у Люцифера перехватило дыхание. Он почувствовал, как по спине пробежали мурашки, а в груди разливается волна тепла, охватывающая всё тело.

Она немного отстранила парня от себя и окинула взглядом их слившиеся друг с другом тела, чем ещё больше его смутила. В её глазах читалась такая откровенная страсть, смешанная с нежностью, что Люцифер на мгновение потерял дар речи.

— Дениса, — позвал девушку он, пытаясь переключить её внимание, но его голос дрожал от переполнявших эмоций.

Казалось, Дениса не слышала его. Её глаза блестели, щёки покраснелись, а дыхание было прерывистым.

— Я люблю тебя! — услышал робкий шёпот Люцифер. — Буду всегда любить тебя! — Её голос звучал так искренне, так проникновенно, что в его душе что-то дрогнуло.

— Я люблю тебя! — едва слышно произнёс он, накрывая её губы тихим поцелуем. Его губы слегка дрожали, а пальцы непроизвольно сжались на её талии.

— Буду всегда любить тебя! — шептала она, и каждое слово звучало как клятва, как обещание, данное на всю жизнь.

— Я люблю тебя! — отвечал ей он, чувствуя, как в груди разливается тепло, заполняя каждую клеточку его существа.

— Буду всегда любить тебя.

— Я люблю тебя, — повторил Люцифер, понимая, что никах между ними совершён не только формально, но и в их душах, в их сердцах. Он ощутил, как невидимая нить связывает их навсегда, прочно и неразрывно.

Он уткнулся лбом в середину её груди, продолжая совершать медленные движения. Девушка не отпускала его от себя, не давала ему возможности отстраниться — её руки крепко обнимали его спину, пальцы слегка царапали кожу, словно боясь, что он исчезнет.

Он чувствовал с каждым своим толчком в неё, как крепнет связь между ними, как она притягивает его к себе всё сильнее и сильнее, обхватив ногами его торс. Это было не просто физическое соединение — это было слияние душ, переплетение энергий, рождение чего-то нового и вечного.

После чего он обмяк, так и оставшись лежать, не меняя своего положения. Его дыхание постепенно выравнивалось, но сердце всё ещё билось учащённо.

— Дениса, что? — осторожно спросил он, чувствуя, что её бедра продолжают медленно двигаться в такт. Его голос прозвучал хрипло, почти неузнаваемо.

— Я не могу остановиться, — переводя дыхание, произнесла она. Её голос дрожал, а на губах играла счастливая улыбка. — Ты завёл меня.

Качнувшись ещё раз вперёд, Люцифер пропустил свои руки под спину девушки и, крепко прижав к себе, приподнял, таким образом усаживая её на себя. Его движения были одновременно сильными и нежными — он хотел дать ей всё, что мог, отдать всего себя без остатка.

Испустив стон облегчения, Дениса чуть откинулась назад. Из её груди вырвался крик наслаждения, чистый и искренний, словно гимн их любви. Её волосы рассыпались по плечам, глаза закрылись, а лицо озарилось светом счастья.

— Дениса, — робко позвал её Люцифер. Его голос дрожал от переполнявших чувств.

Такое происходило с ним впервые. Он никогда прежде не испытывал ничего подобного — ни такой глубины чувств, ни такой силы страсти, ни такой ясности осознания: это — его судьба, его жизнь, его любовь. Казалось, весь мир замер вокруг в ожидании чего-то грандиозного, готового свершиться в сию минуту. Время остановилось, пространство сузилось до них двоих, а вселенная словно затаила дыхание.

— Люблю тебя! — произнесла она, выгибаясь в его руках и заливая комнату ярким светом зари. Её голос звучал как музыка, как молитва, как клятва на веки вечные. Свет, исходящий от неё, был не просто физическим явлением — он был отражением её души, её любви, её преданности.

Люцифер почувствовал, как слёзы подступают к глазам — не от грусти, а от переполняющей его благодарности и счастья. Он прижал её к себе ещё крепче, словно пытаясь впечатать её образ в своё сердце навсегда.

— И я люблю тебя, — прошептал он в ответ, целуя её в висок. — Навсегда.

Михаил тестировал систему навигации между Орионом и Сириусом. Его пальцы быстро скользили по сенсорной панели, а взгляд метался между множеством голографических экранов, отображающих траектории движения кораблей. Всё чаще появлялись сведения о гравитационной воронке в том районе — и это тревожило Михаила всё сильнее.

Мало того что корабли теряли скорость хода, так они ещё и исчезали с радаров, связь с ними прерывалась вовсе. Они могли отсутствовать от нескольких дней до недель по планетным меркам, а потом появлялись как ни в чём не бывало, не понимая сути происходящего. Капитаны в своих отчётах писали о необъяснимом чувстве дезориентации, о странных звуках в отсеках, о сбоях в работе систем жизнеобеспечения.

Очевидцы утверждали, что попадали в сферу вакуума. Они словно находились в подвешенном состоянии, будто время для них останавливалось. Возможно, кто-то или что-то прокладывал себе путь. Только вот кто это и с какой целью действует — предстояло выяснить.

Михаил понимал, что вместе с образованием воронки рождается новая материя, отличающаяся по всем показателям от уже существующей. Он ощущал, как внутри нарастает смесь азарта исследователя и тревоги: что, если эта материя несёт угрозу? Какие изменения внесёт она в уже стабильный мир, надо было тщательно изучить — от этого могли зависеть судьбы целых цивилизаций.

Лаборанты запустили дрон в гравитационную воронку. Все показания регистрировались на цифровом компьютере — гигантской сенсорной панели во всю стену северного направления. В воздухе парили голографические проекции, мигали предупреждающие индикаторы, а система непрерывно выдавала потоки данных.

— Смотри, — указал Андрей на разворачивающуюся точку в центре монитора. Его голос дрожал от возбуждения, а глаза горели азартом первооткрывателя.

Михаил старался рассмотреть то место, куда указывал юноша, но не мог ничего определить. Его брови сошлись на переносице, а пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— Я ничего не вижу, — бросил он Андрею, сделав попытку увеличить объект исследования на мониторе.

Точка расплылась на множество пикселей, теряя свою форму, словно издеваясь над их попытками разгадать тайну.

— А попробуй вот так, — Андрей протянул 3D-очки с большими прозрачными линзами. Его руки слегка дрожали от волнения.

Сенсорная структура линз позволяла отрегулировать их, не снимая, прямо на себе.

Михаил пытался настроить фокус зрения, но безуспешно. Его раздражение нарастало — он привык быстро разбираться в сложных системах, а тут какая-то мелочь не поддавалась.

— Не трогай, — оборвал его Андрей.

Он заставил жестом первого наклониться и, прикоснувшись к оправе, задал программу. Михаил ощутил себя внутри компьютера, хотя он прекрасно понимал, что это всего лишь эффект 3D-оправы контакта. На боковых панелях побежали цифры — быстро, хаотично, словно нервная система живого существа. Система просчитывала вероятность обнаружения объекта. В центре монитора возник прицел-мишень. Его зелёный свет оставил отблески в глазах Михаила, заставив их слегка слезиться.

Система высчитывала предполагаемое место нахождения объекта, а также заодно старалась восстановить размер, форму и скорость движения объектов в космическом пространстве. Круг мишени переместился немного вправо и вверх, сузился и замер — словно прицеливаясь в невидимую цель.

— Объект найден, — выдала система приятным женским голосом. — Объект найден.

— Понял тебя, — ответил Михаил, не сводя глаз с монитора. Его сердце забилося чаще, а ладони слегка вспотели от напряжения. — Просчитай все параметры отсчёта.

На боковых панелях линз снова побежали цифры. Михаил терпеливо ждал. Он привык к терпению с детства, тем более в данном случае спешка ни к чему. Система сама всё просчитает и выдаст результат. Но внутри него бушевала буря эмоций: любопытство, тревога, предвкушение открытия.

И система выдала:

— Объект неопределён. Скорость объекта замедляется. Форма объекта не установлена. Объект неопределён, — повторилась система, — объект не имеет постоянной формы. В журнале архивации вид объекта не найден.

Михаил задумался. Его лицо стало серьёзным, почти мрачным. Что же это может быть? Новое образование, так получается, раз нет даже в системе архивации? В груди нарастало странное чувство — будто он стоит на пороге чего-то грандиозного и одновременно опасного.

— Там определён что-то есть, — вставил Андрей. В его голосе звучала смесь восторга и тревоги. — Только у нас не получается определить вид и степень светимости.

— Я вижу воронку, — прокомментировал Михаил, — разделённую на блоки солнечного света ближайшей звезды.

Его голос звучал напряжённо, словно он пытался убедить самого себя в увиденном.

— Да, — подтвердил Андрей. — Так оно и есть. Так-то оно так, но...

— Что тебя смущает? Говори! — Михаил резко повернулся к помощнику, его глаза сверкнули.

— Я не знаю, как сказать, — замялся юноша, нервно теребя край лабораторного халата.

— Говори как есть, — Михаил поднял очки наверх, закрепил их на макушке. Впрочем, этого не требовалось. Густая шевелюра и так играла роль сдерживающего фактора от падения.

— Объект обладает живым сознанием, — наконец выпалил Андрей, и его голос дрогнул.

— Живым сознанием? Ты уверен? — Михаил почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Да, смотри, — Андрей задал на мониторе программу вхождения в контакт. Его пальцы дрожали, но он старался не показывать волнения.

— Что ты видишь?

Михаил видел, как два биополя встречаются друг с другом. Биополе программы ИИ компьютера — зелёного цвета, нового объекта — синего. В результате их взаимодействия они почему-то выдавали красный цвет — тревожный, предупреждающий. А потом, через небольшой промежуток времени, вакуум начал строить стену — словно воздвигая барьер между исследователями и тайной.

— Он... защищается! — прошептал Михаил. Его глаза расширились от изумления, а голос прозвучал почти неслышно.

— Да, — кивнул Андрей, — он прячется от нас.

— Получается... — удивлённый взгляд Михаила насторожил лаборанта. В его сознании вихрем пронеслись мысли, гипотезы, догадки.

— Он понимает, что его обнаружили? — закончил за него Андрей. — Скажу больше...

— Не тяни, говори.

Михаил никогда не любил эту тянучку. Лучше сказать всё и сразу, считал он. Его пальцы непроизвольно сжимались и разжимались, выдавая внутреннее напряжение.

— ТТ4 понимает, кто его обнаружил.

— ТТ4? — Михаил удивлённо вскинул бровь, пряча улыбку. В груди разливалась волна азарта — они на верном пути, они действительно открыли что-то невероятное.

У Андрея был дар придумывать новые ярлыки для своих открытий. Да что там уж — для своих, для открытий всего легиона. Если у кого-то возникали трудности в выборе названия объекта перед внесением в статистический документ, отправлялись в аналитический центр космического исследования, или космологии, как ещё называли отдел лаборатории Андрея. Он всегда давал имя объекту чётко и по существу — с такой уверенностью, будто знал его суть с самого рождения.

— ТТ4, — пояснил тот, и в его голосе прозвучала гордость первооткрывателя. — Трансформационная территория воронки 4. Мы знаем четыре воронки подобного рода, — продол-

жал он, жестикулируя с энтузиазмом. — Но только одна из них, — указал он на монитор, — обладает определённым сознанием.

Андрей не договорил, как внезапно свет отключили и компьютеры погасли.

Ангелы замерли. Михаил почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он ощущал, как на него устремились тысячи пар глаз в ожидании дальнейших действий — не только в этой лаборатории, но и с верхних этажей. В воздухе повисла напряжённая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием окружающих. А он и сам не знал, что делать! Такое на его памяти впервые. Сердце забилося чаще, ладони слегка вспотели — он ненавидел моменты неопределённости.

Лампочки на минуту включились и погасли. Компьютеры повторили то же самое.

— Что происходит? — послышался шёпот среди лаборантов. Голоса звучали тревожно, почти испуганно.

— Кто-нибудь знает?

— Ой! И что же будет дальше? — в голосе одного из молодых учёных слышалась неподдельная паника.

— Смотрите!

— Что это?

— Какая красота! — вдруг восхищённо воскликнул кто-то.

Михаил снял очки — оставаться в них пока не было смысла — и повернул голову в сторону скопления голосов. Его лаборанты столпились возле огромного окна. На фоне сумеречного горизонта играло сияние света. Оно то поднималось столбом до самого края небес, то развивалось полотном, подобно флагу на ветру, переливаясь всеми цветами радуги. В это время сияние казалось особенно красивым — завораживающим, почти магическим.

В небесной обители не существовало понятия дня и ночи. Небесная обитель — царство дневного света, территория дня. Единственное, распределение солнечного света было неравномерным во время прохождения Айнизы по своему кругу.

Лаборанты радовались новому явлению, как дети. Показывали пальцем, верещали, делили на спектры. Надевали очки в желании снять параметры. Кто-то даже попытался сделать пару снимков на лабораторные планшеты, смеясь и переговариваясь. Их глаза горели восторгом, а лица озарились улыбками.

Михаил смотрел на них и восхищался их детской наивностью. В груди разливалась тёплая волна — он вспомнил, как сам когда-то так же восторженно реагировал на каждое открытие. Но тут же эта радость сменилась тревогой: он понимал, что за внешней красотой может скрываться серьёзная угроза.

— Как долго нам сидеть без света? — шёпот Габриэля над ухом прозвучал как приговор.

Михаил повернулся к нему. У брата был талант появляться из ниоткуда в тот самый момент, когда его никто не ждёт, с кучей реплик и комментариев. Михаил невольно вздохнул — иногда присутствие Габриэля действовало на нервы, но сейчас он был готов выслушать любую идею.

— Не знаю, — коротко бросил Михаил, пожав плечами. — Всё зависит от степени повреждения.

— Хм. Смотри, — кивнул он на зрителей у окна, — радуются, как дети. — Габриэль говорил очень тихо, так, чтобы больше никто его не слышал, кроме старшего брата, разумеется. — А они, интересно, в курсе о том, откуда исходит данное сияние?

Михаил бросил на него вопросительный взгляд, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Сияние исходит от нас.

— От нас! — Михаил чуть нахмурил брови, его глаза расширились от удивления. — В смысле... от нас?

— Мгм.

— Не понимаю тебя, о чём ты.

— Из покоев Денисы... — Габриэль изучающе посмотрел на собеседника и добавил: — Я так понимаю, сияние первосутей даром для нас не пройдёт.

— Михаил, — раздался голос сверху.

Михаил поднял голову. На него с верхнего пролёта смотрел механик. Механический отсек был на пролёт выше отдела компьютерного анализа и синтеза. Именно они отвечали за исправность всего оборудования небесной обители — от душевого крана до самого сложного технического устройства. В чёрной форме и закрывающей всё лицо маске он выглядел угрожающе. Руки покрывали плотные чёрные перчатки. На первый взгляд он казался неуклюжим и неповоротливым. На самом же деле всё его одеяние было сделано из лёгких прочных материалов. Они позволяли легко двигаться и в то же время защищали от любых механических повреждений.

— Да, я слушаю тебя, — откликнулся Михаил, стараясь говорить уверенно, хотя внутри всё сжималось от тревоги.

— У нас, — поправил тот маску, — сгорели транзисторы.

— В смысле сгорели? — не понял Михаил. — Все три?

— Да, все три вышли из строя.

— Причину аварии можешь указать? — спросил Михаил, хотя сам уже знал ответ. Его голос звучал ровно, но пальцы непроизвольно сжимались и разжимались.

— Виновато всему, — мастер поправил очки, — сияние света. Оно создало перепады напряжения между транзисторами и источником тока. Вот всё и полетело. Мы оказались не готовы к такому напряжению. Бахнуло так, что искры посыпались! Откуда оно только взялось, — вздохнул он, — на нашу голову! Придётся тебе, Михаил, новое исследование провести и причину этого явления выяснить. Нам нужно знать, как с этим явлением работать.

— Выясним, — кивнул Михаил. — Нам тоже надо знать, — тихо добавил он, — как с этим явлением работать. Скажи мне, как надолго мы будем оставаться без источника энергии. Сколько времени у вас займёт восстановление всех контактов вашего блока?

— По планетным меркам — примерно дня на три.

— Отлично! — выдохнул Габриэль с иронией, закатив глаза.

Михаил покосился на него, желая ответить на комментарии брата. Но в этот самый момент наверху послышалась суeta и возня вперемешку с репликами между мастерами инженерного отдела.

Мастер исчез с лестничной площадки, потом вернулся. Принял прежнюю стойку, оперевшись на перила, подав Михаилу знак переждать.

— Говори, не молчи, — приказал ему Михаил. — Я должен быть в курсе происходящего.

Он перевёл взгляд на молодёжь, не опуская головы. Ребята продолжали восхищаться возле окна так, словно их это и не касалось. А по сути, вся ответственность лежала на нём, Михаиле, за успешный исход любого дела небесной обители. В груди нарастала тяжесть — он чувствовал груз этой ответственности всем своим существом.

— Смотри, как веселятся! — прокомментировал Габриэль. — Вопросы насущные их не касаются.

— Всё зависит от того, — переключился Михаил на брата, и его голос стал твёрже, — что ты понимаешь под насущными проблемами. У каждого они свои, и то, что важно для нас, их вообще не интересует. Ты же знаешь закон жизни! Чего тогда возмущаешься?

— Да-да, конечно, знаю.

Габриэль не успел выдать следующие комментарии, как раздался голос сверху:

— Мы восстановили один резистор переменного тока, сейчас свет будет.

Михаил молча кивнул, подняв голову. Механик снял перчатку, сложил указательный и большой палец, образуя между ними круг. Таким образом он сообщал об успешном исходе дела. В лаборатории стало чуть светлее — первые лампы робко замерцали, возвращая ощущение стабильности. Михаил выдохнул с облегчением, но понимал: это лишь начало. Впереди их ждёт ещё много загадок.

— Всё отлично! — прокомментировал он, и в его голосе прозвучала явная гордость за проделанную работу.

— Хорошо, — махнул ему Михаил, стараясь скрыть облегчение. — Спасибо за быстрое решение проблемы.

Его плечи чуть расслабились — напряжение последних минут понемногу отступало.

— Обращайтесь, — пошутил тот, — если что. Всегда рады помочь.

— Ты не хочешь поговорить с Люцифером? — тихо прошептал Габриэль, наклонившись ближе к брату. В его глазах читалась смесь тревоги и раздражения.

— С какой стати?! — Михаил резко повернулся к нему, не скрывая удивления. Его брови сошлись на переносице, а голос прозвучал резче, чем он планировал.

— Пусть меньше развлекается. Так мы можем неделями сидеть без света. Все проекты встанут.

— Интересно, — в тон ему съязвил Михаил, и в уголках его губ появилась ироничная усмешка. — Ты за себя больше волнуешься или за нас, за всех?

— За всех, — нашёлся что ответить тот, но его взгляд на мгновение метнулся в сторону, выдавая неуверенность. — Конечно же, за всех! Ну пойми меня правильно, мои проекты тоже встанут, а мне бы не хотелось время терять.

— Зависть — плохое чувство, Габриэль, — улыбнулся старший брат, но в его улыбке было больше строгости, чем теплоты. — Нас отец этому с детства учил, если ты, конечно же, помнишь.

Надув щёки, Габриэль обречённо вздохнул, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди:

— Ну вот как можно с тобой разговаривать...

— Не встанут, — с усмешкой продолжил Михаил, не давая среднему брату отыграться в словесной перепалке. Его голос звучал уверенно, почти победно. — Твои проекты.

— Да?

— Да.

— Как это? Поясни! — Габриэль подался вперёд, его глаза загорелись любопытством. Он забыл о недавней обиде — интерес взял верх.

— Мы проектируем транзисторы посильнее, с накопительной структурой энергии.

Габриэль задумался, сделал непонимающий жест рукой, слегка нахмутив лоб. Хотя он примерно представлял значение сказанного, несмотря на то, что ботаника была ему ближе.

— Энергия будет накапливаться, — пояснил Михаил, жестикулируя, чтобы лучше донести мысль, — и потом расходоваться в случае вот такого, — он кивнул на монитор, где всё ещё мерцали тревожные индикаторы, — непредвиденного аварийного отключения.

— Как интересно! Ну ты меня успокоил, — Габриэль похлопал себя по груди, и на его лице расцвела улыбка облегчения. — А почему я ничего не знаю?

— Меньше надо в лаборатории сидеть, ботаник! — Михаил не смог сдержать лёгкой насмешки, но в ней не было злобы.

— Ну отлично, я ещё и ботаник! — Габриэль шутливо возмутился, но в его глазах уже не было обиды.

Бросив на него мимолётный взгляд, Михаил направился к компьютеру. Поставку энергии восстановили, компьютеры зашумели, восстанавливая все программы и файлы. Он с удовле-

творением наблюдал, как на экранах появляются знакомые интерфейсы, а системы постепенно возвращаются к нормальной работе.

— А вообще, — продолжил Габриэль, выплясывая вокруг брата с живым энтузиазмом, — ты должен посмотреть. Есть очень интересный экземпляр.

Михаилу сейчас было не до ботанических исследований среднего брата. Сначала надо здесь разобраться. Он глубоко вдохнул, пытаясь сосредоточиться на текущих задачах.

Габриэль, Рафаил, Уриил с детства ставили опыты с семенами растений, изучая разные условия произрастания того или иного вида. Ему же, Михаилу, была отведена иная роль в структуре этого мира. И сейчас он должен отыграть её достойно и выйти, если уж не победителем, то хотя бы не проигравшим. В груди нарастало знакомое чувство ответственности — он не мог подвести тех, кто на него рассчитывал.

— Я понял тебя, — ответил он, стараясь говорить мягче. — Поднимусь к тебе, когда здесь закончу.

— А что у тебя здесь? — проявил интерес Габриэль, его глаза снова загорелись любопытством.

— Тоже, — усмехнулся Михаил, — очень интересный экземпляр. — В его голосе прозвучала нотка гордости за собственное открытие.

— Можно взглянуть? — спросил Габриэль, хотя уже сам отобрал очки у брата с мальчишеской непосредственностью.

— Конечно, я собирался тебе предложить, — Михаила улыбнуло от его заинтересованности. Он не смог сдержать тёплой улыбки — иногда простота и искренний интерес Габриэля действовали на него умиротворяюще.

Габриэль по натуре своей был и вправду ботаник. Растения были его страстью по большей части. Михаил вспомнил, как в детстве Габриэль бегал по саду с сачком для бабочек, восторженно показывая каждому пойманное создание. Он с детства, сколько помнил себя Михаил, проводил время среди трав и животных. Особенно его интересовали цветы и бабочки. Последних он обожал. Вывел в своё время множество видов крылатых — видимо-невидимо. Все планеты здешней округи кишели пёстрыми созданиями разного размера и формы. Особенно досталось Ориону: практически все новые виды обитали там, и тестирование на приспособляемость к новым условиям тоже проходило там.

Люцифер очень любил бабочек. Они напоминали ему цветы Эксколаза — такие же лёгкие и воздушные. Его лицо всегда смягчалось, когда он смотрел на них. Он вспоминал, как ветер подхватывал созревшие шапки цветов и переносил с места на место, участвуя таким образом в расселении видов по склонам и долинам гор. Созревшие бутоны не теряли своей сочности и яркости вопреки всем законам жизни мироздания — это завораживало.

Жизнь на Орионе текла немного иначе, чем на других планетах солнечной эклиптики. Время здесь замирало, замедляя свой бег, а порой и останавливая его. Вегетационный период растений затягивался от нуля до неопределённого биологического ритма. Вот этим-то Орион и привлекал Габриэля. Он хотел, чтобы творения его имели вечную жизнь. Достичь этого можно было только на данной планете.

И Габриэль старался для него — младшего брата с человеческим генофондом, хотя сам себе в этом не признавался. Люцифер тоже делал вид, что не понимает такой заинтересованности брата к планете — его, кстати, планете Орион. Но в глубине души он ценил эти старания.

В детстве Люцифер любил рисовать нектарниц разного окраса и размера крыльев. А Габриэль, в свою очередь, приступал к воплощению в реальность его творений. Так рождались новые виды. Михаил помнил, как братья часами сидели рядом — один рисовал, другой записывал параметры, мечтая воплотить фантазии в жизнь.

Люцифер видел старания брата. Правда, явной радости не выражал, но и протеста не оказывал. В его взгляде порой мелькала теплота, которую он тщательно скрывал за маской серьёзности.

А сейчас у него назревал новый проект — впрочем, как и у всех в этой обители. Творец собирался взять Землю под свою защиту и навести на ней порядок. Сделать в структуре Земли перезагрузку, создать новые земли и заселить их народами. Да и с прежним народом надо было что-то решить. Вот только план этот пока вынашивался в умах математиков-архитекторов. А изменения структуры генофонда флоры и фауны уже велись — и всем этим он, Габриэль, заведовал.

На Земле много вирусов пребывало. А вирус — это такая матрица, направив которую в нужное русло, можно получить хороший результат: изменить генофонд, не прибегая к формам генной инженерии. Габриэль ощущал, как в груди нарастает волнение при мысли о масштабах предстоящих преобразований. Он представил, как новые формы жизни начнут распространяться по планете, преображая её облик. В его воображении уже рождались картины цветущих долин, невиданных растений, удивительных существ — и всё это благодаря его усилиям.

Девушка резко встала. Осмотревшись по сторонам, она бросила взгляд на место рядом с собой. Коснулась рукой подушки — она была ещё тёплой. Люцифера нигде не было. Сердце Денисы ёкнуло, а внутри разлилась лёгкая горечь разочарования.

Яркий солнечный свет заливал комнату со всех сторон, делая её ещё объёмнее, чем она есть на самом деле. Её комната в утренние часы открывалась солнцу Ориона. Айниза уже достаточно высоко стояла в своём зените над небесной обителью. В такие моменты практически все этажи нашего творца были хорошо освещены. Нет такого места, которого не коснулся бы солнечный луч. Даже самые затемнённые углы утром светились божественной белизной, отдавая свою чистоту и невинность каждому проходящему ангелу или человеку.

Айниза делала большой круг вокруг своего центра оси, таким образом, что этажи дома творца всегда были освещены. Днём всё заливалось белым цветом, отражённым от мраморных стен, а ночью царил полумрак. Да и что там душой кривить — его и полумраком назвать нельзя. Освещение, конечно же, было тусклым, но достаточно эффектным. Денисе, как человеку Земли, пришлось завешивать шторы для воссоздания эффекта ночи. Таким образом, в небесной обители всегда царил день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.